

Anna Milton

С
лепой

Подростковый роман о дружбе, отношениях между взрослыми и их детьми и, конечно же, о любви. Сюжет разворачивается в культурной столице России — городе Санкт-Петербурге. Главная героиня — ученица девятого класса Алина Воронова. Девочке предстоит столкнуться с жизненными проблемами, поиском истин, и, наконец, она должна понять, как важно оставаться самой собой.

Анна Милтон

Слепой

— Нет трагедии, есть только неизбежное. Все в жизни имеет свой смысл, тебе нужно лишь научиться различать, что преходяще, а что вечно.

— Что преходяще?

— Неизбежное.

— А что вечно?

— Уроки неизбежного.

Паоло Коэльо «Пятая гора»

Пролог

Однажды в жизни человека наступает время, когда его мир необратимо меняется. Новые чувства, мысли, люди... все это сводит с ума. Этому жизненному перевороту дано определение. Взросление.

Люди становятся старше, детство ускользает, а судьба преподносит беспощадные уроки, тем самым уча нас, как правильно жить.

Мы совершаем ошибки, сталкиваемся с обманом и предательством, но все эти испытания рано или поздно приводят нас к чему-то хорошему.

С взрослением приходит и любовь. Она спасает, помогает справиться, когда трудно.

Любовь. Семья. Друзья.

Глава первая

Первое сентября.

Уфф. Как же я ненавижу его.

Первое, что ассоциируется у меня с этим днем, начало учебного года, а вовсе не осени. Школа, уроки, домашние задания, контрольные... Все это вновь окажется в моей «совершенной» жизни.

Школа — это последнее, с чем мне хотелось бы сталкиваться.

Но на самом деле все не так уж и плохо. Наверное. Я не принадлежу к числу подростков-неудачников, которых не замечает общество. Я популярна, красива, богата, но ничто из этого не делает меня по-настоящему счастливой.

Мне пятнадцать. Через сто одиннадцать дней исполнится шестнадцать. Что я могу знать о счастье в этом возрасте?

Многое, отвечу я.

Я приоткрыла один глаз, когда пропищал будильник.

— Замолчи! — брякнула я и протянула руку к прикроватной тумбе, чтобы обезвредить главного врага утра.

Но будильник не хотел молчать, продолжая надоедать мне. Простонав, я скинула с себя одеяло.

— Ладно, ладно, я сдаюсь. Уже встаю...

Было только семь утра. Даже не верится, что я способна проснуться так рано. Все лето я спала как минимум до одиннадцати или двенадцати.

На моем лице расцвела улыбка. Это было потрясающее лето, которое я провела в Испании у тети Лилии — папиной сестры. Но улыбка тут же померкла, когда навалилось осознание того, что лето подошло к концу. Прощай, яркое солнце. Прощай, теплый песок и лазурный берег. Здравствуй, школа, холода и дожди. И это лишь малая часть тех причин, из-за которых я терпеть не могу осень.

Сладко зевнув, я потянулась и протерла глаза.

Раздался стук в дверь.

— Входи, папа, — полусонно пробормотала я.

Дверь медленно приоткрылась, и я увидела голову густую шапку темных вьющихся волос отца.

— Доброе утро, — сказал он и улыбнулся, отчего в уголках его миндальных глаз собрались крошечные морщинки.

Папа был красивым. Высокий, темноволосый, с правильными чертами лица, у него прямой нос, твердый подбородок, высокий лоб и довольно хорошая фигура. Не то, чтобы он любил пропадать в тренажерном зале... но все же следит за собой. А если быть точнее, то именно я заставляю его наматывать километры на беговой дорожке, чтобы он не превратился в жилае.

И что бы он только делал без меня — его «идеальной» заботливой дочери?

— Разве оно доброе? — надув нижнюю губу, вздохнула я.

Легкий смех отца разнесся по моей комнате, и он сделал большой шаг вперед, закрыв за собой дверь. На нем были пижамные штаны и темная футболка. Похоже, он сам только что проснулся, хотя обычно к этому времени его уже нет дома.

Папа прошел через комнату и остановился у окна. Одним резким движением он раздвинул в стороны плотные шторы темно-бежевого цвета, и в мое царство с высокими потолками ворвался тусклый утренний свет. Я зажмурилась на секунду, а когда привыкла к новому освещению, то вздохнула и уставилась в окно. На город опустился плотный туман, и из-за него не было видно Большой Невки. Вообще, из моей комнаты открывался классный вид. Дом, в котором мы жили, находился через дорогу от речки. Я частенько сбегала по вечерам, чтобы прогуляться по набережной и подышать свежим влажным воздухом.

Это одна из тех небольших вещей, которые вносили в мою жизнь настоящие краски, а не их ужасные иллюзии.

Все думают, что для счастья нужны деньги, хорошее положение в обществе и красивая внешность. Да, возможно, это так. Но у каждого счастье заключается в разных вещах. Вот у меня, например, есть все, чего хотят другие. Я никогда не знала проблем с деньгами, потому что их больше, чем достаточно — так много, что я даже боялась думать об их приблизительном количестве. Я красива. Меня уважают. Но при всем при этом я не имею самого главного, что должно быть у человека. Семьи.

Мой папа — Александр Воронов — владелец крупной строительной фирмы «РСК». Он посвятил бизнесу всю свою жизнь, и почти всегда пропадает на работе. А мама... она больше не живет с нами.

Пять лет назад, когда мне было десять, родители развелись. Мама уехала жить в Америку, а я осталась здесь, в России, с папой. Мама хотела, чтобы я поехала с ней, но я пожелала быть с отцом.

Я была обижена на маму.

Она вышла замуж за предпринимателя Майкла Доусена, сбежав от папы. Теперь она — Татьяна Доусен. Вот уже пять лет она живет в Нью-Йорке. Наши отношения нельзя назвать теплыми, но я люблю ее, ведь она самый близкий мне человек.

Я так же была обижена и на папу.

Почему он не попытался остановить ее? Почему не попытался вернуть, сохранить семью? Он просто отпустил ее, позволил уйти к другому мужчине.

И вот теперь моя мама счастлива со своим новым мужем, папа счастлив без нее... Все счастливы. Кроме меня. Они развелись, но при этом даже не спросили, хорошо ли мне оттого, что мои родители больше не любят друг друга.

Каждый раз, когда я начинала думать об этом, мне становилось дурно.

И вот сейчас, сидя в постели, я почувствовала, как глаза жгут слезы.

Нет. Я не должна плакать сейчас. Не здесь, не перед папой. И вообще никогда. Слезы — проявление слабых характера и не имение духа, а я сильная.

— Так что ты думаешь? — услышала я последние слова папы.

— А? — сказала я.

Он повернулся ко мне лицом и нахмурился.

— Ты меня прослушала, — он издал тяжелый вздох и с крошечной напряженной улыбкой покачал головой. — Снова летаешь в облаках, Алина?

Я оторопело улыбнулась в ответ.

— Вовсе нет, — ответила я. — Я никогда не летаю в облаках, папа.

— Ты делаешь это очень часто, — мягко настаивал он.

И откуда ему знать? Он ведь почти никогда меня не видит...

— Ладно, сегодня я не настроена с тобой спорить, — сдалась я. — Так о чем ты мне говорил?

Я встала с постели и направилась в ванную — мою личную ванную! — чтобы привести себя в порядок.

— Я предложил сходить сегодня вечером куда-нибудь и отметить начало учебного года, — громко отозвался папа.

Чтобы лучше его слышать, я оставила дверь открытой.

— Ну, то, что лето закончилось, вовсе не повод, чтобы праздновать. Но я двумя руками «за», — сказала я и посмотрела на свое отражение в зеркале.

Для многих быть подростком — ужасно. Прыщи, и все такое... К счастью, эта проблема обошла меня стороной. У меня чистая оливковая кожа, ни одного изъяна. Я не пользуюсь косметикой, хотя многие девочки в моем возрасте тратят много денег на средства, чтобы избавиться от прыщей и прочей гадости, которая выскакивает на лице.

За внешность я благодарна маме. В молодости она была очень красивой. Я на нее похожа. Густые светлые волосы почти до середины спины, изумрудные глаза, выразительные пухлые губы... Мама не раз хвасталась, что у нее не было отбоя от поклонников, и папе

пришлось хорошенько постараться, чтобы заполнить ее сердце.

История любви моих родителей была красивой, почти как у Ромео и Джульетты, только не с летальным исходом. Родители мамы были против, чтобы она встречалась с папой. Но они переступили через все преграды и поженились. Правда, как и во многих сказках, в один прекрасный день все рухнуло, только главные герои — мои папа и мама — не сумели справиться с трудностями, поэтому история осталась без хэппи-энда.

Прошло пять лет. Родители думают, что я уже смирилась с их разводом, но на самом деле это не так. Я думаю об этом почти каждый день. Я жалею, что это случилось. В какой-то степени я даже ненавижу их за это. Ведь они разрушили нашу семью. И что послужило причиной их развода? Я не понимала этого, хотя каждый настойчиво пытался объяснить мне, что чувства остыли. Любовь прошла. Но как может пройти любовь, если есть ребенок, если люди женаты и много лет живут вместе? Как могут угаснуть чувства? Вот так просто?

Любовь.

Я не знаю, существует ли она. И это благодаря родителям. Наблюдая за тем, как они стали общаться после развода, я засомневалась, что они вообще когда-то любили друг друга. Но если на свете есть я, значит, между ними было что-то сильное, верно? Возможно, они все-таки любили.

Любовь... Что это вообще такое? Цветы, стихи, конфеты и свидания? Поцелуи, объятия, признания? Через сто одиннадцать дней мне исполнится шестнадцать, и я никогда не была влюблена. Многие мои подруги уже давно встречаются с мальчиками, и почти все раз или два расставались. Результат был один — слезы, рыдания, беспомощность...

— Перестань быть такой букой, Алина, — от мыслей меня отвлек папа.

Встряхнув головой, я стала расчесывать волосы, умылась и почистила зубы. Покинув ванную, я увидела, что папа по-прежнему стоит у окна и задумчиво смотрит вдаль. Интересно, о чем он думает? Может быть, о маме? Может быть, не все потеряно, и у моих родителей еще есть шанс?

Два года они каждый день говорили мне о том, что я должна смириться с этим. И я смирилась. Только для них. В душе по-прежнему живет надежда, что когда-нибудь родители образумятся и снова будут вместе.

В последний раз, когда я пыталась поговорить с мамой о папе, она либо меняла тему, либо перебивала меня со словами о том, что не хочет упоминать его имя лишний раз. В прочем, так было всегда.

— Теперь у него своя жизнь, а у меня своя, — сказала она мне тогда. — Мы не будем вместе, Алина. Больше никогда.

— Но почему? — спросила я.

— Вырастешь — поймешь.

И это был ее ответ. Она считала, что я еще мала для того, чтобы понять ее. И папа тоже так считал... Я была далеко не глупой, какой, может быть, казалась с виду. Да и характер у меня далеко не сахар, но я точно не была идиоткой. Что я могу понять, когда вырасту, чего не могу понять сейчас?

— Разве ты не должен работать? — спросила я у папы.

Он посмотрел в мою сторону через плечо.

— Я решил устроить себе выходной, — сообщил он.

Мои брови резко взметнулись вверх.

— Ты? Выходной? — с сильным удивлением проговорила я. Папа послал мне

вопросительный взгляд. — Извини, просто я никак не могу совместить в своей голове эти два понятия...

— Алина, — нахмурился он.

Я подняла руки вверх, как бы извиняясь, и пожала плечами.

— Хорошо. Я рада, что ты, наконец, решил отдохнуть. А-то я уже стала думать, что ты вообще не человек, а какой-нибудь робот, — я хихикнула. — Всегда на работе, возвращаешься поздно... — мой голос стал грустным, и я осекла себя прежде, чем папа успел уловить резкую смену настроения.

Я не позволяла быть себе грустной. По крайней мере, пока кто-то находится рядом. Открыться даже собственному отцу казалось мне невероятно тяжелым испытанием. Опять же, вероятно, все дело в их разводе с мамой. Я скучаю по нему, потому что он много работает. За последний год мы поговорили, наверное, раз десять. Я имею в виду настоящие, долгие разговоры. Это происходило редко. Обычно наш диалог состоял из стандартных вопросов о том, как дела, что каждый делал, как дела у него на работе, и у меня в школе. А потом мы расходились. Я закрывалась в своей комнате, а папа уходил либо к себе в кабинет, который раньше был их с мамой спальней, либо сидел в гостиной и смотрел телевизор. Но больше он, конечно же, работал.

— Во сколько у тебя линейка? — поинтересовался папа.

Я подошла к кровати и взглянула на часы.

— В десять, — ответила я. У меня было два часа на то, чтобы подготовиться к «торжественному» мероприятию.

— Ладно, — папа направился к двери. — Позавтракай и собирайся.

Я кивнула, и он вышел. К сожалению, моя грусть не ушла вместе с ним.

Переодевшись в шорты и футболку, я вышла из комнаты и пошла на кухню, по пути разглядывая родные стены. У нас была шикарная огромная квартира — 200 кв. м с высококачественным евроремонтом, занимающая весь седьмой этаж элитного дома. Три спальни, просторная гостиная, кухня, две ванные комнаты и лоджия, обустроенная под зимний сад. Интерьером занималась мама, как раз незадолго перед разводом... Она все изменила перед тем, как уйти. После развода папа настаивал на том, чтобы поменять обстановку, но я отказывалась. Каждая вещь этой квартире напоминала мне о ней, о том, что когда-то мы жили счастливо. Иногда мне даже казалось, что я чувствую запах ее прежних духов. Я скучала по ней больше, чем по отцу, потому что вижу ее три-четыре раза в год, и это если еще повезет.

Мама изменилась, когда снова вышла замуж. И папа. Я не раз ловила себя на мысли, что это не мои родители, а совершенно чужие люди. И я познакомилась с ними пять лет назад.

Подходя к кухне, я почувствовала запах омлета. Папа никогда не готовил. В основном этим делом занималась я. Когда мама уехала, мне пришлось научиться готовить, хотя папа нанимал домработницу, которая занималась всеми домашними хлопотами.

— Завтрак будет готов через пару минут, — пробормотал папа, услышав мои тихие шаги.

Я прошла вперед и рухнула на стул. Неловкая тишина повисла в воздухе, и я стала нервно постукивать пальцами по гладкой поверхности стола из темно-коричневого, почти черного дерева.

— Прости, немного подгорело, — виновато сообщил папа, ставя передо мной тарелку с омлетом.

Я сморщила нос от неприятного запаха.

— Сойдет.

Я взяла вилку и стала ковыряться в омлете.

— А ты разве не будешь? — спросила я.

— Выпью кофе, — ответил папа и сел напротив.

Я принялась неторопливо уплетать подгоревший омлет.

— Как дела на работе? — поинтересовалась я.

Наши беседы начинались с этого самого примитивного вопроса на свете, но я задала его, потому что мне больше не о чем было спросить. Папа не отличался болтливостью, он достаточно сдержан в плане разговоров. Я привыкла, что никогда не смогу обрести собеседника в его лице.

— Хорошо, — ответил папа и сделал глоток кофе.

— Ясно.

На этом наш разговор подошел к концу.

Я съела этот ужасный омлет только потому, что не хотела обидеть папу. Закончив с завтраком, я отправилась к себе, чтобы начать подготовку к первому сентябрю. У меня имелось все необходимое для этого. Прекрасно зная себя, я подготовила одежду еще вчера, так как сегодня бы мне не хотелось тратить время и нервы на хлопоты с поиском вещей. Поэтому мне оставалось только сделать прическу и подкраситься.

Я не торопилась, так как времени было достаточно.

Папа зашел ко мне в комнату в девять.

— Нам надо заехать за цветами, — сказал он мне.

— Угу, — пробормотала я в ответ, разглядывая себя в зеркало.

На мне была дорогая белая блузка, черная юбка-карандаш и туфли на небольшом каблуке. Эти вещи я купила пару недель назад в одном испанском бутике. Волосы я завила плойкой, чтобы придать им дополнительный объем, и оставила распущенными. На губы нанесла полупрозрачный бледно-розовый блеск и слегка подкрасила ресницы. Этого было достаточно.

В отражении я заметила на себе задумчивый и немного грустный взгляд папы.

— Ты красивая, — сказал он и горько вздохнул.

Я улыбнулась.

— Спасибо, — еще раз бегло оглядев себя в зеркало, я развернулась на сто восемьдесят градусов и взяла с кровати телефон. — Я готова.

— Тогда пойдем, — папа выскользнул за дверь.

Я нервничала. Сильно.

Раньше никогда особо не наблюдала за собой такой нервозности, но в этот раз все было иначе, и я не знала, почему.

— Доброе утро, Михаил Валерьевич! — весело поприветствовала я седовласого мужчину, который сидел за стойкой ресепшн.

Он, широко улыбнувшись, помахал мне рукой.

— Привет, Алина! Ты такая красавица! Только глянь на себя! — я захихикала, а взгляд Михаила Валерьевича переметнулся на папу, который шел впереди и о чем-то усиленно

думал. — Наверно, у вашей дочери нет отбоя от поклонников, так, Александр Андреевич?

Папа рассеянно посмотрел на мужчину и улыбнулся.

— Да, — ответил он запоздало.

Поклонники.

Тема мальчиков была для меня закрытой. У меня еще не было парня. Во-первых, мне всего пятнадцать. Еще все впереди, и, в отличие от своих сверстниц, я не стремилась торопиться. Во-вторых, папа всегда говорил, что учеба должна быть для меня на первом месте. От этого зависит мое будущее. Но с этим проблем никогда не возникало. Я твердая отличница. В-третьих, я не жаждала кидаться в объятия любви. Знаю, я еще недостаточно взрослая и совершенно не имею опыта, чтобы рассуждать и заявлять об этом, но я разочарована в этом чувстве. Правда, если любовь упадет ко мне в руки, я не стану от нее отказываться. Наверно...

Папа широко распахнул тяжелую дверь, позволив мне выйти. Как только мы оказались на улице, я пожалела о том, что не взяла пиджак. Было холодно, но туман почти рассеялся.

Я обняла себя руками.

— Замерзла? — спросил папа.

— Немного, — ответила я.

Автомобиль отца — черный «Мерседес-Бенс» S-класса — уже стоял перед домом. Подойдя к машине, я наклонилась вперед, чтобы поприветствовать водителя — Павла, но его не оказалось на месте. Выпрямившись, я устремила непонимающий взгляд в сторону отца, который обходил «Мерседес», направляясь к водительскому месту.

— Ты поведешь? — удивилась я.

— Я дал Павлу выходной, — пояснил он.

— О.

Я получила очередную порцию удивления.

— Садись, Алина. Холодно.

Я открыла дверцу и запрыгнула на переднее сидение рядом с папой. Он завел автомобиль и включил обогреватель. Через минуту мы стали отъезжать от дома. Я прислонилась головой к боковому окну и стала смотреть на мелькающие здания просыпающегося Санкт-Петербурга.

Мы ехали в полной тишине до первого цветочного магазина. Я стала засыпать, когда машина резко затормозила. Папа побежал в бутик, а я осталась ждать в салоне. С каждой минутой, которая приближала меня к школе, мое сердце билось все быстрее и быстрее. Волнение нарастало в груди. Но ведь мне не о чем волноваться, потому что у меня идеальный образ.

Я — Алина Воронова. Самая популярная девочка в классе, и одна из популярных в школе. У меня куча друзей, меня уважают и хвалят учителя, на меня обращают внимание мальчики, со мной хотят дружить девочки... Я — воплощение идеальности и уверенности, как все считают. Так почему мне так страшно?

Возможно, потому, что однажды мне надоест строить из себя самую хорошую девочку в этом мире, и я просто сорвусь? Но я не хотела, чтобы кто-то видел меня настоящей. Я не хотела показывать людям свои проблемы и слабости, потому что тогда они задавят меня. Ведь проще общаться с человеком, у которого все хорошо, чем с тем, кто страдает от проблем.

Да и какие могут быть проблемы у избалованной девчонки, верно? Ведь у нее есть все,

но это все — ненастоящее.

Мои размышления прервал папа. Он громко захлопнул за собой дверцу и положил на задние сидения огромный букет красных роз. Это для Елизаветы Григорьевны — моей классной руководительницы. Эта женщина никогда мне не нравилось, но для хороших оценок приходилось делать вид, что я ее безумно люблю.

— Я же включил обогреватель, — пробормотал папа. — Тебе все еще холодно?

Я дрожала, но не потому, что замерзла. Это была дрожь волнения.

— Нет, — сказала я. — Просто немного переживаю.

Папа изогнул правую бровь, но взгляда на меня не перевел, продолжая сосредоточенно смотреть на дорогу.

— Ты переживаешь? Прости, я не ослышался? — он усмехнулся, а я закатила глаза.

— Это не смешно, — буркнула я.

— Ты же моя дочь. Ты не можешь переживать из-за такой ерунды, как первое сентября, — сказал папа.

Это было так. Но все же я испытывала волнение. Во-первых, я давно не видела своих друзей и с нетерпением ждала встречи с ними. Во-вторых, в конце этого года мне нужно будет сдавать ГИА. Хотя последнее не должно вызывать у меня сильного беспокойства, потому что я была уверена в том, что мне хватит мозгов для этих экзаменов. Конечно, если что-нибудь не случится, и я не потеряю голову...

— Ах, да, твоя мать звонила, — как бы невзначай проронил папа.

Мне дико не понравилось то, с каким тоном он произнес слова «твоя мать». И я хотела сказать об этом вслух, но промолчала. Не хотелось сейчас ругаться с ним. Настроение и так оставляло желать лучшего.

Я никогда не понимала, почему папа испытывал такое острое недоверие к ней. Да. Он держал на нее обиду за то, что она бросила его и уехала к другому мужчине. Да. Он ненавидел ее из-за этого. Но бояться, что я могу уехать к ней? Глупо. Этого никогда не случится. Если бы я хотела, то меня бы уже давно здесь не было. Только как мне объяснить ему это?

— Когда? — спросила я.

— Вчера, — с неохотой отозвался папа.

Во мне все напряглось.

— Почему ты мне сразу не сказал? — я постаралась сохранить спокойствие в голосе.

Он издал тяжелый вздох. Мне не требовалось слышать то, что он скажет, потому что я прекрасно знала ответ. Папа бы сделал все возможное, чтобы навсегда прервать мое общение с мамой.

— Что она хотела? — я медленно втянула в себя воздух.

— Поговорить с тобой, — быстро проговорил папа.

— Почему ты не позвал меня к телефону?

— Ты была в ванной.

Я фыркнула.

— Это не причина.

Папа нахмурился, и его лицо скривилось в недовольной гримасе.

— Позвонишь ей сегодня! В чем проблема?

Дабы окончательно все не испортить, я решила промолчать.

«Перестань волноваться. Перестань волноваться. Перестань волноваться» твердила я

себе в мыслях, как заклинание. Но самовнушение не помогало, хотя в какой-то книжке я прочитала, что если о чем-то усиленно думать, настраивать себя на определенный лад, то обязательно так и будет.

Боже, какая это глупость.

Машина остановилась. Сначала я посмотрела на папу, а затем медленно перевела взгляд в другую сторону. Вот и школа. У огромного трехэтажного здания собрались ученики, начиная от пятиклашек и заканчивая выпускниками.

С сегодняшнего дня я официально девятиклассница.

— Пойдем, — сказал отец.

Я заставила себя отвернуться от школы и снова посмотрела на него.

— Ты пойдешь со мной? — удивилась я.

— Да, — кивнул он и попытался улыбнуться, но у него это плохо вышло.

Странно. Очень странно. Папа никогда не ходил со мной в школу на первое сентября. Сначала это делала мама, а потом, когда она уехала, сопровождать меня в этот знаменательный день вошло в обязанности папиной мамы — моей бабушки Ольги. Но последние три года школьные линейки я посещаю одна.

— Папа, — я улыбнулась. — Тебе не кажется, что я уже большая для того, чтобы ходить с тобой на первое сентября?

Папа отчаянно пытался сохранить серьезное лицо, но не выдержал и расслабленно улыбнулся в ответ.

— Я просто хочу быть рядом, и мне надо кое о чем поговорить с директором и твоей классной руководительницей, — пояснил он.

— О чем? — во мне тут же проснулось любопытство.

— О твоей учебе. Ничего такого, — папа беспечно отмахнулся. Он заглушил мотор и развернулся ко мне всем телом.

— А ты не мог бы поговорить в другой день? Ну, знаешь, не хочу, чтобы моя репутация крутой и независимой девчонки подорвалась, если меня увидят с тобой, — я попыталась завернуть правду в шутивную обертку. И, кажется, это сработало.

Папа рассмеялся, запрокинув голову.

— Ладно. Иди, — он тепло улыбнулся, и я сделала то же самое в ответ. Сегодня он был на редкость разговорчивый.

Я открыла дверцу, собираясь с духом.

— Цветы не забудь, — напомнил он.

Я потянулась назад, чтобы забрать букет.

— Позвони мне, как все закончится, — сказал папа, когда я выбралась из машины.

— Хорошо.

— Удачи.

Кинув ему прощальную улыбку, я сделала шаг назад, застыв с цветами в руках, и проводила взглядом отъезжающий «Мерседес». Когда в спину ударил порыв холодного ветра, я вернулась в реальность. Неуверенно повернувшись лицом к школе, я сделала медленный глубокий вдох, поправила юбку, блузку, провела рукой по волосам, немного пригладив их, и направилась вперед, к ученикам, среди которых находились мои друзья.

Несколько минут я искала в толпе знакомые лица, и наткнулась на одно.

— Алина! — воскликнула Марина.

Марина Горева — моя лучшая подруга. Мы дружим с пятого класса, как только я перевелась в эту школу. Мы не виделись практически все лето. Наши родители дружат... точнее дружат только отцы. Мой папа сотрудничает с ее отцом, у которого тоже строительный бизнес.

Марина — настоящая красавица. Только внешне она является моей противоположностью. У нее темные волосы и темные глаза. У нас у обеих белоснежные улыбки. Она выше меня на несколько сантиметров.

Марина — прототип идеальной лучшей подруги для самой популярной девушки. Я дружу с ней, потому что в моей жизни все должно быть самым лучшим, и люди, с которыми я общаюсь, соответственно, тоже. Таков мой образ, который поначалу забавлял меня, а в последнее время стал чем-то вроде груза. Между мной и Мариной возникают разногласия, иногда бывают моменты, когда от ее характера мне хочется повеситься. Но за столько лет дружбы привыкаешь ко всем изъясам и начинаешь реально любить этого человека. И из фальшивой идеальной лучшей подруги Марина превратилась в настоящую.

Мое появление оказалось для нее сюрпризом. На это я и рассчитывала. В последний раз мы созванивались четыре дня назад, и я сказала ей, что не успею приехать на первое сентября. Марина, конечно же, расстроилась, но она понятия не имела, что во время нашего разговора я уже подъезжала к дому.

— Алинка! — громче крикнула Марина и ринулась ко мне.

Когда она бежала, ее темные кудряшки стали подпрыгивать. Она почти не изменилась. Разве что загорела и стала на пару сантиметров выше.

— Аааа! — завопила она и кинулась обнимать меня.

Я звонко рассмеялась и обняла ее в ответ. И мы стали прыгать и визжать, держась за руки, как две сумасшедшие.

— Я думала, ты в Испании! — кричала она. Ее карие глаза сверкали от радости.

— Сюрприз! — певуче протянула я с широченной улыбкой.

— Вот ты зараза! — она сузила глаза и с шутливой укоризненностью покачала головой.

— Я сейчас сойду с ума от радости! — Марина снова обняла меня, на этот раз так сильно, что я стала задыхаться.

— Ты меня сейчас задушишь, — прохрипела я, смеясь.

Марина хихикнула мне в ухо и отстранилась.

— Когда ты приехала? — спросила она.

— Несколько дней назад, — призналась я.

— И даже не позвонила?!

— Я же говорю, это был сюрприз.

— Обидеться бы на тебя... — на мгновение в ее больших глазах мелькнула горечь, — но сегодня я тебя прощаю! — и пухлые губы лучшей подруги растянулись в улыбке.

— Прости. Думаешь, мне не хотелось сказать тебе о том, что я в Питере?! Да за эти четыре дня я чуть не умерла со скуки! — и это было правдой. Вернувшись из Испании, я сидела дома, выходила только в продуктовый магазин. И это действительно оказалось для меня настоящей пыткой.

— Ладно, я тебе верю.

И мы рассмеялись.

Все волнение мгновенно испарилось. Я стала болтать с Мариной. Она расспрашивала меня об Испании, и я охотно делилась с ней впечатлениями. Спасибо, что она не затронула тему о маме, иначе бы мое резко взлетевшее вверх настроение бы тут же рухнуло вниз.

— Пойдем! Линейка сейчас начнется! — сказала Марина и потянула меня к нашему классу.

Мои одноклассники. Как давно я их не видела!

— Эй! Это же Алинка! — крикнул Андрей.

Мои глаза устремились на светловолосого мальчишку... паренька, который, высоко подняв руку, широко махал нам с Мариной. Он подрос за лето, как и другие. Я улыбнулась ему и переместила взгляда в сторону. Рядом с Андреем стояли Виолетта и Стас. Они тоже были моими друзьями. Нас частенько называли «крутой шестеркой» — меня, Марину, Андрея, Виолетту, Стаса и Максима. Я и Марина учимся в одном классе. Андрей учится в параллельном. А Виолетта, Стас и Максим на год старше нас и перешли в десятый класс.

Максима среди нашей компании я не увидела.

Мы подбежали к нашим друзьям, и Виолетта заключила меня в крепкие объятия. Я не была с ней так близка, как с Мариной, но считала хорошей подругой.

— Ты приехала! — пискнула Виолетта. — Мы думали, что наша Алина сейчас нежится на пляже в Испании, — отстранившись, она одарила меня доброй улыбкой.

Виолетта была милой. С ее светлыми кудряшками от природы и круглым личиком она всегда напоминала мне фарфоровую куклу.

— Сюрприз, — повторила я ранее сказанное менее воодушевленно.

— Отличный сюрприз, — кивнула Виолетта. — Я рада, что ты приехала.

Я улыбнулась ей, и к нам подошел Стас. В последний раз, когда мы виделись, а это было в конце мая, он был немного ниже меня. Но сейчас мы поменялись ролями, и теперь мне пришлось поднять взгляд, чтобы увидеть его лицо.

— Стас! — удивленно воскликнула я и прикрыла рот рукой в изумлении.

Он рассмеялся.

— Привет, Алина, — немного хрипловатым голосом произнес Стас. — Как Испания?

— Супер, — на автомате пробормотала я.

— На твоём месте я бы не возвращался, — ухмыльнувшись, признался он.

Его слова заставили улыбку на моем лице померкнуть.

Я подумала о маме.

Это лето я собиралась провести у нее в Америке, но планы круто изменились, и я оказалась в Испании.

Я заставила себя вернуть внимание к друзьям, и мне на глаза тут же бросилось то, что Стас обнял Виолетту за талию.

— Вы встречаетесь? — воскликнула я, и по моей интонации сложно было определить, был ли это вопрос, или утверждение.

— Ага, — улыбнулся Стас, а Виолетта рассмеялась.

— О. Вау. Мои поздравления, — растерянно пробормотала я.

Все рассмеялись над моим голосом.

— Кстати, ребята, а где Макс? — преодолев барьер шока, который разделял меня от реальности, я, наконец, вспомнила о Максиме.

— Бонжур, друзья! — услышала я знакомый голос.

— Вспомни... кхм, вот и оно, — хихикнув, произнес Андрей.

Я устремила взгляд на голос Максима и просто потеряла дар речи.

Одним словом я могла оценить то, что крутилось у меня в голове.

Ух-ты.

Я всматривалась в мальчика, с которым дружила три года, и не могла его узнать. Черты его лица отдаленно напоминали мне задорного паренька, с которым я виделась в конце прошлого учебного года. Максим изменился. О-о-очень сильно. Он повзрослел, стал таким... о, боже, да он просто красавчик!

Отчего-то жар подкатил к лицу, и я громко выдохнула.

Я по-прежнему смотрела на Макса, который направлялся к нам. На нем был черный костюм. Распахнутый пиджак, две верхние пуговицы белоснежной рубашки были расстегнуты, руки засунуты в карманы классических брюк. Мои глаза переместились вверх и стали изучать его лицо. Светло-коричневые волосы были зачесаны назад, серые глаза излучали уверенность, а губы расплылись в улыбке.

Я услышала рядом с собой тихий вздох Марины. Вероятно, она, как и я, тоже пускала по Максуслюни.

— Привет, — Стас отошел от Виолетты и протянул руку Максуслю.

Затем они обменялись рукопожатием с Андреем.

— Ты чуть не опоздал, — сказала Марина писклявым голосом. Ее широко распахнутые глаза пожирали взглядом лицо Максима, а на губах играла глупая улыбка.

Должно быть, и я со стороны выглядела так же нелепо.

— Проспал, — беспечно отозвался Максим, кинув ей небрежную улыбку.

Затем он посмотрел на меня, и его улыбка стала шире, обнажив ряд ровных зубов.

— Привет, Алина, — его голос стал ниже.

Я беззвучно ахнула.

«Боже! Хватит на него так смотреть! Ты похожа на идиотку!» кричала я в мыслях, но ничего не могла с собой поделать. Максим был красивым... безумно-безумно-безумно. Плюс к этому он из хорошей семьи, десятиклассник, играет в школьной команде по баскетболу. Да он просто мечта, а не парень!

— Эээ, при...привет, — пролепетала я.

Вот тебе и супер-крутая и уверенная в себе девчонка.

Мой пульс резко подскочил, сердце бешено заколотилось в груди.

Мне и раньше нравился Максим, но сейчас я чуть ли не таяла.

— Смотрите, эта гадюка идет, — сказала Марина и дернула меня за руку.

К счастью, Максим отвернулся, и я могла вздохнуть с облегчением.

В нашу сторону шла Елизавета Григорьевна. Она была полной женщиной небольшого роста. Сейчас на ней был парадный бледно-желтый костюм, состоящий из длинной юбки до щиколоток и блузки с пышным воротником. Ее темные с проседью волосы были затянуты в тугую култышку на затылке, а узкие очки сползли чуть ли не к кончику острого носа.

И тут меня сразила та мысль, что лето действительно закончилось, и этот день — первое сентября — стал началом девятого круга ада, который, как я была уверена, станет для меня настоящей бесконечностью.

Глава вторая

После торжественной линейки я позвонила папе.

— Мы собираемся сегодня погулять, — сказала Марина. — Ты с нами?

Только я хотела ответить «да», как вспомнила, что этот вечер занят. И если бы мои дела заключались в какой-то несущественной ерунде, я бы непременно все бросила и отправилась на прогулку с друзьями, тем более что стопроцентно Макс тоже пойдет. Только все имеет свое «но». На данный момент для меня оно заключалось в том, что папа взял единственный за последний год выходной, чтобы провести его со мной. Я просто не могла отказаться от такого подарка судьбы.

— Нет, сегодня я пас, — вздохнув, ответила я.

Я долго не могла разобрать, какие эмоции отразились на лице моей подруги. Там была и грусть, и разочарование, а так же я заметила и радость. Может, это потому, что я вернулась, а не потому, что она довольна тем, что я не могу пойти гулять? Ведь глупо брать в расчет последнее, ведь Марина моя лучшая подруга.

— Эх, жалко, — сказала она, опустив глаза. — Но если ты передумаешь, то позвони мне, окей?

— Ага, — улыбнулась я.

— Ладно, Алина, я побежала!

Я смотрела ей в спину до тех пор, пока она окончательно не исчезла из поля моего зрения.

Сегодняшняя прогулка — отличный шанс поболтать с Максом. И не только. Это отличный повод, чтобы полюбоваться им... Да, я серьезно об этом думаю?! Невероятно. Может, я влюбилась? Интересно, а я ему нравлюсь? Что он обо мне думает? Может, он даже влюблен в меня?

Я почувствовала толчок в спину. Если бы мне в последний миг не удалось сохранить равновесие, то я бы упала в небольшую лужицу, и моя шикарная белая блузка была бы испорчена.

Я резко развернулась. Передо мной стоял худощавый парень, где-то на полголовы выше меня. У него были светлые взъерошенные волосы, черный костюм, болезненно-бледная кожа и очки — черные, солнцезащитные. Почему они на нем, ведь солнца нет?

— Эй! — возмущенно воскликнула я и с раздражением посмотрела на парня. — Смотри, куда идешь!

— Прости, — с искренним сожалением произнес он. У него был красивый голос, да и сам он был довольно симпатичным. — Я не могу видеть.

— Как это? — глупо спросила я, и недовольство исчезло из моего голоса.

Уголки его губ приподнялись, он легким движением снял с лица очки с толстым черным стеклом. Тогда я увидела неестественную прозрачность и глубину голубых глаз, которые смотрели куда-то поверх моей головы.

— Ну, вот как-то так, — сказал он и пожал плечами.

— О... — только и сумела произнести я.

Он был слепым.

Я только что нагрубил слепому.

Все мое раздражение тут же улетучилось.

— Прости, — забормотала я. — Я не знала... я не думала, что...

— Не страшно, — ухмыльнувшись, перебил меня парень и надел очки. — Это я виноват.

Я смотрела на него выпученными глазами и была рада, что парень не видел потрясения и ужаса на моем лице. Я впервые в жизни видела слепого человека... мальчика, парня,

подростка. Мой взгляд медленно спускался вниз, и тогда я увидела деревянную трость в его левой руке.

— Я... — начала я.

— Алина! — услышав голос папы, я подпрыгнула от неожиданности.

Я издала судорожный вздох и развернулась. Папа опустил окно с пассажирской стороны и высунул голову.

— Поехали, — сказал он мне. Его голос был хмурым, но я не обратила на это внимание, так как мои мысли были забиты слепым парнем.

— Я сейчас, — в ответ произнесла я, но не была уверена, что папа меня услышал.

Я вновь отвернулась, собираясь еще раз извиниться, но к моему огромному удивлению парня уже не было. Я стала оглядываться по сторонам, но так и не увидела его. Когда он успел уйти так быстро? Он же... слепой!

— Алина! — нетерпеливо позвал папа.

Я встряхнула головой и, нахмурившись, направилась к «Мерседесу».

Запрыгнув на сидение рядом с отцом, я закрыла за собой дверцу и еще раз взглянула туда, где только что столкнулась со слепым.

Каково это — быть таким? Ничего не видеть? Должно быть, этому парню очень тяжело... Вот я бы точно сошла с ума.

— Как все прошло? — поинтересовался папа, вставляя ключ зажигания и поворачивая его.

— Нормально, — уклончиво отозвалась я.

Это было веселое первое сентября. Хотя, по правде, откуда мне знать? Ведь все это время я смотрела на Максима. Единственную информацию, которую я смогла запомнить, о том, что завтра нам к восьми утра, и будет шесть уроков. Это ужасно. Полгода мы будем учиться в первую смену, и поэтому мне придется забыть о том, как же классно спать до обеда.

Машина плавно тронулась с места.

Я решила не думать о грустном, и слепой парень вскоре ушел из моих мыслей.

— Куда пойдём сегодня? — воодушевленно спросила я, перекладывая волосы на левое плечо.

Заметив, что на лице папы появилось сожаление, я напряглась.

— Только не говори мне, что у тебя дела, — предостерегла я.

Он вздохнул.

— Прости.

Одного слова было вполне достаточно, чтобы понять свою правоту. У папы снова дела, и мы никуда с ним не пойдём этим вечером.

Негодование заполнило меня изнутри, и я отвернулась к окну.

— Ты же знаешь, что у меня за работа, — начал оправдываться папа.

Да. И я ненавидела эту работу, потому что она отнимала его у меня.

Я не ответила ему.

— Я, правда, собирался провести этот вечер с тобой, дочка, — продолжил он. — Но мне позвонил Гриша и сказал, что случилось ЧП, требующее срочное присутствие главного, то есть меня.

Григорий Александрович — папин заместитель, или что-то вроде того. Для меня он дядя Гриша. Он женат на своей работе, поэтому у него нет, соответственно, ни жены, ни

детей. Он прямо как мой отец, только у папы есть я.

Я промолчала.

Папа издал тяжелый вздох.

— Прости, Алина.

Я скрестила руки на груди и по-прежнему смотрела в окно, но не видела улиц. Мне хорошо известно, что молчание убивает. Меня всегда раздражало, когда кто-то не отвечал, и я прекрасно знала, что папу это тоже выводит из себя. Особенно, если молчу я.

Но сейчас я была так на него обижена, что была готова не разговаривать с ним хоть весь год. Следуя из того, что мы и так почти не разговариваем, это будет несложно.

В салоне автомобиля повисла гробовая тишина. Когда мы подъехали к дому, я, не проронив ни слова, вышла из машины и побежала к входным дверям. Даже не взглянув на Михаила Валерьевича, который собирался мне что-то сказать, я понеслась к лифту. Не дождавись папу, я нажала на кнопку, и вскоре двери лифта закрылись.

Мне нельзя плакать. Я поклялась, что больше никогда не пролью слезы. В последний раз я плакала, когда мне было двенадцать. Тогда я скорбела всем сердцем о разрушенной семье. Сейчас я тоже скорблю, но уже без слез.

Открыв дверь своими ключами, я сразу направилась в свою комнату.

Прекрасно. Мой отец снова меня оставил. И ради чего? Ради работы! И вот так всегда. Он ставит свой бизнес на первое место, хотя его должна занимать я. Я гневно размеряла комнату большими шагами, не в состоянии успокоиться.

— Нет. Этот вечер не будет испорчен, — сказала я сама себе и взяла в руки телефон. Набрав номер Марины, я стала ждать ответа. — Привет! Слушай, планы изменились. Я иду гулять.

— Эээ, классно! — радость в ее голосе показалась мне сомнительной, но я постаралась не думать об этом. — Мы собираемся у Александровского парка. В шесть. Подходи.

— Ладно. До встречи.

Отключившись, я заставила себя улыбнуться.

«Все хорошо. Твоя жизнь идеальная, помни это» с грустью подумала я.

Папа даже не пытался поговорить со мной. То ли он не хотел этого, то ли просто знал, что я не умею долго обижаться, и сегодня вечером, или максимум завтра утром первая заговорю с ним.

Но в этот раз мне не хотелось прощать в очередной раз то, что наши планы рушатся. Хотя бы раз в своей жизни он мог отменить все бесчисленные ЧП-ситуации, которые требуют его присутствия, и просто побыть со своей единственной дочерью. Но нет. Ему важнее работа. Тогда пусть и живет на своей работе! Зачем он хочет, чтобы я жила с ним, если он всегда где-то, но только не со мной? Зачем боится, что я уеду к маме, если ему все равно?

Я бы с удовольствием просидела весь день в комнате, но к двум часам мой желудок потребовал еды. Я была вынуждена выйти из своего царства.

Когда я на цыпочках дошла до гостиной, то отца не увидела. Телевизор не работал. Я подошла к его кабинету, хотела открыть дверь и убедиться, что он, как всегда, сидит за компьютером и работает, но ручка не поворачивалась. Кабинет закрыт. Папа всегда его

закрывает, когда уходит.

Он ушел.

Ушел и даже не сказал мне об этом.

Обида яростно пульсировала в висках, и в горле застрял комок рыданий.

Я не буду плакать.

Оказавшись на кухне, я первым делом увидела на пустом столе аккуратно сложенный пополам листок.

Там было написано:

«Я постараюсь разделаться с делами как можно быстрее. Думаю, к шести или семи часам буду дома.

Прости, что так получилось.

Мне, правда, очень жаль.

Люблю тебя, моя маленькая бука»

Прочитав записку, я боролась с желанием улыбнуться.

Он пообещал вернуться, и я прокрутила в памяти все его подобные обещания, которых в моей голове было немереное количество. И такие записки я часто обнаруживала то перед дверью своей комнаты, то на диване в гостиной, или на кухонном столе... И за все бесчисленные разы папа ни разу не выполнял обещанного.

Обиды не стало больше. Ровным счетом ничего не изменилось. Я привыкла терпеть крах, хотя надеялась до последнего. Я должна была заранее предупредить себя, что папа обязательно все испортит.

Может, оно и к лучшему? О чем бы мы с ним разговаривали, если бы все-таки куда-нибудь пошли? Просто сидели и молчали в неловкой тишине?

Я скомкала записку и кинула ее в мусорный бак. Там ей и место, как и всем обещаниям отца.

Перекусив, я скрылась в своей комнате и не выходила оттуда до самого вечера.

Я крутилась перед зеркалом и искала недостатки в своем внешнем виде. Но все было идеально. Темные узкие джинсы, подчеркивающие стройность моих ног, красная кофточка и сверху джинсовая куртка. Волосы я оставила распущенными.

«А что, если Макс не пойдет?» подумала я и тут же себя отдернула.

Разве я иду на прогулку только ради того, чтобы увидеться с ним? Нет. Я хочу встретиться не только с Максом, но меня сильно беспокоило то, что я должна выглядеть потрясающе перед ним. Мне хотелось понравиться ему...

Так. Стоп.

С каких пор меня волнует это? Я всегда нравилась мальчикам, и для этого мне не приходилось стараться. Я никогда не страдала дефицитом внимания с их стороны, да и не особо стремилась привлечь их взгляды, потому что они и так были устремлены в мою сторону.

Я взглянула на часы. Половина шестого. Пора выдвигаться.

Папа так и не вернулся, а когда придет, то меня дома уже не будет. Вот и славно. Так ему и надо. И... я бы все равно никуда с ним не пошла.

Когда я вышла на улицу, то сразу позвонила Марине, чтобы уточнить место встречи. Дошла до остановки, пять минут ждала автобус. Вероятно, этот день с самого утра обещал быть невезучим. Автобус сломался, и прошло не меньше двадцати минут, пока его чинили. Я уже была готова выскочить и побежать, но все равно не успела бы. Когда я посмотрела на

часы в телефоне, то ужаснулась.

Я решила позвонить Марине и спросить, где они.

— Мы тут стоим и тебя ждем, — ворчливым голосом сообщила она.

Я выдохнула с облегчением.

— Автобус сломался, — прохныкала я.

— Класс...

— И не говори.

— А? Я не слышу, — сказала Марина.

— Ммм?

— Где ты? — спросила она у меня.

— Я... — я повернула голову к окну. — Мы застряли у стоматологии, на Большой Пушкарской.

— Она у стоматологии, на Большой Пушкарской, — повторила мои слова Марина, обращаясь к кому-то. Молчание. — Правда? — воскликнула она недовольно. — Я не хочу идти туда! Это далеко! — снова тишина. Я нервно стучала пальцами по спинке сидения передо мной. — Ладно. Э, Алина, — я выпрямилась, когда она снова заговорила со мной. — Короче, мы скоро подойдем к тебе. Выходи из автобуса.

Я бодро соскочила со своего места и направилась к выходу.

— Можешь идти нам навстречу, — добавила подруга позже.

— Ага, — я не могла сдержать улыбки.

Прогулка не отменяется!

Вскоре я встретила с друзьями у небольшого супермаркета. Стас шел за руку с Виолеттой, Андрей разговаривал с кем-то по телефону и громко смеялся. Марина шла рядом с Максимом. Они разговаривали. Максим смотрел на свои ноги, то по сторонам, а моя лучшая подруга не сводила глаз с него. Я почувствовала небольшой укол ревности, что было достаточно глупо, ведь Макс даже не был моим парнем, и я не любила его... но он мне нравился.

— Хэй! — увидев меня, Андрей махнул рукой.

Макс тут же повернул голову в мою сторону. На его лице появилась широкая улыбка. Марина растерянно вздохнула. Когда я встретила с ней взглядом, подруга выглядела печальной. Но не прошло и секунды, как на щеках появились небольшие ямочки от приветливой улыбки.

— Круто, что ты смогла пойти с нами, — с этими словами подруга слабо обняла меня.

— Всем салют, — без должной бодрости сказала я.

— Здорово выглядишь, — кивнул Макс.

Не знаю, как сильно покраснели мои щеки, но внутри меня разлился огонь.

— Спасибо, — тихо поблагодарила я.

Я редко смущалась, но сейчас мне казалось, что моя кожа сгорит под внимательным взглядом Макса.

— Нуу, — протянула Марина, оглядывая всех, — куда пойдём? Знаете, я тут недавно была в одной кафешке. Ее недавно открыли. Там просто круто! Может, махнем туда?

— Звучит неплохо, — сказала Виолетта.

Стас поддержал ее кивком.

— Да, я как раз проголодался, — признался Макс и, ухмыльнувшись, похлопал себя по животу.

— И я, — эти два коротких слова слетели с моих уст прежде, чем я успела осознать, что сказала. На самом деле я не хотела есть. Видимо, мое подсознание среагировало в пользу Максима.

— Ну, а мне вообще все равно, — пожал плечами Андрей. — Куда все, туда и я.

— Значит, идем в кафешку, — подытожила Марина.

Место, где мы собрались посидеть, находилось рядом с Государственным Эрмитажем. Кафе было небольшим, но довольно-таки уютным.

— Чур, я не делаю заказ! — сказала Марина, как только мы заняли центральный столик.

Следом за ней я выкрикнула то же самое. В итоге, последним оказался Андрей.

— Не судьба, братишка, — хихикнул Макс.

Андрей застонал.

— Принимай заказ, — с дьявольской усмешкой проговорил Стас.

Я могла есть сколько угодно и не беспокоиться о своей фигуре. Знаю, многие девчонки ненавидят меня за это. Но, повторяюсь, я счастливица в каком-то роде.

Когда Андрей отправился к кассе, чтобы сделать заказ, Макс, сидевший рядом, немного отодвинул стул и развернулся ко мне всем телом. Все внутри сжалось, и сердце забилось быстрее.

«Перестань волноваться» сказала я себе.

— Как провела лето? — с улыбкой поинтересовался он.

Я никогда, никогда не испытывала такого беспокойства, когда общалась с Максом раньше. А сейчас не могу даже смотреть на него спокойно! Я могла думать только о том, какой он симпатичный... Нет, слово «симпатичный» не подходит ему.

— Замечательно, — запоздало отозвалась я, чувствуя себя полной идиоткой. — А ты?

Ну же. Мне надо просто собраться. Я же Алина Воронова! Не я должна впасть в ступор, общаясь с мальчиками, а они.

— Отдыхал с предками во Франции, — усмехнулся Макс, положив локоть на спинку стула.

— О, Франция! — воскликнула я и попыталась изобразить обворожительную улыбку. — Обожаю Париж! Вы ведь там отдыхали? Просто я больше не вижу смысла ехать во Францию кроме как посмотреть на Эйфелеву башню!

Макс засмеялся.

— Точно, — согласился он. — Но Франция — страна романтиков.

— А ты у нас, значит, не романтик? — о, серьезно? Я же флиртую с ним!

— Ты меня знаешь, Алина, романтики — это отстой, — во мне все встрепенулось, когда он произнес мое имя.

Я с трудом поборолась в себе смущение, смешанное с растерянностью, и улыбнулась шире.

— Тебе понравилось во Франции? — к нашему разговору подключилась Марина.

Она сидела напротив и, положив подбородок на сжатую в кулак ладонь, смотрела на Максима. Он, определенно, ей нравился, заметила я. И это не удивительно! Максим никогда не был уродом, но сейчас... сейчас в нем появилось что-то привлекательное, что-то такое, чего я не могла объяснить, но это притягивало.

Я старалась принимать активное участие в разговоре, и мне льстило, что Макс обращал больше внимания на меня, чем на Марину. И подруга от этого выглядела несчастной. Но я была настолько поглощена беседой с Максом, что вскоре и вовсе забыла о присутствии

Марины.

Наша беседа отошла далеко от Франции и того, чем мы занимались летом.

— Прикиньте, — сказал Стас и откусил кусок пиццы, — у нас в классе новенький.

— Симпатичный? — тут же выпалила Марина.

Парни рассмеялись над ее откровенностью, и она показала им язык.

— Он слепой, — сказала негромко Виолетта.

Смех мгновенно прекратился. Все нерешительно переглянулись друг с другом, а у меня чуть не отвисла челюсть.

— У него светлые волосы, да? — я не до конца была уверена, что это спросила я, потому что мой голос звучал совсем иначе. Хрипло и тихо.

— Да, — кивнула Виолетта. — А ты откуда знаешь?

— Я... столкнулась с ним, — пробормотала я.

Так получается, этот парень будет учиться в нашей школе. И он на год старше меня, раз попал в класс к Виолетте, Стасу и Максусу.

— Разве он не должен учиться в специальной школе для слепых? — просто спросил Андрей, и мы с Виолеттой устремили на него суровые взгляды. — Чего вы так на меня смотрите?

Виолетта закатила глаза и отвернулась к Стасу.

— А... как его зовут? — спросила я.

— Ммм, Влад, кажется, — пожав плечами, ответил Макс.

Влад.

— А фамилия?

— Откуда нам знать, — скривился Андрей. — Мы как-то не горим желание заводить дружбу со слепым.

Мне стало дурно. Мне стало жаль этого Влада, хотя я даже не знала его. Но зато я знала, куда попал несчастный. Я знала, какие люди учатся в его новом классе. Я знала, на что они могут быть способны.

Глава третья

Я вернулась домой половина десятого. Папы все еще не было, хотя я боялась, что нарвусь на его нотацию о том, что завтра мне рано вставать и нужно подготовиться к урокам. Но мне стоило ожидать, что квартира окажется пустой, ведь если папа был бы дома, то уже завалил бы меня звонками. Но мой телефон глухо молчал.

Я не стала звонить ему, хотя переживала, но знала, но что он занят своей дурацкой драгоценной работой.

Я закрылась в своей комнате и не выходила из нее до самого утра.

Когда прозвенел будильник, я подумала, что попала в ад. Мне жутко хотелось спать. Ведь, согласитесь, нелегко резко отвыкнуть от долгого летнего сна и переключиться на строгий школьный режим. Как бы сильно я не хотела остаться в своей теплой постели, мне пришлось встать.

Я вышла из своего царства только когда привела себя в порядок.

Я не увидела папу. Он уже уехал на работу. Или, может быть, вообще не приезжал.

Я бы непременно расстроилась и разволновалась из-за его отсутствия, если бы подобное не случалось слишком часто.

Половина восьмого я стояла у дома и ждала водителя. Надеюсь, папа не забыл напомнить Павлу о том, что меня сегодня нужно отвести в школу.

Через несколько минут передо мной остановилась темно-синяя иномарка.

— Здравствуй, Алина, — поприветствовал меня Павел.

Он был настоящей огромной скалой. Высокий, здоровый, лысый, постоянно в черном костюме и в солнечных очках, даже когда на улице не солнечно. Раньше я частенько издевалась над ним, шутя о том, что он один из «Людей в черном», но потом это стало скучно, да и с Павлом мы подружились.

— Привет, — сказала я и запрыгнула на заднее сидение.

— Как отдохнула? — спросил он, глядя на меня через зеркальце.

— Классно, — с улыбкой отозвалась я. — В Испании здорово!

— Я думал, ты уехала к маме в Нью-Йорк...

Эти слова поставили меня в тупик. И, видимо, это отразилось на моем лице, так как Павел нахмурился, все еще глядя на меня в зеркальце, и прочистил горло. Больше не сказав ни слова, он завел машину, и мы поехали.

Я едва не заснула по дороге.

— Приехали, — известил Павел, когда машина остановилась.

Я медленно разлепила глаза и подавила зевок.

— Во сколько заехать? — спросил Павел.

— Подъезжай двум часам, — сказала я, покидая теплый салон автомобиля.

Он кивнул.

Не оглядываясь, я направилась к школе. Как и вчера, это утро было прохладным. Но я надеялась, что тучи рассеются, и ближе к обеду выглянет солнце. Я нуждалась в нем, так как оно могло успокоить меня. Я скучала по теплу Испании и была огорчена тем, что в России другой климат, не такой теплый.

У входа в школу я встретила Виолетту.

— Привет, — я остановилась рядом с ней.

— Привет, Алина, — она одарила меня дружелюбной улыбкой.

Я огляделась по сторонам и спросила:

— Ждешь кого-то?

— Да. Стаса.

Мы обменялись еще парочкой слов, и я побежала на первый урок. Литература. Не могу сказать, что этот предмет был моим любимым. Как и любой другой ученик этой планеты, я не любила учиться, но должна была это делать, чтобы окончить школу с золотой медалью. Я стремилась к этому, чтобы потом поступить в престижный университет, выучиться и занять почетное место в этом мире... Моя жизнь была распланирована еще давно родителями, и я никогда не спорила с ними. Мне нравилось думать о том, какой может стать мое будущее. Я хотела добиться успеха, и я была готова ради этого на многое.

Я сидела с Мариной. Да, в этом мне крупно повезло. Мы сидели за предпоследней партой, поэтому могли болтать.

— Максим так изменился, — шепотом сказала Марина, когда Елизавета Григорьевна рассказывала классу о планах по литературе на первое полугодие.

Я улыбнулась, хотя меня немного смутило то, что разговор пошел о нем.

— Ага, — тем же шепотом откликнулась я. — Красавчик.

Мы тихо захихикали.

Наш разговор продлился недолго, так как Елизавета Григорьевна сегодня не искрилась дружелюбием, поэтому мы немедленно приступили к работе.

Мои мысли витали вместе с ушедшим летом. Я не была настроена на уроки. Резкая смена обстановки круто действовала на меня. Все, чего я хотела, отмотать время на месяц назад и сделать все возможное для того, чтобы летние дни и ночи тянулись как можно медленнее.

Три урока прошли для меня словно во сне. Я заметно приободрилась, когда мы с Мариной отправились в столовую. Она о чем-то болтала, и я, честное слово, пыталась подключиться к беседе, но не могла, так как едва держала глаза открытыми.

Вот бы дотерпеть до конца учебного дня и завалиться в кровать...

У входа в столовую я встретила с девчонками из девятого «В» — Настей и Аней.

— О, класс, Алинка! Я тоже хочу в Испанию! — с огорчением вздохнула Настя.

— Повезло тебе, — вяло закивала Аня.

Я улыбнулась, потому что это единственное, что я могла сделать. Со словами Ани я не могла поспорить. Я вообще везучий человек.

— Ты обязана показать нам фотки, — взывала Настя. — Они ведь есть у тебя?

— Конечно! — усмехнулась я. — Только их о-о-очень много.

— И это клево, — Аня хлопнула в ладони. — Будет чем заняться на переменках!

Мы с Мариной дождались Стаса, Виолетту, Андрея и Максима. При виде последнего ; невольно улыбнулась. Макс улыбнулся в ответ и слегка кивнул в знак приветствия.

— Я ненавижу школу! — пожаловался с ходу Андрей.

— Вот уж удивил, — фыркнула Марина. — Только ненормальные любят учиться.

Здравствуй, школьная столовая! Здравствуй, школьная и не совсем вкусная еда! Не могу сказать, что скучала по тебе.

Наш с Мариной класс уже занял свои места. Самый дальний столик был свободен. Мы направились туда. Я и Марина редко обедали с одноклассниками. Наша «крутая шестерка» всегда сидела за одним столом.

— О, пюре, — протяжно произнесла я. — Для начала неплохо.

— Обожаю пюре, — довольно сказал Андрей.

Стас с Виолеттой сели вместе. Марина села слева от меня, а Андрей справа. Максим сел напротив.

— Уфф. Котлета, — лицо Марины скривилось. Она проткнула сочную котлету вилкой, и из нее вытекла струйка масла. — Сколько же здесь калорий? — с отвращением спросила она.

— Вы, девчонки, просто помешаны на этих калориях, — прокомментировал Андрей, наворачивая пюре.

Я улыбалась, слушая их диалог, и каждый раз, когда случайно роняла взгляды на Макса, то видела, что он смотрит на меня в ответ. Виолетта и Марина стали болтать об одежде. Поначалу я принимала участие в их разговоре, вставляя свое мнение, но потом моим вниманием завладел тот самый слепой мальчик, из-за которого я вчера чуть не упала в лужу.

Он двигался медленно, но уверенно, «ощупывая» тростью пространство вокруг. Все косились на него. Кто-то, по не понятным мне причинам, смотрел на него с осуждением, у кого-то в глазах плескалось сочувствие. Кто-то испытывал необъяснимое отвращение. На лицах у многих была усмешка.

Я вновь почувствовала жалость к этому парню.

Но он — Влад — выглядел спокойно, хотя, я уверена, слышал все, о чем шептались вокруг него.

— Ему здесь не место, — услышала я тихий голос Марины.

Я тут же переключила свое внимание на нее.

— Этот слепой не такой уж и неполноценный, — фыркнув, сказал Макс и взглянул на меня. Он улыбнулся. Я испытала приступ отвращения к его словам, но мои губы автоматически растянулись в ответной улыбке.

«Сохраняй образ» напредила я себе.

— В смысле? — спросил Андрей.

— Этот... Влад считает себя тут самым умным, — скривившись, ответил Максим. — Начал умничать на химии.

— Это в тебе говорит зависть, — сказала Виолетта, шутя.

— Вот еще! — отмахнулся Макс и нахмурился. — Чему завидовать? — он стрельнул глазами на Влада, который, остановившись у третьего стола у восточной стены, что-то спросил у своих новых одноклассников. Как он нашел их в столовой? Он ведь... не видит?

Я заставила себя не смотреть на Влада, хотя это оказалось достаточно проблематичным. Мне было любопытно наблюдать за ним. За тем, как он двигается, ничего при этом не видя.

Увлечшись мыслями, я не заметила, как голова Влада оказалась повернутой в мою сторону. Не знаю, почему, но я покраснела. Казалось, он смотрел прямо на меня. Но этого не могло быть.

Через минуту к Владу подошла его новая класная руководительница. Она, положив руку ему на плечо, стала о чем-то разговаривать с ним. Влад отвечал, попутно улыбаясь. Наверное, он говорил что-то забавное, потому что учительница хрипло смеялась.

Почему он выбрал школу, где учатся нормальные дети? И как ему разрешили поступить сюда? Знал бы он, как все сейчас на него смотрят... Я бы и сама, наверное, пожелала стать слепой.

У меня не было никакого желания есть, поэтому я просто сидела и ждала, когда закончат с опустошением тарелок мои друзья.

То и дело я слышала, как по столовой пролетали шутки, адресованные Владу. Он, конечно же, слышал их, потому что они были чересчур громкими. Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Может, парень еще и глухой? Нет. Вчера ведь он отвечал мне. Влад все прекрасно слышал.

Когда обед закончился, наша компания встала из-за стола.

И случилось кое-что ужасное.

Двое ребят из 10 «А» сделали подножку Владу, когда тот проходил мимо них с тарелкой. Влад споткнулся и полетел вперед. Я вздрогнула и закрыла глаза. Я не видела его приземления, но поняла, что он все-таки упал, когда столовая заполнилась громкими смешками.

Я мало к кому испытывала такой жалости, потому что старалась не обращать внимания на тех, кто мог вызвать во мне это чувство. Но сейчас мне было искренне жаль несчастного паренька. Признаюсь, в какой-то момент я была готова сорваться с места и кинуться ему на помощь, и плевать, что мы не знакомы.

Но меня останавливала одна вещь. Что подумают другие, когда я сделаю это?

Я популярна, и меня всегда волновало мнение общества. Мне было важно, чтобы меня считали крутой. Помогая слепому, я могла поставить под удар свою идеальную репутацию.

Мир жесток, как и люди, которые живут в нем. Чтобы быть на вершине, нужно быть еще жестче. Таковы дурацкие правила, которым я всегда следовала.

Я открыла глаза. Тарелка, которую нес Влад, разбилась. А сам парень неторопливо поднимался с пола. Встав на четвереньки, он стал щупать рукой трость, которая лежала в метре от него, и он никак не мог до нее добраться. Над ним продолжали смеяться. Жалость все больше наполняла меня. Я слышала, как Максим, Андрей и Стас давились смешками. Я видела, как Марина тоже смеялась, а Виолетта, покачивая головой, прижимала руку ко рту.

Влад все же нащупал трость, оперся на нее и встал на ноги. Поправив черные очки с толстым стеклом, он улыбнулся.

Да! Улыбнулся!

«Невероятно» подумала я про себя.

Я не могла представить, как унижительно себя чувствовал Влад. Но я позавидовала его выдержке и стойкости. Если бы я оказалась в такой ситуации, то стала бы краснее помидора и, залившись горькими слезами, убежала бы как можно дальше от насмешек и презрения в глазах.

Но только не этот парень. Его лицо продолжало сохранять непоколебимое спокойствие, на щеках даже не появился румянец от стыда. По-прежнему улыбаясь легкой улыбкой, он отряхнул распахнутый пиджак, который идеально на нем сидел, и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Будто не было ужасного падения, будто никто над ним не смеялся...

Я почувствовала, как тоже улыбаюсь.

— Эй, пошли, — Марина дернула меня за рукав дизайнерской бежевой блузки. — Звонок прозвенел. Ты же не хочешь, чтобы биологичка сделала нам выговор в первый учебный день.

Ничего не сказав, я позволила ей утянуть себя в коридор.

Мы смешались с толпой учеников, и это последнее, что я осознавала.

День все-таки закончился, хотя я думала, что этого никогда не произойдет.

Я больше не встречала Влада, хотя две переменки сидела у кабинета Максима, Стаса и Виолетты. Может, он все-таки не выдержал давления и ушел с уроков?

— Алина! — от размышлений меня отвлек Максим.

Я повернулась на звук его голоса и увидела, как он бежит ко мне.

— Да? — спросила я с улыбкой.

Я стояла на улице и ждала приезда Павла.

Максим резко затормозил рядом со мной и улыбнулся, отчего на щеках у него появились едва заметные ямочки. Мое сердце пропустило удар.

— Слушай, я хотел спросить у тебя, — неуверенно начал он. Проведя рукой по спутанным волосам, Макс ухмыльнулся сам себе, а затем посмотрел на меня. Я с нетерпением ждала, что он скажет. — Эээ, пойдешь сегодня гулять?

— Конечно, — кивнула я.

Макс резко расслабился.

— Правда? О. Эээ. Круто. Я зайду за тобой в шесть, ладно?

Стоп.

— Мы пойдем вдвоем? — спросила я.

Максим улыбнулся одним уголком губ.

— Ага.

Это... свидание?

Я и Макс. Сегодня.

Я открыла рот в беззвучном возгласе.

Не то, что бы я волновалась оттого, что меня первый раз приглашают на свидание. Совершенно другое дело, когда тебя зовет погулять мальчик, который нравится. А Макс мне нравился. Я, может быть, даже была влюблена в него... Не знаю, ведь я никогда не любила.

— Хорошо, — на выдохе протянула я.

Макс просиял.

— Тогда до вечера, да?

Улыбнувшись, я кивнула и заметила подъезжающую темно-синюю иномарку.

— Ну, все, мне пора, — сказала я Максиму.

Он помахал мне рукой и, прикусив нижнюю губу, смотрел, как я залезаю в машину.

— Как прошел день? — поинтересовался Павел.

— Лучше не спрашивай, — ответила я с глупой улыбкой на лице.

— Как я вижу, не так плохо, — подмигнув мне через зеркальце, произнес он.

Я рассмеялась.

Макс пригласил меня на свидание! Вау. Мне хотелось тут же позвонить Марине и рассказать ей об этом. Черт! Я была на грани того, чтобы рассказать об этом даже Павлу. Настолько мне не терпелось поделиться с кем-то этой радостной новостью.

Всю дорогу до дома я провела в размышлениях о том, что сегодня надеть вечером. Мне хотелось выглядеть лучше всех, чтобы Макс смотрел только на меня...

«О боже. Если он пригласил меня на свидание, значит, я нравлюсь ему!» дошло до меня.

От этой мысли я улыбка на моем лице растянулась до ушей.

А что, если сегодня он поцелует меня?

Машина остановилась у дома.

— До завтра, — сказала я Павлу и выскочила на улицу.

Сильный ветер заставил меня побежать.

— Вот и наша школьница вернулась! — с радостным выражением лица встретил меня Михаил Валерьевич. Я помахала ему. — Как дела? Много уроков?

— О, не представляете, — беспечно отозвалась я и махнула рукой. — Они требуют, чтобы мы немедленно собрались с умом и начали учиться... Не понимают эти учителя, что детям нужно привыкнуть к тому, что настали темные времена в их жизни! С этим не мирятся за один день.

Мужчина рассмеялся, и я заскочила в лифт.

Я дико хотела есть, но когда вошла в квартиру, чувство непреодолимого голода тут же пропало. Папа сидел на диване и с напряженным видом разговаривал с кем-то по телефону. Мое настроение тут же рухнуло вниз.

Увидев меня, папа сказал:

— Ладно, я позвоню тебе вечером, — я удивилась тому, как мягко звучал его голос, но не показала этого. Обычно, с деловыми партнерами он так не разговаривает. — До скорого, — и на его лице появилась улыбка. Искренняя, теплая улыбка, как будто он разговаривал с очень важным и дорогим ему человеком.

Отключившись, папа убрал мобильник в карман темно-серых брюк и посмотрел на меня.

— Привет, — сказал он.

Я машинально открыла рот, собираясь сказать то же самое в ответ, но вовремя

отдернула себя, вспомнив, что я по-прежнему обижаюсь на него из-за вчерашнего несостоявшегося вечера, который мы должны были провести вдвоем, как отец и дочь.

Я сняла балетки и направилась на кухню.

— Алина, — услышала я уставший голос папы за спиной. Он пошел за мной.

Я открыла холодильник и сделала вид, что усиленно думаю над тем, чем бы перекусить. Но на самом деле я думала не о еде.

— Прости, — с сожалением произнес папа, остановившись у стола. — Сегодня вечером я свободен, так что мы сможем провести время вместе. Пойдем, куда захочешь! Только не обижайся, — он вздохнул. — Мне, правда, очень жаль, что так получилось. Но обстоятельства действительно были серьезные, и...

— Не утруждай себя объясняться, пап, — перебила я его и закрыла холодильник. Взглянув в виноватые глаза отца, я почувствовала в себе рвение простить его. Но обида была сильнее. Нет. Не в этот раз, папа, прости. — И... у меня уже есть планы на этот вечер, так что отправляйся на работу и ни о чем не волнуйся. Я привыкла обходиться без тебя.

И с этими словами я покинула кухню.

— Алина! — позвал он меня, но я проигнорировала его.

Похоже, сегодня я так и не поем.

Глава четвертая

— Серьезно?! — пропищала в трубку Марина, когда я рассказала ей, что сегодня вечером у меня свидание с Максимом. — Ух-ты! Я в шоке... Конечно, этого следовало ожидать, потому что, ну, знаешь, в столовой он так смотрел на тебя, что даже у меня мурашки по телу побежали... Тебе так повезло, Алинка! — она издала огорченный вздох. — Эх, если бы меня пригласил на свидание такой, как Макс, я бы умерла от счастья!

— Поверь, я на грани, — хихикнула я, крася губы блеском. — Я волнуюсь, Марина... Я не знаю, как мне себя вести с ним, и вообще...

— Эй, эй, эй! Остановись, подруга! Ты же знаешь его не первый день, так?

— Так.

— Тогда о чем ты волнуешься?

— Ну, это свидание, и мы пойдем гулять уже не как друзья, а как...

— Влюбленная парочка, — закончила она за меня.

— Да. Спасибо за помощь. Именно это я и хотела сказать, — пробурчала я.

— Ты должна скакать, как ненормальная сейчас, а не думать о том, о чем с ним говорить.

— Отличный совет, — буркнула я. — Этим я закончила заниматься полчаса назад.

Марина усмехнулась.

— А если серьезно, то поменьше разговаривайте и больше целуйтесь!

Мои щеки мгновенно вспыхнули.

Я на секунду закрыла глаза и представила свой первый поцелуй с Максимом. Хотелось ли мне этого? Не знаю. Наверно, да. По крайней мере, нет никаких препятствий для этого. Он мне нравился, хотя еще два дня назад я и не думала о том, чтобы начать с кем-то встречаться. Но жизнь такая непредсказуемая штука! Никогда не знаешь, что будет ждать тебя завтра.

Я болтала с Мариной еще некоторое время, а потом начала подготовку к предстоящему

свиданию. Жаль, что погода не позволяла надеть мне платье, поэтому пришлось снова выбрать в качестве вечернего наряда джинсы и кофточку. Я заплела волосы в высокий хвост и стояла битых полчаса в ванной перед зеркалом, примеряя сережки.

Когда время подошло к шести, я поспешила покинуть дом.

Папы снова куда-то ушел, но я постаралась не думать о нем, чтобы не испортить хорошее настроение от предстоящего свидания. Максим ждал у моего дома, когда я вышла на улицу. На нем были темные джинсы и красная толстовка, темные волосы трепал ветер, создавая на его голове творческий беспорядок.

— Привет, — весело сказала я, остановившись рядом.

Максим осмотрел меня с ног до головы, и когда его взгляд, наконец, добрался до моего лица, он улыбнулся обворожительной улыбкой, при виде которой у меня дико заколотилось сердце.

«Какой же он все-таки красивый» с умилением подумала я.

— Ты классно выглядишь, — оценил Максим.

— Спасибо, — отозвалась я, пытаюсь скрыть свое смущение.

Я не должна быть с ним слишком скромной, но я ничего не могла с собой поделаться. Впервые меня так кто-то смущал.

— Нуу, куда пойдём? — спросил Максим.

Я пожала плечами.

— Да без разницы. Можем просто прогуляться. По набережной, к примеру.

Я любила гулять там, вдыхать прохладу от воды, смотреть на Большую Невку, и просто наслаждаться умиротворением, которое дарил мне вид на эту реку.

Несколько минут мы шли в полной тишине. Я постоянно смотрела на Макса, он смотрел на меня. Мы улыбались друг другу, но не могли начать разговор. Может, это от волнения и неловкости, а может, нам просто не о чем было поговорить. Намного проще гулять в компании.

— Веселый выдался денек, — наконец, сказал Макс.

— Да! — тут же подхватила я.

Я рассчитывала, что разговор продолжится, но мы снова оказались в тупике.

Мы дошли до набережной.

— Мне нравится бывать здесь, — решила признаться я. — И от дома недалеко, так что я бываю здесь очень часто, почти каждый вечер.

— Приходишь сюда одна? — спросил Макс.

Я кивнула, глядя на воду.

— И тебе не скучно?

— Нет, — я улыбнулась и посмотрела на него.

Максим выглядел нервным. Пока он смотрел вперед, я позволила себе разглядеть его.

«Как будто ты его до этого не видела» подумала я и усмехнулась своей мысли.

— Ты чего? — Максим резко перевел на меня взгляд.

— Нет. Ничего, — я покачала головой.

У него были правильные черты лица, большие выразительные глаза, четко очерченные скулы, шелковистые волосы... Если я и хотела бы встречаться с парнем, то только с таким, как Макс. Его внешность такая же идеальная, как моя.

Максим заметил, как внимательно я смотрю на него, и с легкой улыбкой на губах повернулся ко мне.

— Я скучал по тебе этим летом, — сказал он.

Я напряглась.

О, нет. Неужели он сейчас...

— Ты мне нравишься, Алина, — Максим уверенно посмотрел на меня, расправив плечи. — Давно нравишься, и я никак не мог тебе сказать этого. Но когда я вчера увидел тебя, то понял, что буду последним идиотом, если не скажу тебе этого, — он сделал глубокий вдох, и его тело расслабилось. — Ну, вот. Я действительно признался тебе, — с его губ слетел короткий смешок.

Я долго осмысливала его слова своей голове. Он озвучил то, что я ему нравлюсь. Теперь то же самое должна сказать и я...

Я пыталась унять дрожь в коленях, и внезапно у меня появилось желание убежать. Как можно дальше и больше никогда не смотреть Максиму в глаза. Глупенькая! Чего я боялась? Почему так разнервничалась? Ведь он тоже мне нравится. И не будет ничего плохого в том, если сейчас он меня поцелует, и мы начнем встречаться...

Еще вчера я рассуждала о том, что не верю в любовь, а сейчас хочу, чтобы он поцеловал меня. Или не хочу? Он мне просто нравится. У меня просто замирает дыхание, когда я смотрю на него. Влюбленность это, или нет? Просто ответная симпатия?

Боже, что творится в моей голове?

— Алина? — голос Максима вытащил меня из глубокого темного омута размышлений.

— А?

— Я тебе нравлюсь? — тихо спросил он, а затем положил свои руки мне на плечи. Я вздрогнула. И, похоже, сильно, потому что Максим тут же опустил их обратно. — Извини.

— Нет, — я громко выдохнула и опустила голову, пытаясь унять дрожь во всем теле. — Я просто... Я... — у меня заплетался язык. Я чувствовала себя совершенно растерянной и опустошенной.

Соглашаясь идти с ним на свидание, я рассчитывала на то, что услышу признание в симпатии. Я даже подготовила себя к возможному первому поцелую. Так почему сейчас меня терзает неуверенность? Почему мне страшно? Может, это знак о том, что я не готова? Или не судьба?

Глупости. С каких пор я стала верить в судьбу?

Я резко подняла голову и встретилась с глазами Макса.

— Ты мне тоже нравишься, — прошептала я.

И в следующую секунду я увидела во взгляде Макса целый салют эмоций, начиная от шока и заканчивая безграничной радостью. Он выглядел так, словно услышал слова, о которых давно мечтал.

Неожиданно Макс обнял меня. Резко притянул к себе и обнял. Все, что я могла чувствовать в этот момент, только его сильные руки у себя за спиной. Мое сердце отчаянно колотилось о ребра, словно птица в клетке, стремящаяся на свободу. Я получила дозу огромного шока, превратилась в неподвижную статую. Макс и раньше обнимал меня, но не так. Прежде объятия были дружескими, а сейчас... в общем, сложно было дать оценку происходящему.

— Ты не представляешь, как это здорово слышать, — прошептал он мне на ухо.

Все плыло и кружилось перед глазами. Я не чувствовала себя самой счастливой девчонкой на свете, но определенно все это обескураживало меня в хорошем смысле. Значит ли теперь, что я и Максим встречаемся? Или мы должны поцеловаться?

Поцелуй.

Мой первый поцелуй.

Нет, нет, нет... Я определенно не была готова целовать Максима сейчас. Еще не время. Пусть даже если я так думаю от волнения.

Макс медленно отстранился, но продолжал обнимать меня. Он долго смотрел на меня с улыбкой, и я терялась в догадках, как выгляжу со стороны. Наверно, видок еще тот! От представленной мною физиономии растерянности и шока мне хотелось захохотать.

Максим стал медленно приближаться к моему лицу.

О, нет! Он все-таки хочет поцеловать меня!

Конечно же, он хочет этого... А я нет. Не готова. Не время. Не сейчас.

— погоди, — пролепетала я, отклоняясь назад.

Максим уставился на меня в полном недоумении.

— Ты чего? — спросил он, и я услышала в его голосе помимо удивления недовольство.

Вероятно, нет, абсолютно точно Максим хорошо целовался. Я знаю несколько девочек, с которыми он встречался и уверена, что это не все его подружки. Но я-то еще ни с кем не целовалась! Помимо простого нежелания я боялась упасть в его глазах и выглядеть посмешищем, не умеющим целоваться. Возможно, было бы проще, если бы и он был таким же нулем в отношениях, как и я.

Но Макс не знает, что я еще ни с кем не целовалась. Он так же, как и все, думает, что у меня уже имеется опыт в поцелуях и не только.

— По-моему, мы немного торопим события, — пробормотала я.

В висках пульсировало так сильно, будто по ним колотили маленькими молоточками.

Максим изогнул левую бровь.

— Ты не хочешь, чтобы я поцеловал тебя? — прямо спросил он.

Нет. Не сейчас.

— Хочу, — ответила я. — Но... эй! Ты признался мне в симпатии всего несколько минут назад, — неужели, прошло так мало времени? Лично для меня эти минуты показались целой вечностью, — и уже хочешь поцелуя? — я попыталась завернуть эту неловкую для меня ситуацию в шутку, но, кажется, моя попытка провалилась с треском. Мой голос сильно дрожал от волнения, как и тело. — Не торопите события, мистер, — я издала нервный смешок.

Руки Макса немного расслабились на моей талии.

— Да, — вздохнув, согласился он. — Ты права, наверное. Хотя мы с тобой не первый день знакомы... Но могу я тебя хотя бы в щеку поцеловать?

Я прикусила нижнюю губу, размышляя.

Вселенная не рухнет, если он поцелует меня в щеку. Буду считать, что это дружеский поцелуй.

— Ладно, — сказала я. — Можешь.

Макс победно улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

Когда его губы оказались на моей коже, я думала, что прямо сейчас и прямо здесь провалюсь сквозь землю.

— Знаешь, ты не такая, какой тебя многие считают, — отстранившись, произнес Макс.

Его слова насторожили меня.

— А какой меня считают? — тут же спросила я.

Он убрал одну руку с моей талии и дотронулся ею до щеки, которую только что

поцеловал. Кожа его пальцев была огрубевшей — это из-за того, что он играл в баскетбол. Но в целом прикосновение мне понравилось.

— Ну, холодной и непреступной, — шутливым тоном отозвался Макс. — Как Снежная королева. Красивая Снежная королева, — он провел указательным пальцем вдоль моей щеки.

Я невольно улыбнулась.

— Бред, — сказала я. — Я не Снежная королева. Почему так думают?

— Потому что ты многих к себе не подпускаешь, — Макс наклонился и снова поцеловал меня, только в другую щеку. — У тебя такая нежная кожа, — прошептал он.

— Кого я к себе не подпускаю? — спросила я, пропустив его последние слова.

— Парней.

Отчасти это было правдой. Я легко общалась со многими мальчиками, но еще никого не подпускала к себе так близко, как сейчас Максима.

— Хм, — это все, что я могла произнести в ответ.

— Выходит, я настоящий счастливчик, да?

Я вопросительно посмотрела на него.

— Ну, ты же теперь моя девушка, — с нежностью произнес он. — Ты — очень ценный приз, который с этого дня принадлежит мне.

— Ага, — проямлила я, не вникая в смысл его последнего предложения.

Теперь Макс мой парень. Вчера мы были друзьями, а сейчас встречаемся.

Мой мир сходит с ума.

Остаток свидания я провела в полубессознательном состоянии. Хорошо, что мы почти не разговаривали, иначе бы я наговорила много всякой ерунды от волнения. Еще какое-то время мы гуляли по городу, не отходя далеко от моего дома. Макс все время держал меня за руку, обнимал. Это было приятно — чувствовать рядом с собой кого-то. Но я не могла выкинуть из своего сердца чувство неловкости и неуверенности. Все, что происходило этим вечером, до сих пор не укладывалось в голове. Мне казалось, что в любой момент я могу проснуться в своей комнате глубокой ночью.

Когда прогулка закончилось, Максим проводил меня и поцеловал напоследок, оставив на моей щеке после своих губ пылающий след. Я вернулась домой с улыбкой на лице.

— Кто этот мальчик? — в реальность меня вернул голос отца.

Я убрала руку с лица и нахмурилась.

— Друг, — ответила я.

Папа стал буровить меня испытывающим взглядом.

— Алина, — начал он.

— Что? — резко перебила я.

Он вздохнул.

— Нет. Ничего.

Я не собиралась первая мириться с ним. Я всегда так делала, но всему есть свой предел. Мой, наверно, настал сейчас.

— Спокойной ночи, — пробурчала я и пошла в свою комнату.

У меня было предостаточно тем для размышлений. Я легла в постель рано, и долго не могла уснуть. Все смешалось в голове: затянувшаяся ссора с отцом, начало учебного года, решающего, можно сказать, свидание с Максом, то, что мы с сегодняшнего дня встречаемся... Удивительно, но еще я думала о том слепом парне, который был унижен

перед всеми в столовой.

С мыслями о Владе я провалилась в сон.

Глава пятая

Этот день был обречен на провал с самого утра.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, когда я распахнула глаза, была о том, что я проспала.

Со скоростью метеорита я соскочила с кровати и стала собираться в школу. Первый урок я уже пропустила. Весь второй урок я буду добираться до школы. Надеюсь, успею к третьему.

И почему меня не разбудил папа?!

Пришлось пропустить завтрак. Я натянула на себя школьную форму, кинула в сумку учебники и вспомнила, что не сделала домашнее задание. Думаю, сегодня фортуна не отвернется от меня, и никто не заметит этого.

Павел уже ждал меня у дома.

— Опаздываем? — с улыбкой спросил он.

— Угу, — я залезла внутрь и сделала глубокий вдох. — У этой машины есть турбоускорение?

— Нет.

— Жаль.

Павел подавил смешок и завел автомобиль.

Сегодня только третья сентября, и я рискую упасть в глазах преподавателей с примерной ученицы, отличницы и умницы до прогульщицы. Этого нельзя допустить. И как меня только угораздило проспать?! Раньше никогда такого не случалось!

— Голодна? — спросил Павел.

— Немного, — соврала я. На самом деле я просто умирала от голода.

Он пошарил в бардачке и достал оттуда шоколадный батончик «Сникерс».

— Держи, — Павел протянул руку назад и вручил мне шоколадку.

— Спасибо, — поблагодарила я и взяла «Сникерс».

Через десять минут Павел остановил машину у школы.

— Встремся после уроков, — сказала я ему и выскочила из иномарки.

— Удачи! — крикнул он мне.

Не оборачиваясь, я махнула ему рукой и побежала к зданию, по пути выбросив обертку от шоколадки в урну.

В школе стояла необычная тишина. Такое случалось только во время уроков, на переменах же царил хаос. В ушах звенело, ладони вспотели от волнения. Я подошла к расписанию и посмотрела на часы. Пару минут назад начался третий урок. Физика. С моих губ слетел вздох облегчения. Я ладила с Аркадием Степановичем. Он, как и все физики, был немного чокнутым, но, к сожалению, не все такие добрые, как этот мужчина.

Кабинет физики находился на третьем этаже. Поднимаясь по лестнице, я подумала о Максиме и нашем вчерашнем свидании. Я вспомнила его признание, безобидные поцелуи в щеки и покраснела.

Я шла с опущенной головой, поэтому не могла видеть, что впереди кто-то идет. Да я и не рассчитывала на то, что по коридорам может кто-то блуждать помимо меня. Везде было

тихо, я не слышала ничьих шагов... Ну, или настолько была поглощена своими мыслями, что не заметила этого.

Я налетела на кого-то и, не сумев удержать равновесие, упала. Чтобы смягчить падение, я выставила руки вперед, но без травм не обошлось. Я больно ударилась коленкой.

— Ай! — воскликнула я и услышала, как вслед за мной на пол посыпались чьи-то учебники и тетради.

Потирая ушибленное место, я медленно подняла взгляд и тихо ахнула.

Я снова столкнулась со слепым парнем!

Он растерянно мотал головой, выставил руки вперед и стал медленно опускаться вниз.

— Простите, — проговорил он.

Забыв о боли в коленке, я смотрела на то, как он сел напротив меня. Его руки нащупали учебники, и он стал собирать их.

«Перестать глазеть на него!» приказала я себе.

— Это ты извини, — сумела я выдавить.

На какое-то мгновение парень замер, а затем его губы медленно растянулись в улыбке, и на щеках появились глубокие ямочки.

У него красивая улыбка...

Стоп. О чем я только думаю?

Я встряхнула головой.

— Снова ты? — сказал Влад.

— В смысле? — спросила я и нахмурилась.

Его голова была повернута прямо на меня, и мне даже показалось, что он видит меня, как и вчера в столовой, но очень скоро эта мысль рассеялась.

— Это на тебя я наткнулся позавчера, — ответил Влад.

— О. Ах, да. Это я, — не знаю, почему, но я улыбнулась ему.

— Прости, — все еще улыбаясь, сказал он.

— За что?

— За то, что тогда чуть не сбил тебя с ног. И за то, что сейчас мне все-таки удалось это сделать. Похоже, у нас судьба такая — сталкиваться.

Я захотела снять эти черные очки с его лица и увидеть голубые глаза. Понятия не имею, почему у меня вдруг возникло это глупое желание. Я могла это сделать. Рядом никого не было. Влад был близко... Мне стоило только протянуть руку и...

— Ерунда, — я пожала плечами. — Это мне следует быть осмотрительнее. Я... — я хотела сказать о его слепоте, но вовремя себя отдернула. — Ты не ушибся?

— Это я должен спросить тебя об этом, — губы Влада скривились в виноватой улыбке. — Ты как? Я слышал, как ты вскрикнула? Ударилась? — в его голосе отчетливо звучала забота, ну, или мне уже началось мерещиться, хотя я ушибла коленку, а не голову.

— Да нет. Все нормально, — я махнула рукой, стараясь выглядеть беспечной. Но какая же я идиотка. Он ведь не видит.

Я прикусила нижнюю губу, полностью сбита с толку, и только сейчас озадачилась вопросом о том, что этот парень здесь делает. Проспал? Или уже уходит? Если уходит, то что-то случилось? Его снова обидели?

Вопросы с бешеной скоростью проносились у меня в голове, и все как по команде испарились, когда я услышала голос Влада.

— Я, конечно, ничего не имею против, чтобы посидеть тут с тобой и пообщаться, но

уже прозвенел звонок на урок, поэтому мне надо идти. Я и так опоздал, — в конце он усмехнулся. — И ты, похоже, тоже.

Я собиралась кивнуть, но еще раз напомнила себе, что Влад не видит моих жестов, поэтому сказала:

— Да.

Среди учебников оказались и другие книги.

— Ого, — удивленно протянула я, глядя на «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса. Затем мой взгляд переметнулся на другую книгу. «Преступление и наказание» Достоевского. — Это твои книги?

— Да, — кивнул Влад.

Эти книги не для школьной программы. Значит, он увлекательной серьезной литературой... Я и сама не прочь почитать, но предпочитаю что-то полегче. Детективы, фантастику, иногда любовные романы.

Но как он читает? Он же слепой.

Когда я собиралась взять учебник по русскому за десятый класс, наши пальцы соприкоснулись. Я невольно отдернула руку, так как у Влада была ледяная кожа, словно он долгое время продержал ее в холодной воде.

Влад напрягся, его пухлые губы превратились в тонкую линию.

— Извини, — произнес он тихо, и я не поняла, за что он извинился.

— Ничего, — ответила я просто потому, что мне хотелось что-то сказать.

Наконец, он собрал все книги и учебники и поднялся на ноги. Я чувствовала себя ужасно неловко оттого, что позволяю себе так открыто разглядывать его, но ничего с собой поделать не могла.

Слегка худощавый, на полголовы выше меня, его светлые волосы по-прежнему торчали во все стороны, словно он не расчесывался с утра, но так он даже выглядел лучше. На нем были черные брюки и черная рубашка, которая отлично контрастировала с его бледной кожей. У него красивые скулы, худые щеки, и глаза... мне хотелось посмотреть в его глаза.

— Тебя проводить до кабинета? — неуверенно предложила я.

Мне захотелось помочь ему. И... рядом никого не было, так что нас никто не мог увидеть.

Лицо парня расслабилось, и уголки губ немного приподнялись.

— Нет. Но спасибо, — вежливо отказался он.

Я кивнула сама себе.

Сколько мы уже находимся здесь? Ведь идет урок, а я и так опоздала!

Опомнившись, я разгладила юбку и закинула сумку на плечо.

— Как тебя зовут? — спросил Влад.

— Что? — я почему-то сделала вид, что не услышала его вопроса.

Как же глупо я себя веду!

— Как тебя зовут? — повторил он.

— Эмм...

— Эмм? Тебя зовут Эмм? — нервно усмехнулся он.

— Алина, — сказала я, немного нахмурившись. — Меня зовут Алина.

— А я... — начал Влад, но я резко прервала его.

— Я знаю, кто ты.

Я повернулась к нему спиной и пошла вперед, осознав только через некоторое время,

что мне надо в другую сторону. Но я не собиралась возвращаться и еще раз встречаться с Владом.

С хмурым лицом я открыла дверь класса физики, и на меня устремились взгляды одноклассников.

— Извините за опоздание, можно войти? — прочистив горло, спросила я невинным голосом.

Аркадий Степанович встретил меня с улыбкой.

— Алина! — воскликнул он. Я была его любимой ученицей, в прочем, как у многих других учителей. — Конечно, заходи!

Я ответила ему милой улыбкой и прошла в кабинет.

— Не волнуйся, ты ничего не пропустила, мы занимаемся повторением, — сообщил он мне.

Я прошла к парте, за которой сидела Марина и нервно щелкала ручкой.

— Где ты была? — как только я села на стул рядом с ней, спросила она.

— Проспала, — глухо отозвалась я и достала из сумки учебник по физике, тетрадь и пенал.

— Я звонила тебе.

— Правда? — искренне удивилась я. — Извини, я не слышала. Была занята беготней по дому и воплями о том, что я опоздала.

Марина издала сухой смешок.

— Максим тебя искал, — сказала она.

Мое тело тут же откликнулось на его имя, лицо обдало жаром, и я улыбнулась.

— Итак, — заговорчески начала подруга и, кинув взгляд в сторону преподавателя, который что-то говорил классу, наклонилась ко мне, — мне нужны подробности вашего вчерашнего свидания.

— Может, поболтаем об этом на перемене? — прошептала я. — Сейчас же урок!

— Плевать.

— Я и так опоздала на два урока... Не хватало еще, чтобы мне сделал выговор Аркадий Анатольевич.

— Не смей меня, — фыркнула Марина и закатила глаза. — Этот чудак обожает тебя, как и все в этой школе, так что рассказывай мне, что вчера происходило. Что Макс говорил тебе? Вы уже целовались?

Меня рассмешило то, с каким пылом она спрашивала. Мой смех услышали ребята с соседнего ряда, и я махнула им рукой, приветствуя. К счастью, у меня не было проблем с одноклассниками. У меня вообще никогда не возникало проблем со школой и со всем, что с ней связано.

Моей единственной неприятностью были родители, но сейчас мысли о них я забила в самый дальний уголок сознания. Если я не буду думать о них, все будет хорошо, ведь моя жизнь должна быть идеальной.

— Кое-что планируется этим вечером, — сказала Марина, когда прозвенел звонок, и мы вышли в забитый учениками коридор. Я взглядом спросила у нее: «Что?». — Это сюрприз!

— Именно на этот ответ я и рассчитывала, — с сарказмом отозвалась я.

— Не злись, — она щелкнула меня по носу. — Будет весело, можешь не сомневаться в этом.

— О, теперь я спокойна. Спасибо.

Марина рассмеялась, запрокинув голову, и потрепала меня по руке.

— Подробности узнаешь на обеде у ребят, — и больше мы не успели поговорить, так как прозвенел звонок на следующий урок.

У столовой меня встретил Макс.

— Привет, — сказал он и обнял меня за талию. Прямо на глазах у всех. Не то, что бы я этого не хотела, но все равно мне стало немного неловко. — Я думал, что ты не придешь сегодня, и хотел сам навеститься к тебе после уроков, — произнес он так тихо, чтобы никто, кроме меня не услышал.

Я улыбнулась ему.

— Непредвиденные обстоятельства. Я проспала.

— Уоу! Уоу! Вы, ребята, вместе? — закричал Андрей шокировано.

Я не удержалась и засмеялась над выражением его лица.

— Рада за вас, — сказала мне Виолетта.

— Ты еще не сказал им? — шепнула я Максиму.

Он пожал плечами.

— Вы такая классная пара! — восхищенно пропищала Марина, крепко взяв меня за руку. — Я всегда знала, что однажды вы будете вместе!

Похоже, подруга решила окончательно вогнать меня в краску, но вместо того, чтобы прервать поток ее радости за нас с Максимом, я улыбнулась, желая показать всем окружающим, что ни капли не смущена.

Сегодня я вела себя увереннее, но чувствовать руку Максима, сжимающую мою, было не совсем привычно.

Я лишь мельком видела Влада во время обеда. После вчерашнего инцидента его сопровождала учительница. Она довела его до стола, за которым сидели две девочки из его класса. Кажется, их звали Наташа и Таня. Скромные, невзрачные серые мышки. Наташа носит очки в широкой оправе. У Тани были до ужаса нелепые косички.

— На кого смотришь? — спросила у меня Марина.

Я кивнула в сторону стола, за которым сидел Влад. Он уже завел о чем-то беседу с девушками. Я видела легкое удивление на их лицах, но, тем не менее, они заговорили с ним.

— О, эти две дурнушки из класса Максима, — хмыкнула Марина. — Пора бы этой... как ее там... гм, Тане сменить прическу.

Но я наблюдала вовсе не за ней. Это и к лучшему, что Марина ни о чем не догадалась.

— Ага, — проямлила я и наклонилась вперед, сложив руки у края стола. — Итак, что будет вечером?

Я обвела взглядом каждого из своей компании.

— Мы планируем кое-что сделать, — загадочно пояснил Макс, его рука легла на мою поясницу, и я тут же выпрямила спину, но руку он так и не убрал. — Встречаемся у школы в десять.

— В десять? — удивилась я. — Не поздновато ли для прогулки?

— Это будет не просто прогулка, детка, — подмигнул мне Макс.

У меня чуть не отвисла челюсть. Он только что назвал меня деткой? Серьезно?

— Не называй меня так, — я поразились тому, как глубоко и холодно звучал мой голос,

когда я сказала это.

Лицо моего новоиспеченного бойфренда, первого парня, вытянулось.

— Я...

Волна раздражения утихла так же неожиданно, как и появилась.

Я услышала, как Андрей засмеялся.

— Правильно, Алинка, — произнес он сквозь смех. — Только так с ним и надо.

Я послала ему крошечную улыбку, которая не несла в себе ровным счетом ничего.

— Извини, — тихо сказал Максим, когда все стали болтать о своем. — Я не хотел обидеть тебя.

Я вздохнула и почувствовала укол вины.

— Ладно.

Максим улыбнулся и накрыл мою руку своей теплой ладонью.

— Друзья, — громко сказал Андрей, — сегодня все должны быть у школы в назначенное время. Планируется нечто грандиозное, уж поверьте мне, — он злорадно ухмыльнулся и взъерошил свои светлые волосы.

— Будет нелегко отправиться у предков, — вздохнув, сказала Марина. — Но у меня есть одна идея, — она посмотрела на меня.

— Мои родители как раз собрались уезжать сегодня, — сказала Виолетта. — Их не будет дома все выходные, так что, думаю, проблем не возникнет.

И только сейчас я поняла, что сегодня пятница, а завтра суббота. Впереди выходные! О, неужели, я дожидая до них? Хорошо, что первую субботу учебного года мы не учимся. Значит, мне не надо будет вставать завтра в семь часов утра... Аллилуйя.

Остаток учебного дня я думала о том, как мне улизнуть вечером из дома. Когда за мной приехал Павел, я уже имела примерный план действий. Но для этого мне требовалось помириться с папой.

Глава шестая

Все, что мне оставалось делать, это ждать возвращение отца. Обычно, по пятницам он не задерживался, и я уповала на то, что именно в эту пятницу он не изменит своих планов.

Я сидела в гостиной и пыталась смотреть телевизор, и когда услышала, как открылась входная дверь, соскочила с дивана.

— Алина? — он недоуменно посмотрел на меня.

Я выдавила напряженную улыбку.

— Привет, — сказала я милым голосом.

Мой гениальный план, чтобы суметь встретиться с друзьями в десять часов вечера у школы, заключался в том, что я якобы буду ночевать у Марины. Хотя я итак планировала сделать это, ведь после прогулки мне надо же будет куда-то идти. Проблем возникнуть не должно, потому что я часто ночевала у нее, а она у меня.

Единственное, мне придется заключить перемирие с папой.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Да нет, — я пожала плечами.

— Хм.

Его брови сошлись на переносице, а глаза внимательно изучали мое лицо. Что-то не давало ему покоя в моем возбужденном поведении.

— Как дела на работе? — непринужденно поинтересовалась я.

— Все хорошо, — сразу ответил он и ослабил галстук. — Так ты больше не обижаешься на меня?

Конечно, обижаюсь. Но ради вечера я готова была забыть об этом.

— Ты снова меня обманул, папа, — сказала я.

— Я знаю, — его скулы напряглись, он опустил глаза.

— Но у тебя есть шанс искупить свою вину, — игриво добавила я.

Я поняла, что папа попался на мою удочку, когда его лицо расслабилось.

— Все, что угодно, — заверил он меня. — Ты же знаешь.

Я улыбнулась. В манипулировании я лучшая. Как и во всем остальном.

— Я переночую сегодня у Марины? — сразу перешла я к делу.

Папа остановился на полпути ко мне. Он думал.

— Завтра все равно суббота, и я договаривалась с ней об этом, когда еще была в Испании, — соврала я. — Она будет ждать меня сегодня вечером, так что...

— Хорошо, — согласился папа. — Ночуй. Я не против.

И, чтобы окончательно уверить меня в том, что он не возражает, на его лице появилась улыбка. Я расслабилась. Не важно, хотел ли он отпускать меня, или нет, главное, что все сработало.

Весь вечер папа пытался быть общительным, но я видела, как тяжело ему разговаривать со мной. В прочем, подобное поведение не является для меня новостью. Иногда (может, я преувеличиваю) мне казалось, что, разговаривая со мной, он переступает через себя. Словно это причиняет ему боль. Может, это потому, что я напоминаю ему маму? И каждый раз, глядя на меня, он думает о ней?

Я встретила с Мариной у пиццерии.

— Твой папа ничего не подозревает? — спросила она у меня сходу.

— Не-а. А ты что сказала своим?

— Якобы задерживаюсь у бабушки. Но бабушку я уже подговорила... в общем, все спланировано.

— Круто, значит, ночуем у тебя?

— Ага.

— Ладно. Пошли. И... ты все еще не собираешься просветить меня в ваши дела?

— Ну, по правде говоря, я сама не знаю, что там будет, — призналась Марина. — Парни что-то придумали, а говорить отказались.

— Класс.

Когда мы с Мариной подходили к школе, остальные уже были там.

— Привет, — Макс встретил меня поцелуем в щеку.

— Привет, — ответила я и улыбнулась.

Он обвил мою талию рукой и притянул к себе. Я заметила, как смотрят на нас друзья, и мне хотелось провалиться. И где моя хваленая уверенность?

— Ну, готовы ощутить массу драйва? — голос Андрей был переполнен энтузиазма. С широкой улыбкой он посмотрел на каждого из нас.

— Что вы задумали, парни? — спросила Виолетта.

Значит, она тоже не знала.

Ребята переглянулись.

— Больше нет смысла скрывать, — пожал плечами Макс и посмотрел на меня с хитрой

улыбкой.

— Мы проберемся в школу, — громко заявил Андрей.

Челюсть отвисла не только у меня.

— Вы... вы совсем с дуба рухнули? — воскликнула Виолетта и, встретившись взглядом со Стасом, отошла от него на шаг.

— Перестань, — простонал Стас и попытался обнять свою девушку, но та не позволила ему это сделать.

— Я не собираюсь ввязываться в это! Вы хоть представляете, какие проблемы у нас будут, если мы сделаем это?! Я не понимаю, о чем вы только думаете!

И в этом я полностью поддерживала Виолетту.

— Я тоже против, — сказала я.

Андрей издал обреченный вздох.

— Почему все девчонки такие скучные?

— Эй, говори за себя! — насупилась Марина. — Я согласна.

Ее ответ потряс меня до глубины души, хотя я всегда знала, что моя подруга может быть еще той бунтаркой.

— Ты серьезно? — ошеломленно спросила я у нее.

Марина беспечно пожала плечами, хотя, клянусь, в ее глазах я увидела страх.

— Да, — она расправила плечи и улыбнулась, показывая ряд ровных зубов. — По-моему, будет весело.

— Круто, Маринка! — Андрей подошел к ней и обнял за плечи.

Марина яростно сверкнула глазами.

— Руки убери!

Макс и Стас рассмеялись, и Андрей тут же отошел в сторону.

— Большинство присутствующих здесь «за», — сказал он. — Так что мы идем. А если кто-то струсил, то может идти домой.

— Вот и прекрасно! — бросила Виолетта и быстро зашагала в сторону дороги.

— Стой! — Стас тут же кинулся догонять ее.

Разум твердил мне поступить так же, но тело не слушалось. Мое бездействие все приняли, как согласие учувствовать в сумасшествии ребят.

— Не бойся, — подбодрил меня Макс. — Мы не попадемся.

— Что вы собираетесь делать в школе? — спросила я. — Если вы не забыли, она, вообще-то, охраняется, так что нас поймают!

— Иногда ты бываешь такой занудой, — Марина шутливо пихнула меня в бок и посмотрела на Макса. Ее накрашенные блеском губы расплылись в обворожительной улыбке. — Будет весело!

— Не сомневаюсь, — сердито пробурчала я.

— Помнишь наш разговор летом? — спросила она меня.

Какой именно? Мы много разговаривали.

— О том, что этот год должен стать сумасшедшим, — пояснила Марина, увидев озадаченность на моем лице.

— Но я не имела в виду прокрадываться ночью в школу! — ответила я разгоряченно. — Я не хочу, чтобы у меня потом были проблемы. В конце этого года нам еще ГИА сдавать, если ты не забыла. И вообще! Если нас поймают, то тут же отчислят! Или еще того хуже, напишут заявление в полицию о незаконном проникновении на общественный участок!

— Остановись, Алина, — Марина закатила глаза.

Рука Макса крепче сжала мою талию, но я была так зла, что скинула ее и сделала большой шаг назад.

— Учувствуйте в этом без меня, — сказала я.

— Ты кидаешь нас? — спросил Андрей.

А я и забыла о том, что он здесь...

— Не кидаю, а избавляю себя от проблем, на которые вы обязательно нарветесь, если не передумаете, — злобно проговорила я.

— Если ты уйдешь, я обижусь, Алина, — предупредила Марина.

— Это ультиматум? — мой голос повысился почти на октаву.

— Я просто хочу, чтобы ты пошла с нами.

— Нет!

— То есть тебе плевать на нашу дружбу?

— При чем здесь наша дружба, Марина?

— Потому что я прошу тебя остаться здесь, со мной!

— Мы можем уйти, — тихо сказала я.

— Я хочу остаться, — Марина гордо задрала подбородок и скрестила руки на груди.

— А я не хочу.

— Ну и иди!

Ссориться с лучшей подругой мне хотелось в самую последнюю очередь, но если я останусь, пострадает не только моя гордость, но и репутация отличницы и примерной девочки, если я все же проникну вместе с остальными в школу, и нас поймают.

— Пока, — сказала я и развернулась спиной к Андрею, Макс и Марине.

— Алина! — крикнул Макс.

— Да пусть уходит! — обиженно сказала ему Марина. — Нам и без нее будет весело, — она специально повысила голос, чтобы я отчетливо услышала эти слова.

Я посмотрела на нее через плечо, но не остановилась.

— Удачи, когда вас поймают! — бросила я в ответ.

Это было ужасно. Уходя, я не смогла сдержать слез. Макс даже не пытался остановить меня! Вот так вот, получается, я ему дорога. А Марина... мы ругались и до этого, но сейчас все как-то иначе. Мне казалось, что она накричала на меня не только потому, что я отказалась идти с ней. Тут дело в чем-то еще.

Когда я вернулась домой, заплаканная и злая, папа не на шутку забеспокоился.

— Алина? — растерянно спросил он. — Что случилось? Почему ты плачешь?

Я не могла рассказать ему, потому что тогда мой обман всплывет наружу.

— Поругалась с Мариной, — я решила рассказать ему часть правды.

— Я... эээ... Мне жаль. Вы обязательно помиритесь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я представляла, как чувствовал себя отец. Он давно не видел меня в слезах, и я никогда не позволяла себе плакать. Но сейчас что-то взорвалось внутри меня, и я была не в силах сдерживать это.

Мне не стоило ждать поддержки от папы, потому что он поговорить со мной нормально не может, и что уж говорить об утешениях. Вот если бы рядом была мама, она сумела бы подобрать правильные слова, чтобы мои слезы ушли.

Мама...

Вспомнив о ней, я разрыдалась сильнее.

— Да, — сказала я, не понимая, на что ответила.

— Тебе надо умыться, — тихо пробормотал папа.

Я кивнула, сняла кроссовки и пошла в свою комнату. Полчаса простояв в ванной перед зеркалом, я вернулась в комнату и плюхнулась на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Я, правда, пыталась не плакать, но слезы сами текли из глаз. Я вспомнила про развод родителей, про то, как они ненавидят друг друга, и от этого плохо мне. Я вспомнила, что вынуждена делить отца с его работой, и польза не в мою сторону. И, наконец, в голове мелькали образы ссоры с Мариной.

Папа не беспокоил меня, так как понимал, что я нуждалась в поддержке, только не его.

Я неуверенно подняла голову и с ужасом заметила огромное мокрое пятно на подушке от слез. Домашний телефон находился в гостиной, поэтому мне пришлось выйти из комнаты. Папа сидел там, опершись локтями о колени. Услышав мои шаги, он резко повернул голову в мою сторону.

— Ну, как ты? — потревожился он.

— Нормально, — соврала я.

Больше не сказав ни слова, я прошла к журнальному столику, взяла телефон и направилась в свою комнату. Я закрыла дверь и села у изголовья кровати, обняв одной рукой колени.

Мои пальцы дрожали от волнения и неуверенности, когда я набирала мамин номер. Я хотела услышать ее голос, спросить, как дела. Я скучала, и мне важно было знать, что она тоже скучает.

Я поднесла телефон к уху и стала ждать. Мое сердце колотилось так громко, что я не слышала гудков. Наконец, мама взяла трубку.

— Алло? — моя грудь опустилась с облегченным вздохом, когда я услышала ее голос. Он подействовал на меня лучше любого успокоительного.

— Привет, мам, — виновато и хрипло сказала я.

— Алина? Это ты?

— Не помешала? — удивилась я. Сейчас в Нью-Йорке должны быть где-то два часа дня.

— Вообще-то, да, — тяжело вздохнув, ответила она. — Я сейчас занята, и у меня куча работы...

— Извини. Не хотела тебе мешать.

— Что-то случилось?

«Почему обязательно должно что-нибудь случиться, чтобы позвонить маме?» подумала я, а вслух сказала:

— Нет. Просто решила узнать, как дела.

— Все хорошо, — быстро пробормотала она. — Слушай, я, правда, сейчас не могу разговаривать. Давай я позвоню тебе позже, хорошо? Мне надо бежать.

— Ладно, — я приложила массу усилий, чтобы унять предательскую дрожь в голосе и сделать его беспечным. — По... — не успев договорить, я услышала короткие гудки. Мама отключилась. — Пока, мама.

И на что я могла только рассчитывать? На душевный разговор? Она, как и папа, помешана то на работе, то на своем новом муже. И ни у отца, ни у нее не осталось места в жизни для меня.

Я уснула с жуткой головной болью.

Проснувшись и увидев себя в зеркале, я пришла в дикий ужас.

— Больше никогда не буду плакать, — сказала я своему отражению. — Только посмотри, что слезы сделали с твоим милым личиком? Просто жуть.

Субботный день, как назло, оказался солнечным. И вместо того, чтобы отправиться на прогулку с друзьями, я была вынуждена просидеть в четырех стенах своей комнаты и упиваться обидами на жизнь.

Интересно, удалось ли ребятам вчера пробраться в школу? Если да, то поймали ли их, или все-таки они успели убежать? А что, если поймали? Где они сейчас? Я не могла позвонить Марине, чтобы узнать ответы на вопросы, беспокоившие мою голову. Не могла позвонить Максу, так как... я просто не хотела разговаривать с ним. Я тоже была обижена на него. Во-первых, он не попытался сделать ничего, чтобы остановить меня. Во-вторых, он мог прислушаться к решению и отнестись к нему с уважением, ведь я его... девушка, хоть и несколько дней. Но до этого мы долго дружили, однако он принял сторону других.

«Виолетта!» осенило меня.

Я бросилась искать мобильник, и позвонила ей. Мне никто не ответил.

Выходные были обречены на провал. Я провела их в компании телевизора и мороженого. Папа как всегда работал. Он уходил, когда я еще спала, и возвращался, когда я тоже спала. Можно сказать, я провела субботу и воскресенье, будучи абсолютно одинокой.

Марина мне не звонила, а вот от Макса осталось пять пропущенных звонков. Я бы, возможно, ответила, если бы слышала, но телефон покоился в верхнем ящичке тумбы в моей комнате, а я коротала время за просмотром фильмов.

Никогда бы не подумала, что с таким нетерпением буду ждать наступления понедельника. Вечер воскресенья я потратила на домашнее задание. Я всегда относилась к урокам с максимальной ответственностью, хотя, признаюсь, мои мысли витали где угодно, но только не со школьными предметами.

Половина восьмого утра в понедельник Павел уже ждал меня в машине у дома. Сухо поприветствовав, он повез меня в школу. Я озадачилась на минуту, что было с его настроением, но поняла, что это даже к лучшему. Я и сама не была настроена вести дружеские беседы. Мне по-прежнему было грустно оттого, что я поссорилась с друзьями.

Я немного боялась приезжать в школу, хотя это было глупо. Я могла спокойно подойти к любой девочке и заговорить с ней, прекрасно зная, что меня не оттолкнут. Меня никогда и никто не отталкивал. Я боялась садиться за одну парту с Мариной и молчать. Я хотела помириться с ней, но не решалась.

С гордо поднятой головой я вошла в класс и первым делом посмотрела на свою лучшую подругу, которая выглядела спокойной, но до тех пор, пока ее глаза не встретились с моими. Тогда она напряглась. Я прошла к своему месту и, не сказав ни слова, села на стул. Марина тоже молчала, она так же, как и я, рассчитывала, что я первая сделаю шаг к примирению. Но я была горда и упряма. Я знала, что была права, решив отказаться от глупой затеи пробраться в школу, поэтому не собиралась извиняться за это.

Первым уроком была химия. Иногда я не могла удержаться и поворачивала голову к Марине. Замечая, что она тоже смотрит на меня, я тут же отворачивалась. Мы вели себя как две маленькие девочки, но сдаваться первой никто из нас не хотела.

Когда химия закончилась, я вылетела из класса и наткнулась на Виолетту, которая шла одна, без Стаса.

— Привет, — поздоровалась я.

— Привет, — отозвалась она и вяло улыбнулась.

— Их поймали? — тут же выпалила я.

— Нет. По крайней мере, я так не думаю. Мы не общались со Стасом с того вечера. Я тоже ушла. Я еще не видела его, но шумихи в школе нет, так что они сумели сбежать.

— Жаль, что вы поругались.

— Ерунда. Помиримся. Надеюсь. Но пусть не надеется, что я подойду к нему с извинениями первая. Мне не за что просить прощения. А вот ему придется хорошенько постараться, чтобы я его простила, — она усмехнулась. — Шутка. Конечно же, это шутка.

Я улыбнулась, и мы вместе пошли к расписанию.

Виолетта, как и я, еще ни с кем не общалась из нашей компании. Мы встречались в коридорах, обменивались улыбками и расходилась. По мере возможности я наблюдала за Мариной, которая, казалось, не выглядела такой расстроенной, какой должна выглядеть при ссоре с лучшей подругой. Но и я не стояла в стороне и в гордом одиночестве, хотя в душе страдала.

До третьей перемены я не встречала Максима. Когда закончилась история, и я вышла из класса, он стоял у окна и ждал меня. Признаюсь, увидев его, я обрадовалась.

— Привет, — я приложила усилия, чтобы сделать свой голос равнодушным.

С виноватым выражением лица Макс крепко обнял меня на глазах у всех. На нас стали коситься другие ученики, но вырваться из объятий я не стала.

— Извини, — сказал он.

Я вздохнула и закрыла глаза, борясь с желанием обнять его в ответ. Я никогда не была капризной, но сейчас мне захотелось проявить это качество.

— Мы не пробирались в школу, — добавил Макс.

Ого! Эта новость заставила меня резко отстраниться от него.

— Правда? — не поверила я.

Красивые глаза моего парня (все еще было странно думать об этом) излучали уверенность и искреннее сожаление.

— Да, — энергично закивал Макс. — Это реально была дурацкая идея, — с его губ слетел резковатый смешок. — В общем, ничего не было. Мы разошлись по домам.

Это меняет дело.

Я улыбнулась.

— Рада, что вы вовремя образумились, — сказала я.

Губы Макса растянулись в ответной улыбке.

— Значит, мир? — спросил он.

— Мир.

И дальше этот день приносил мне только радость. Я получила две пятерки, во время обеда помирилась с Мариной и остальными. Но сегодня я не увидела Влада, и его отсутствие по непонятным причинам вызвало во мне волну беспокойства, которую я старательно пыталась заглушить внутри себя в течение всего дня.

Две недели пролетели, к моему удивлению, со скоростью метеорита.

Все было хорошо... точнее, все было как раньше. В школе я была одним человеком, а, возвращаясь домой, становилась другой. Так было всегда, но почему-то сейчас я стала ощущать от этого реальный дискомфорт. Видимо, надоело. Но разве за столько лет идеальной игры в идеальную девушку я не должна была привыкнуть к своей роли? Я думала, этого времени достаточно, чтобы привычки и замашки девушки, которую я изображала, должны были прижиться мне настоящей...

А какая я — настоящая?

Похоже, этот вопрос волновал только меня, потому что окружающим нравится мой образ, а не душа. Они считают, что у меня ее нет.

Сентябрьское утро началось с дождя, который барабанил по окнам моей комнаты. Волей не волей, но мне пришлось проснуться... в шесть часов. Из-за ужасной погоды разболелась голова, и я реально подумывала о том, чтобы остаться дома, но сегодня по физике будет контрольная по проверке знаний. Ну, еще мне хотелось увидаться с Максимом, потому что мы почти не встречались и мало разговаривали.

Мой первый поцелуй так и не состоялся. И это хорошо, потому что я не была готова. За три недели наших отношений мы с Максом не продвинулись дальше. На переменках он чмокал меня в щеку, обнимал и убегал дальше. Меня это вполне устраивало, хотя я скучала по нему. Мне хотелось говорить с ним больше, но из-за его тренировок по баскетболу я была лишена этой возможности.

В общих чертах, я и Макс остались теми же друзьями, только он называл меня своей девушкой, а я его своим парнем.

Мой папа все так же пропадал на работе. Нормально разговаривать я могла только с Мариной, но в основном наши беседы были об одежде и прочей ерунде, которые для меня-в-образе должны занимать первое место в жизни.

Похоже, еще не родился тот человек, которому бы я смогла по-настоящему довериться и открыться, который бы смог увидеть меня настоящую...

— Какая сегодня омерзительная погода, — пожаловалась Марина, когда мы зашли в столовую.

— Это точно, — согласилась я.

— Я хотела прогуляться по магазинам, но что-то желания нет.

Марина настоящий шопоголик, а вот меня всегда утомляли длительные прогулки по магазинам, хотя я и делала вид, что получаю от этого не меньшее удовольствие, чем подруга.

— А где твой Максим? — спросила Марина.

Я пожала плечами.

— Вы как будто и не встречаетесь, — сказала она. — Вы хоть целовались?

Я опустила глаза к полу и потрясла головой, чтобы волосы упали мне на лицо и скрыли появившийся румянец на щеках. Я не особо делилась с Мариной подробностями своей почти отсутствующей личной жизни.

К счастью, мне не пришлось отвечать на этот вопрос, так как мы подошли к столу, за которым сидели ребята, и я оживленно поздоровалась с ними, стремясь перевести тему. Максим подошел к нам через несколько минут. Он, как и всегда, поцеловал меня в щеку и принялся уплетать обед.

— Сегодня опять тренируешься? — спросил у него Андрей.

— Угу, — кивнул Макс.

— И даже не оставляешь время для своей девушки, — огорченно вздохнув, сказала Марина.

Макс замер с ложкой во рту.

— Какое тебе дело? — резко ответил он, и я не смогла сдержать удивления.

В глазах Марины мелькнула злость, а затем она хихикнула.

Что-то происходило между ними. Раньше Макс никогда не обращался с ней так грубо, да и Марина не придиралась к нему по любому поводу. Она вела себя так, словно не я его девушка, а она.

Но как я должна была себя вести? Я не знаю, потому что ни с кем не встречалась. Я должна устраивать истерики из-за того, что Макс не позвонил мне вечером, или не написал какое-нибудь любовное смс? Я старалась не напрягать его, не лишать свободы действий.

Обед прошел в тишине. Разговаривали только Виолетта со Стасом. У этих двоих все наладилось, и я была рада за них.

Уходя, Макс взял меня за руку и увел от остальных.

— Пойдешь сегодня гулять? — спросил он.

— Ну-у... — я не спешила ответить. Мне хотелось сослаться на плохую погоду, на то, что болит голова. Мы гуляли вдвоем всего лишь раз, и тогда он чуть не поцеловал меня. Если я соглашусь, то сегодня он обязательно меня поцелует. — Я...

Я не успела договорить, так как на меня неожиданно полетел Максим. Но это еще полбеды. У него в руке была кружка с недопитым сладким чаем. И содержимое этой кружки оказалось на моей красивой, белой и очень дорогой, кстати, блузке.

Я должна была искриться яростью на того, кто толкнул Макса, ведь пострадала больше него. Однако Максим забрал мою злость, прибавив к своей, и я ужаснулась при виде его гневного выражения лица.

— Ты... — зашипел он, поворачиваясь ко мне спиной и лицом к виновнику небольшого происшествия. Я ждала услышать продолжение его тирады, но он молчал.

Пятно стало расплываться по блузке и вскоре стало огромным. Промокшая одежда неприятно прилипла к коже, но я перестала думать об этом, когда увидела через плечо Макса Влада.

Влад толкнул его.

Из-за Влада моя блузка была испорчена.

Будь на его месте любой другой человек, я бы непременно разозлилась, ведь мне придется ходить в таком виде еще пару часов, и я стала самым настоящим посмешищем в глазах других учеников! Но злиться на Влада я не могла, не имела права. Он ведь не видел, куда шел, не знал, что наткнется на Максима.

— Снова? — с презрением выплюнул Макс.

Я переводила ошарашенный взгляд с него на Влада.

Влад выглядел немного растерянным.

— Я не хотел, — пробормотал он с виной.

— Плевать мне, хотел ты или нет! — выкрикнул Макс и сделал рывок вперед, к Владу.

Ужас овладел моим телом.

Боковым зрением я увидела, что многие остановились и стали наблюдать за набирающей обороты сценой, главными героями которой были я, Максим и Влад. Мне уже было все равно, как я выглядела в глазах других. Единственное, что меня волновало сейчас, так это то, чтобы Макс отстал от Влада. Но я не могла пошевелиться и заговорить.

Но Макс... неужели он затеет драку со слепым? Это же так низко! Только морально опущенный человек сможет причинить боль слабому и незащищенному. И если сейчас Максим сделает хоть еще один шаг к Владу, намереваясь сделать ему больно, то я больше никогда, никогда не заговорю с этим человеком, и совершенно все равно, что потом будут думать другие.

Сейчас я была настроена решительно.

Иногда, а в данном случае именно сейчас, я позволяла своей хорошей, настоящей стороне показаться. Я никогда не прощу себе, если из-за этой случайности пострадает Влад. Мне было искренне жаль его.

— Ты думаешь то, что ты слепой, сойдет тебе с рук? — в реальность меня вернул злой голос Макса.

От его слов меня невольно передернуло.

— Остановись! — неожиданно для себя и для всех выкрикнула я и ударила его по плечу.

Когда Макс повернулся ко мне, и я увидела его побагровевшее от ярости лицо, мне стало страшно. Максим — хороший боец, и мне не хотелось бы встретиться с ним в темном переулке. Я понимала, что если не вмешаюсь и не попытаюсь остановить его, или хотя бы отвлечь до того времени, пока учителя не заметят странное поведение учеников и не вмешаются, он обязательно что-нибудь сделает Владу. Если не причинит боль физически, то морально точно сможет.

— Зачем ты защищаешь его? — накинулся Макс на меня. — Он испортил тебе блузку!

«Да плевать мне на блузку!» хотела крикнуть я, но не сказала этого.

— Пошли отсюда, — тихо сказала я. — Нам влетит, если нас увидят учителя.

Я знала, что эта фраза вернет его способность мыслить рационально. Может, за пределами школы он был самым, что ни на есть крутым парнем, но здесь отчасти являлся незащищенным. Отец Максима — очень строгий человек, и если бы он узнал, что Макс замешан в драке со слепым, моему парню (какая глупость!) сильно попало бы.

Макс тяжело и часто дышал. Его грудь вздымалась и опускалась, кулаки медленно сжимались и разжимались, а глаза прожигали во мне дыру. Он был очень зол. Казалось, я даже физически чувствовала ярость, которую он излучал. Но все же здравый рассудок одержал победу, и Макс громко вздохнул.

— Ладно, — буркнул он и метнул сердитый взгляд на Владу, который все это время не двигался с места. Он не выглядел испуганным, но и расслабленным уж точно не был. — Сегодня тебе повезло. Отдыхай.

Затем Макс молча схватил меня за руку, больно сжав ладонь, и потащил к выходу из столовой. Уходя, я постоянно оборачивалась, чтобы убедиться, что с Владом все хорошо. Несколько девочек из восьмого класса подошли к нему, и я больше не могла видеть его.

— Мне надо почистить блузку, — сказала я, когда мы оказались в менее людной части просторного коридора.

— Он когда-нибудь точно нарвется! — прорычал Макс, отпустив мою руку. Кажется, он даже не слышал того, что я только что ему сказала.

— Почему ты так ненавидишь его? — я только подумала об этом, но, оказывается, произнесла вслух.

— Потому что ему не место здесь! Потому что он строит из себя всезнающего слепого! Он...

— Ты ведешь себя, как мальчишка, — перебила я его, не желая слушать того, как он

будет оскорблять Влада. — Он же слепой! Он не видит, Макс! Ты понимаешь это? Ты не должен был так злиться из-за того, что он налетел на нас. Вот если бы тебя толкнул кто-то другой, то я еще могла бы понять причину твоей ярости и желания разукрасить кому-то лицо. Но зачем ты пытаешься завязать драку со слепым? Он ведь не виноват в том, что не видит, — неожиданно к глазам подкатили слезы, и я стиснула зубы, чтобы не разрыдаться перед Максимом.

— Этот Влад хочет быть таким, как все, вот я и отношусь к нему, как к другим! — он обиженно надул щеки и нахмурился.

Я громко вздохнула и покачала головой.

— Мне надо в туалет, — сказала я. — Попробую что-нибудь сделать с блузкой, хотя вряд ли удастся избавиться от этого пятна.

Мы расстались с Максимом в коридоре. Он пошел на урок, а я поплелась на третий этаж, в женский туалет. Когда я вошла туда, то наткнулась на Марину, болтающую с двумя девушками из 10 «В».

— Алина, что это? — в ужасе воскликнула она, когда увидела мою блузку.

Я подавленно усмехнулась и вспомнила, что Марина с остальными уже ушла из столовой, когда все произошло.

— Это будущая половая тряпка, — пробормотала я. — Хотя, думаю, этот материал плохо сойдет для мытья полов, — еще раз усмехнувшись себе под нос, я подошла к раковине и включила воду.

— Блузку это уже не спасет, — сказала подошедшая ко мне Марина.

— Да. Жалко. Она мне нравилась.

— Тебе нужно снять ее.

— И в чем я буду ходить?

— Надень то, что взяла на физкультуру.

Точно! А я забыла, что сегодня по расписанию физкультура.

Марина принесла мне сумку из класса, и я переоделась. На уроке русского языка я рассказала подруге о том, что случилось в столовой. Она была в шоке и к моему огромному удивлению приняла сторону Максима.

Я много думала о Владе. Я чувствовала необходимость извиниться перед ним за поведение Максима, но не могла сделать этого по многим причинам. На сегодня я и так достаточно опозорилась. Остаток учебного дня мне постоянно приходилось ловить на себе косые взгляды других учеников.

Неприятный инцидент в столовой вытеснил из моей головы мысли о приглашение Макса погулять. Да и он об этом забыл.

Погода не улучшилась. Уже четвертый день идут дожди. Я соскучилась по солнцу, хотя за это лето видела его больше, чем за всю свою жизнь. Я настолько углубилась в свои мысли, что не заметила, как добралась до квартиры.

Достав из сумки ключи, я вставила один в замочную скважину и открыла дверь. Как только я оказалась в прихожей, до меня донесся женский смех. Поначалу я подумала, что это включен телевизор, но смех повторился, и я поймала себя на мысли, что технологии пока что не научились так реалистично передавать человеческий голос.

Дома кто-то был. Женщина.

Домработница. Это единственное, что пришло мне на ум.

Я сняла обувь и поспешила в гостиную.

Мои глаза чуть не полезли на лоб, когда я увидела своего отца, целующегося с какой-то рыжеволосой особой.

— Что здесь происходит? — эти слова сами собой слетели с моих уст.

Женщина воскликнула от неожиданности, папа резко отстранился. Надо было видеть его лицо, потому что удивление, которое он испытал, невозможно описать словами. Необъяснимый и яркий блеск в его глазах стремительно угас, когда он посмотрел на меня. Его губы были приоткрыты, и я поморщилась от мысли, что он только что целовал ими незнакомую женщину.

Я никогда не видела отца с кем-то. По крайней мере, он никогда не приводил сюда своих подруг, если таковые у него имелись. А они, я уверена, были, хоть и не хотела признавать этого.

— Алина, — наконец, сказал он.

А я уже подумала, что он разучился говорить.

Мои глаза резко переместились на рыжеволосую женщину. Она не было молодой, хотя выглядела ухожено. На вид ей лет тридцать пять. Хорошая фигура, неплохое лицо. Она была красивой женщиной, но никто, даже Мисс Мира не сравнится с моей мамой.

Мое сердце билось спокойно только потому, что я себя сдерживала. Но я не смогу сохранять спокойствие долго, потому что я чувствовала, что уже на грани истерики. Видит Бог, я не любила ругаться с отцом, но сейчас для ссоры представился отличный повод.

Я долго всматривалась в лица взрослых, думая о том, как омерзительно поступил со мной отец. И как долго он встречается с этой женщиной? И почему ничего не сказал об этом мне?

— Я все объясню, — рассеянно проговорил папа, поднимаясь с дивана.

Он нервно провел руками по брюкам и поправил воротник бледно-голубой рубашки в полоску.

«Уж потрудись» подумала я.

С удовольствием послушаю его оправдания.

— Это Юлия, — объявил папа и показал рукой на рыжеволосую.

Та смущенно улыбнулась мне.

— Привет, — сказала она.

Мне стоило больших трудов, чтобы не скривить лицо, как маленький ребенок. Огромная волна негодования захлестнула меня. Приближался неизбежный выход моего внутреннего Халка. Он был близко, я начинала ощущать во рту привкус раскаленной злости. Обида на отца обжигала меня изнутри, но я молчала, ожидая продолжения.

— Мы с Юлей встречаемся, — сказал папа, но на его лице по-прежнему присутствовала нерешительность. Он сообщил мне не все, и внутренний голос подсказывал, что то, что мне предстоит услышать, будет еще ужаснее предыдущих слов. — И я собираюсь жениться на ней.

Жениться.

Мой папа собрался жениться на другой женщине?!

«А как же мама?» хотелось кричать мне. Неужели, это действительно конец, и больше нет шанса на их совместное будущее?

После того, как слезы хлынули из глаз, я плохо соображала, что делаю.

Я помню, как выбежала из квартиры и метнулась вниз по лестнице. Папа выкрикивал мое имя и следовал за мной до первого этажа. Затем я оказалась на улице и ринулась в сторону набережной. Ноги сами несли меня туда, потому что это место могло успокоить меня.

Когда я стояла и рыдала, люди смотрели на меня, но было все равно.

Это конец.

Моей семье действительно наступил конец.

Когда ушла мама, я продолжала надеяться, что однажды она воссоединится с отцом. Однажды я даже пыталась свести их, но это не закончилось успехом. Теперь и папа собрался жениться на другой женщине... Я не хочу, чтобы она жила с нами. Я не хочу видеть ее рядом с ним.

Я бы отдала все, что у меня есть за то, чего не имею.

Я просто хочу вернуть счастье в мою семью, и ради этого бы пожертвовала всеми деньгами мира, своей красотой и популярностью. Если бы я только могла сделать это...

Меня предали самые дорогие люди.

Я нарушила обещание, которое дала себе. Я снова плакала. Нет. Я рыдала с такой силой, будто у меня из груди вырвали сердце. Хотя, так оно и было. Я чувствовала себя такой несчастной и уязвимой. Мне было бы все равно, если сейчас меня увидел кто-нибудь из знакомых. Мне было бы плевать на то, что эти люди подумали бы, глядя на то, как я заливаюсь слезами и загибаюсь от грусти.

В эти минуты абсолютной беспомощности я так жалела о том, что рядом нет никого, кто смог бы поддержать меня. Марина? Она не поймет, потому что ее родители счастливы в браке. Жизнь моей лучшей подруги действительно хорошая.

Макс.

Мы с ним дружили, и сейчас встречаемся, но я не чувствую, что он близок мне. Возможно, дело в том, что я сама его не подпускаю, так как не до конца уверена в том, что хочу называть его своим парнем. Возможно, дело в чем-то другом.

Нет. И о чем я только думаю? Макс... Марина... все это совершенно неважно сейчас! Обман папы — вот, что действительно имеет значение.

Я потеряла счет времени. Я брела по улицам, не обращая внимания на людей, которые мелькали перед лицом, на дождь, сделавший меня промокшей до ниточки. Эта прогулка под ливнем точно закончится высокой температурой и жуткой ангиной. Но это не волновало меня. Не сейчас.

Вскоре дождь прекратился, и тяжелые свинцовые тучи стали рассеиваться. А потом я увидела солнце. Его робкие лучи касались земли, и мне захотелось дотянуться до неба, убрать всю темноту и избавить солнце от любых преград.

Хоть что-то приятное за этот день. К сожалению, солнца недостаточно, чтобы заставить грусть уйти из моего сердца.

Глава восьмая

Я оказалась в Приморском парке Победы. И как только меня занесло так далеко от дома?

Парк пустовал. Видимо, поблизости больше нет таких же сумасшедших, как я, которые

гуляют в такую погоду. Что ж, это даже к лучшему, потому что я снова собиралась плакать. Я села на лавочку, не боясь испачкать брюки. Ледяные капли с нависшего дерева падали мне на лицо, и каждый раз я содрогалась.

Я будто погрузилась в транс. Я не слышала ничего, кроме собственных мыслей, которые беспорядочным вихрем крутились в голове. Я не чувствовала ничего, кроме лихорадочной дрожи. Я замерзла, и мне нужно было возвращаться домой, иначе я заработаю воспаление легких. Но что будет ждать меня там? Отец со своей... невестой?

Невеста.

Я скривила лицо, представив эту женщину в свадебном платье рядом с моим папой. Даже если он женится на ней, я никогда не стану думать о ней, как о родном человеке. Она всегда будет для меня чужой, той, кто украл последнюю надежду на спасение МОЕЙ семьи.

— Не так быстро, Эйнштейн, — сквозь толстый слой ваты в ушах я услышала знакомый голос.

Его владельца я знала не очень хорошо, точнее я ничего о нем не знала, кроме имени. Но почему-то голос сразу врезался в память.

Я быстро распахнула глаза и стала смотреть по сторонам. Недалеко от лавочки, где я сидела, шел Влад, крепко держа в руке поводок. Он был не один. Улыбка невольно появилась на моем лице, когда я взглянула на бодрую собаку-поводыря. Это был большой белый лабрадор с горящими черными глазами.

Собака уверенно и быстро двигалась вперед, заставляя Влада буквально бежать за ней. Я наблюдала, как они направляются ко мне... в мою сторону. Увидев Влада, одни темные мысли ушли из моей головы, и на смену им пришли другие, не менее мрачные.

Что он здесь делает? И... он назвал своего пса Эйнштейном?

Встретив здесь Влада, я получила отличный шанс извиниться перед ним за то, что произошло в столовой.

Только несколько секунд назад я ломала голову над тем, как мне быть теперь с отцом, а сейчас не было ничего важнее того, чтобы избавить свою совесть от тяжелого груза и сказать «извини, мне очень жаль» Владу.

С каждым мгновением, приближающим меня к нему и его собаке, во мне все напрягалось. Я вцепилась пальцами в лавочку и сильно прикусила нижнюю губу. Я была уверена в том, что собиралась сделать, и в то же время нерешительность разрывала меня на части.

— Привет, — сказала я, и моему внутреннему монологу пришел конец.

Влад резко остановился напротив моей лавочки.

— Стой, — тихо произнес Влад, команда была дана псу, который послушно исполнил ее. Затем Влад немного повернул голову в мою сторону. Он прислушивался, а я тем временем разглядывала его внешний вид. На нем были темные джинсы с потертыми коленями, черная ветровка и кепка. Глаза так же скрывались за черными очками. — Алина, — я опомнилась, когда Влад назвал мое имя. Это был не вопрос.

— Да, — я почувствовала себя глупо, когда кивнула.

— Привет, — наконец, ответил он на мое приветствие.

И все. Я потеряла способность говорить, хотя мне было что сказать, по крайней мере, я так думала. Но в голове моей всегда выстраиваются длинные красноречивые речи, а на деле я озвучиваю лишь малую их часть.

— Гуляешь с собакой? — спросила я. — Твоя?

Боже. Это так глупо! Конечно же, он гуляет с собакой! И, конечно же, она его!

Ужасно, но я была рада тому, что Влад сейчас не мог видеть выражение моего лица, потому что оно выглядело смехотворно.

— Да, — с теплотой отозвался Влад. — Его зовут Эйнштейн. Эйнштейн, — позвал он пса и вытянул руку вперед. Собака сразу откликнулась и подошла к нему, лизнув пальцы. Влад улыбнулся, — познакомься, это Алина, моя хорошая знакомая.

Надо же, он обращался с собакой, как с живым человеком!

Постойте-ка. Влад только что назвал меня своей хорошей знакомой? Хорошей? Мне это не послышалось? Мы трижды столкнулись. В первый раз я едва ему не нагрубила. Во второй раз чуть не повторила это. И в третий на него отчасти из-за меня накричал Макс. Как же после этого я могу быть для него хорошей знакомой?

Эйнштейн повернул голову в мою сторону, и я помахала ему.

— Привет, Эйнштейн, — сказала я.

Пес завилял хвостом и ринулся ко мне.

— Полегче, приятель, — усмехнулся Влад, следуя за ним.

Эйнштейн стал нюхать мои колени, а я погладила его по макушке.

Я любила животных, но бездомные собаки и кошки всегда вызывали у меня смертельную жалость. Я прекрасно знаю, что если вовремя не остановлюсь, то запросто могу разрыдаться и впасть в недельную депрессию. Поэтому я стараюсь особо не обращать на брошенных животных внимание.

— Хороший Эйнштейн, — сказала я собаке.

Пес сильнее завилял хвостом, как будто понял мои слова. Его черные глаза заискрились с новой силой, и я стала гладить его по спине.

— Не увлекайся, — произнес Влад. — А-то этот старый обормот привыкнет к твоей ласке.

— Я не против, — я пожала плечами, с улыбкой глядя на собаку.

Эйнштейн лизнул мою руку и развернулся к хозяину. Пес заскулил и зевнул.

— Что? Хочешь отдохнуть? — спросил у него Влад.

Как будто в подтверждение собака снова издала протяжный звук.

— Ладно, — согласился Влад. — Только не долго, — он наклонился вперед, собираясь дотронуться до пса, и собака сама подставила голову для ласк. — Хороший мальчик. Хороший.

Я с особым интересом наблюдала за ними.

— Сколько ему лет? — поинтересовалась я у Влада, глядя на Эйнштейна.

— Одиннадцать, — с легкой грустью отозвался Влад.

Ого! Старенький. А по виду не скажешь. Такой бодрый, ласковый пес.

— Можно посидеть с тобой? — Влад слегка кивнул.

На секунду я растерялась.

— Да, да! Конечно, садись! — я отодвинулась немного в сторону.

Влад улыбнулся и сделал несколько осторожных шагов вперед. Он остановился прямо передо мной, но голову не опустил. Затем наклонился вперед и дотронулся рукой до места рядом со мной. Я почувствовала внутри странную дрожь, когда вблизи увидела его лицо. И все же, у него такая бледная кожа...

Влад сел слева от меня и поманил к себе собаку.

— Можешь погулять пока, — тихо сказал он псу и отцепил поводок от шлейки.

Эйнштейн тут же принялся исследовать ближайшие кусты и пометать их. А мы с Владом молчали. Тишина давила на меня, вгоняя в краску. Я постоянно поглядывала на Влада, глупо боясь быть пойманной с поличным. Но мне не о чем волноваться. Я могла разглядывать его сколько угодно. Осталось только убедить себя в этом.

Я начала с волос. Светлые пряди выглядывали из-под кепки, я немного наклонилась, чтобы изучить его высокий лоб, брови, прямой аккуратный нос, скулы, щеки, губы... я рассмотрела все, кроме глаз.

— Ну как? Симпатичный? — неожиданно произнес Влад.

Я вздрогнула и с широко распахнутыми глазами уставилась на него.

Его губы растянулись в легкой полуулыбке.

Как он узнал, что я смотрю на него? Может, не такой уж он и слепой? Или просто догадался? Мое лицо начинало краснеть, и я приложила руки к пылающим щекам. Вопрос Влада так и остался без ответа, хотя про себя я сказала «да». Влад был симпатичным. Если бы не его... слепота, уверена, за ним побегало бы много девчонок. Но то, что он не может видеть, отталкивает на подсознательном уровне. Кто захочет встречаться со слепым, правильно? Пусть это звучит жестоко, но такова правда.

— Извини, кстати, за то, что испортил тебе блузку, — сказал Влад. — Я не хотел. Просто... в общем, неудачное стечение обстоятельств, и мне очень жаль.

— Ерунда, — пробормотала я, и это действительно было так. Блузка — это сушая мелочь. — На самом деле, это я должна извиниться перед тобой.

Я увидела, как брови Влада удивленно приподнялись.

— За своего друга, — тихо пояснила я.

— О. Это тоже ерунда, — и он улыбнулся.

Я покачала головой.

— Нет. Не ерунда. Максим не должен был кричать на тебя, ведь ты не виноват. Ты же не...

— Не видел, — закончил за меня Влад.

— Да, — почти шепотом подтвердила я. — Я не думала, что все так произойдет. Я растерялась. Мне нужно было сразу увести его из столовой. Еще бы чуть-чуть, и не представляю, что бы случилось...

— Но ничего же не произошло, верно? Так что не о чем переживать. И ты не должна извиняться за своего друга, ведь говорил он. Если этот парень такой вспыльчивый, то я мог заработать проблемы, — Влад усмехнулся. — Так что спасибо. За то, что спасла меня от побоев.

Мое сердце екнуло в груди, когда я представила, как Макс ударил бы Влада.

В душе появилось приятное тепло, которое стремительно растеклось по всему телу и согрело меня. Мне стало легче, огромный груз свалился с плеч, когда я извинилась за то, чего не совершала. И где-то глубоко вспыхнула злость на Макса, словно только сейчас до меня дошло, как жестоко он мог обойтись со слабым.

Мы просидели в тишине около минуты. Я ерзала и болтала ногами, а Влад выглядел совершенно спокойно.

— Этот парк редко пустует, — начал он, и я вздохнула с облегчением. Прощай, неловкое молчание. — Но сегодня из-за погоды здесь нет ни одной живой души, — он сделал небольшую паузу. — Кроме тебя. Ну, и меня. Я гуляю здесь с Эйнштейном каждый день в одно и то же время, так что для меня это вошло в привычку, — я немного удивилась,

почему Влад говорил мне это, но перебивать не стала. Наоборот, мне было даже интересно. — А ты как здесь оказалась? — он неторопливо подошел к главному вопросу. — Я встречаю тебя первый раз. Что-то привело тебя сюда.

«Предательство отца» подумала я про себя.

— Просто гуляла, — мой голос предательски дрогнул в конце.

— Хмм, — вдумчиво промычал Влад. — Одна? Прости, что спрашиваю. Просто мне интересно, ведь такие люди, как ты, редко бывают одни.

Этот парень был очень проницательным, и умным.

Может, ответить ему то, что он ожидает услышать? Сказать, что скоро подойдут друзья? А смысл? Не знаю, почему, но мне не хотелось врать Владу.

— Да, — вздохнула я. — Я здесь одна.

Влад молчал, думая о чем-то.

— Мы с тобой почти не знакомы, — спустя некоторое время он заговорил, — и то, что я сейчас скажу, прозвучит странно. Но пообещай, что не станешь кричать на меня, когда услышишь это, ладно?

— Почему я должна кричать? — пробормотала я.

Что он собирался сказать мне? Да все, что угодно. Я не знала Влада, и поэтому не могла предугадать ход его мыслей.

— Я думаю, — осторожно начал он, — тебе нужна помощь.

Я ожидала услышать многое, но только не то, что я нуждаюсь в помощи. Он, правда, только что сказал это? Мне нужна помощь? В каком плане? И с чего вообще он это взял? В какой-то момент я ощутила растущее внутри негодование, вызванное словами Влада. Но почему я разозлилась? Может, потому, что он сказал правду? Мне нужна помощь. Мне нужно поговорить с кем-то о родителях и, вообще, о том, что происходит в моей жизни. Я бы никогда не обратилась с этими проблемами к психологу. Пустая трата денег и времени.

Вслед за возмущением я почувствовала острое желание выпустить наружу шипы и защищаться. Защищаться оттого, что кто-то сумел найти во мне брешь. Я не понимала, как Влад пришел к выводу, что мне нужна помощь. Он меня совершенно не знает, и даже не видит! Как он может думать об этом?

Но он сказал. И мое сознание откликнулось на его слова.

Я медленно вдыхала и выдыхала, мои кулаки были сжаты с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Влад терпеливо ждал моего ответа, но я не знала, что сказать. Назвать его психом и уйти? И что с того? Потом я никогда не смогу простить себе того, что сказала это слепому человеку.

Или мне остаться и сказать, что он прав? Позволить ему расковырять все мои раны? Я не хотела этого, но в глубине души понимала, что мне это было необходимо.

— С чего ты так решил? — сквозь стиснутые зубы проговорила я.

Влад сделал резкий вдох и выпрямил спину, когда я заговорила.

— Я это виж... — он не договорил и горько усмехнулся. — Я чувствую.

Мне захотелось громко рассмеяться ему в лицо, но я сдержалась. Его слов недостаточно, чтобы я смогла довериться ему.

— Допустим, — медленно произнесла я. — Допустим, мне нужна помощь.

О, не верю, что я сказала это! И кому? Почти незнакомому человеку?!

Я неуверенно взглянула на Влада. Его лицо отражало искреннее удивление.

— Честно говоря, не ожидал услышать этого, — признался он. — Но это лишь

подтверждает мои убеждения о тебе.

Я нахмурилась, совершенно сбита с толку. О чем он говорит?

— Я готов помочь тебе, — в итоге, заявил Влад, чем окончательно ввел меня в ступор.

Он? Помочь мне? Как? Как он собирается сделать это? Что он обо мне знает, чтобы помогать? На этот раз я рассмеялась. Горько, мрачно. Вместе со смехом по щекам покатались слезы. Неужели, это я? Алина Воронова — девушка, которая безупречно исполняет роль идеальной девушки? Неужели, это правда я сейчас сижу перед чужим человеком и плачу, позволяя ему видеть себя с такой стороны, которую еще не показывала даже лучшей подруге? Кто такой Влад? Что в нем есть такого, чего нет в других? Почему я должна позволить ему ворваться в мою жизнь? Почему я должна верить ему?

— Я даже не знаю твоей фамилии, — пролепетала я, стирая с лица теплые слезы.

— Это не проблема, — ухмыльнулся Влад. — Авдеев. Моя фамилия Авдеев.

Но от этого не стало легче.

— Я тебя совершенно не знаю.

— Я тебя тоже.

— Почему ты? — прошептала я и удивилась тому, как неожиданно бессильно стал звучать мой голос.

— Потому что я единственный, кто может помочь тебе, — уверенно ответил Влад.

Я усмехнулась.

— С чего ты так решил? — я повернул голову в его сторону. — Почему ты думаешь, что мне нужна твоя помощь? Именно твоя? И с чего ты взял, что я поверю тебе и разрешу копаться в своей жизни?

— Во-первых, я не собираюсь копаться в твоей жизни. Во-вторых, я многого о тебе не знаю, но кое в чем уверен абсолютно. Ты хороший человек, Алина. А хорошим людям, запутавшимся в себе, нужно помогать.

— Это смешно, — пробормотала я, отворачиваясь.

Внутри меня все кипело. Я чувствовала себя безоружной, открытой. Словно у меня отняли бронь, которая спасала столько лет, и сейчас я оказалась полностью уязвимой. А что более странно, Влад как будто знал все мои слабые места. Совпадение?

— Я уверен, — сказал Влад.

Я закрыла глаза.

«Закройся. Стань той, кем ты была все это время, пусть даже эта ты — не настоящая» говорил мне голос разума.

Но моя душа трепетала от необъяснимого волнения.

— Но... почему?

— Потому что я знаю, что ты не такая, как твои друзья, но пытаешься быть такой же.

— Да откуда тебе знать, какая я? — меня, порядком, начинала раздражать уверенность, с которой он говорил. — Ты меня не знаешь! Мы сталкивались с тобой пару раз, и ты же сле... — я прижала руку ко рту, так и не договорив.

Влад слабо улыбнулся.

— Слепой. Не бойся этого слова. Называй вещи своими именами.

— Извини, — пробормотала я.

— Не надо извиняться. На правду не обижаются.

Смотря какая правда, и как она звучит из уст того, кто говорит.

— Как ты можешь знать меня, если ты даже не видишь, — закончила я.

— Мои глаза мертвы, но я не глухой, — ответил Влад. — У меня есть уши, которыми я прекрасно слышу.

Я усмехнулась.

— Так ты знаешь меня по слухам?

— Можно и так сказать. Фишка слухов в том, что они — противоположность правды. Значит, если ты ужасная, эгоистичная, самовлюбленная, думающая только о себе и ставящая себя выше всех принцесса, то...

— Так обо мне думают? — перебила я его.

— Ну, в общем, да, — кивнул он.

Я застыла в немом ужасе, хотя не должна была удивляться. Ведь я знала, что мое поведение в школе оправдывало все эти мерзкие прилагательные, которые мне приписали.

— Но не волнуйся. Я знаю, что это не правда, — продолжил Влад. — Если так говорят с тебе, значит, ты не плохой человек. Более чем, я уверен, что ты ведешь себя так специально...

— Почему? — перебила я.

— Потому что если бы ты в действительности была такой, как о тебе говорят, то сейчас бы не разговаривала со мной и не извинялась за поведение своего друга. По-моему, последнего вполне достаточно, чтобы считать тебя неплохим человеком.

— Я не хороший человек, — сказала я.

Я не знаю, кто я.

— Ошибаешься, — мягко сказал Влад. — И я докажу тебе это.

Как?

Возможно, я сошла с ума, потому что согласилась.

— Хорошо.

Одно-единственное слово слетело с моих уст. Одно-единственное слово станет причиной того, что, возможно, моя жизнь изменится. Хотя я не верила в это на сто процентов, но все же...

Я понятия не имела, что Влад будет делать, помогая мне. Я не знала степень отчаяния и запутанности в себе, отчего доверилась слепому малознакомому парню.

Я точно сумасшедшая.

Я посмотрела на него со смешанными чувствами и медленно выдохнула. Тот, кто сидел передо мной, тоже являлся отчасти сумасшедшим.

В груди потеплело, когда я увидела, как расцвела широкая счастливая улыбка на лице Влада. Это мое согласие так обрадовало его? Может ли это значить, что я ему нравлюсь? Хотя как я могу ему нравиться?

Слепой. Влад слепой. Я собираюсь подружиться со слепым мальчиком. А что будут говорить на это в школе? Как отнесутся мои друзья? Макс? Ведь Влад ему не нравится.

— У меня есть одно условие, — сказала я, по-прежнему глядя на Влада.

— Какое?

— Мы... не будем общаться в школе.

— Ну да, ну да, — он иронично ухмыльнулся. — Я понимаю. Хорошо. Тогда давай я буду проверять свои способности психолога на тебе в этом парке, на этой лавочке?

Я немного расслабилась, убедившись, что моя просьба не задела его чувства.

— Без проблем.

Влад немного повернул голову прямо на меня, и в этот самый момент у меня вновь

возникло чувство, будто он видит меня.

— Не скажешь, сколько времени? — попросил Влад, отвлекая меня от мыслей.

Я встряхнула головой и достала телефон. Тринадцать пропущенных звонков от папы. Я громко сглотнула и заставила себя перевести взгляд на время. Шок снова настиг меня врасплох.

— Семь, — проямлила я.

Сколько же я гуляю?!

— Нам с Эйнштейном уже пора домой, — пробормотал Влад и отвернулся от меня. — Эйнштейн! — крикнул он и громко свистнул. — Ко мне, Эйнштейн!

Пес не заставил себя долго ждать, и уже через несколько секунд выпрыгнул из кустов и побежал к хозяину.

— Когда мы можем встретиться? — спросил у меня Влад, прицепляя поводок к шлейке Эйнштейна.

Я думала над этим целую минуту.

— Можно завтра в то же время, — наконец, ответила я.

— Завтра не получится, — Влад нахмурился и поджал губы. — Давай послезавтра. В пять. Встретимся у этой лавочки.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Было приятно пообщаться с тобой, Алина, — Влад немного наклонился в мою сторону, и я замерла, ожидая чего-то. Но ничего не произошло.

Влад поднялся со скамейки, намотал на кулак поводок и повернул голову в мою сторону.

— И мне, — призрачно отозвалась я.

Левый уголок его губ приподнялся в полуулыбке.

— Пока, — сказал он и отвернулся. — Домой, Эйнштейн.

Пес послушно направился в левую сторону, туда, откуда они пришли.

Глава девятая

Сразу стало как-то холодно после того, как Влад ушел.

Я еще долго думала о нем и о том, что он предложил мне свою помощь. В любой другой раз я бы непременно посмеялась над этой ситуацией. Наверно... Слепой, предложил помощь мне, Алине Вороновой — успешной, красивой, богатой. Что может быть не так в моей жизни? Я имею все для счастья.

Мне нужно было возвращаться домой, хотя я этого не хотела. Мне нужно было вернуться к отцу. К разговору о его женщине, который непременно состоится. К обиде. К новым разочарованиям. К слезам, которые хлынут по моим щекам, как только я скроюсь в своей комнате. Я не хотела переживать ничего из этого, но у меня не было выбора.

Было темно, когда я подошла к дому. Свет в окнах нашей квартиры горел, значит, папа был там. Он никуда не ушел. Но с ним ли эта... Юлия? Какое дурацкое имя.

Я боялась заходить домой, но мне некуда было идти. Хотя я могла переночевать у Марины. Но это не спасет меня. Лучше разобраться во всем сразу, чем откладывать неизбежное на потом.

Сделав глубокий вдох, я открыла входную дверь и вошла в квартиру. Я невольно

сморщила нос, так как в воздухе витал аромат приторно-сладких духов папиной невесты. Мои руки дрожали, когда я снимала сырую обувь. Стояла необычная тишина, пропитанная напряжением. Можно было подумать, что никого нет, но я знала, что папа ждет меня в гостиной.

Я собралась с силами и прошла вперед.

Первое, что я почувствовала, это облегчение, так как женщины — Юлии — здесь не было. Но затем на меня навалилась смесь горести и обиды. Каждая клеточка моего тела наполнилась болью, когда я увидела отца, сидящего в центре дивана. Пары секунд хватило, чтобы разглядеть его лицо. Между бровями пролегла выраженная складка оттого, что он сильно хмурился. Губы плотно сжаты, скулы напряжены. Глаза сверлили перед собой экран выключенного телевизора.

Но все напряжение как рукой сняло, когда папа услышал, что я здесь.

— Алина, — хрипло произнес он.

Мне захотелось плакать. Подойти к нему и кричать от обиды. Мне было больно видеть отца в таком состоянии, но я изо всех сил старалась сохранить ледяное спокойствие. Я отлично играла свои роли, поэтому мне не привыкать быть холодной и даже стервозной.

Папа убрал руки от лица и резко встал с дивана. Он собирался подойти ко мне, и действовал нерешительно. А я просто стояла у выхода из гостиной и не могла пошевелиться. Я не хотела, чтобы он начал говорить и извиняться. Вся моя мнимая уверенность мгновенно испарилась. Я поняла, что пока не готова к разговору о его лжи. Может быть, завтра.

— Я устала, — только и сказала я.

Папа тут же остановился. Боль плескалась в его глазах, и мне пришлось стиснуть зубы, чтобы не взвыть.

«Я — Алина Воронова. Носить маски и быть не самой собой — мое призвание» сказала я себе и направилась в свою комнату.

— Дочка, — от мольбы голос папы надорвался, и я лишилась права выбора. Мои чувства все решили за меня.

— Почему ты мне ничего не говорил, папа? — спросила я и развернулась к нему.

Папа сделал крошечный вздох. Его тело немного расслабилось, — наверно от того, что я остановилась вместо того, чтобы бежать в свою комнату. О, я по-прежнему хотела сделать это, чтобы избежать боли, которую мне обязательно причинят папины объяснения. Но я не могла. Не могла потому, что не хотела причинять боль и ему.

— Я боялся, что ты воспримешь Юлю в штыки, — ответил папа.

Я хотела попросить его не произносить ее имя, но не стала этого делать.

— И поэтому молчал? — я недоверчиво фыркнула. — Как долго вы встречаетесь?

Судя по тому, какая вина отразилась на лице моего дорогого отца, я поняла, что ответ меня шокирует.

— Год, — еле слышно произнес он, но я сумела расслышать.

Год.

Год неведения.

Год обмана.

Я закрыла глаза, позволив чувствам одержать над разумом вверх.

— Год, — шепотом повторила я.

Как я не могла заметить этого? Теперь я понимаю, куда он постоянно отлучался. Это не работа все время отнимала его у меня, а женщина по имени Юля.

Лучше бы я все-таки делила его с работой.

— Как ты мог, папа? — не открывая глаз, спросила я.

Паника медленно окутывала меня, и я боялась сорваться. Мне было больно и обидно. Я не знала, чем заслужила такое недоверие с отца.

— Прости меня, Алина, — голос папы надломился от боли. Я распахнула глаза, чтобы посмотреть на него, но его образ был неясным. Все плыло и кружилось. В ушах гудело, голова раскалывалась, и ложь отца проделывала дыру в сердце.

— Что я такого сделала, папа, за что ты так не доверяешь мне? — спросила я с нотками истерики. — Почему ты сразу мне не сказал о том, что начал встречаться с кем-то?

— Я боялся ранить тебя, — опустил голову, сказал он.

— А сейчас мне, думаешь, не обидно? — воскликнула я. Злость быстро затуманила мой рассудок, и я завелась, больше не в состоянии сдерживаться. — Сначала мама предала нас! Ушла к другому! Уехала за тысячу километров от меня! А теперь ты... Может быть, ты тоже бросишь меня, как она сделала это пять лет назад? — я с трудом отдавала отчет тому, что говорила. С языка слетало все, что приходила на разгоряченный ум.

— Перестань, Алина, — папа резко поднял голову и наградил меня суровым взглядом.

— Не перестану! Я устала молчать! Устала делать вид, что меня радует твое вечное отсутствие! Устала оттого, что ты постоянно откупаешься от меня деньгами! Мне не нужны твои деньги! Мне не нужно ничего из того, что я имею! Я просто хочу, чтобы вы с мамой снова были вместе! Я хочу назад свою семью! — и я заплакала.

Я только что сказала папе то, что терзало меня все это время, так почему не стало легче? Он стоял у дивана, широко раскрыв глаза, и не знал, что сказать. Папа утратил дар речи. Мое тело сотрясилось от рыданий. Сейчас моя душа была открытой, и туда просачивалась боль из внешнего мира. Я открылась папе, и за это получила боль.

— Мне просто нужна моя семья, — прошептала я в ладони, которыми закрыла лицо.

Сквозь рыдания я слышала тяжелые вздохи папы. Он молчал, и это медленно уничтожало меня изнутри. Неужели, ему все равно? Ему плевать на то, что его дочь сейчас стоит перед ним и заливается горькими слезами? Я тоже потеряла его, как и маму? Он тоже оставит меня?

Я не дала папе шанс сказать что-нибудь в ответ. Я просто убежала в свою комнату и закрылась.

Похоже, моя подушка никогда не высохнет. Я стала часто плакать. Это ужасно. Но, может быть, слезы когда-нибудь закончатся? Может, мне необходимо просто прореветься хорошенько, чтобы все прошло. К сожалению, я не железная. Я всего лишь человек — жалкая, все чувствующая девочка, которая потеряла контроль над жизнью.

Мой образ — это все, что у меня есть. И он стал трещать по швам.

Мне надо собраться. Я вновь должна обрести над всем контроль. Какой ужас. Еще несколько дней назад все было хорошо. А сейчас судьба, похоже, решила устроить мне встряску. Но ведь не судьба властна надо мной, а я над ней.

Снова обрести контроль.

Заделать дыры в моем образе безупречной девушки.

Перестать плакать.

Это последний раз, когда я проливаю слезы.

Мне не нужна ничья помощь. Я справлюсь сама со всеми своими проблемами. Так было всегда, и так будет. Больше никто не увидит моей слабости.

Мы так и не поговорили с папой. Спустя час после того, как я закрылась в комнате, на меня навалился сон, и я провалилась во тьму.

Что и следовало ожидать, когда я проснулась, папы уже не было дома. Наш вчерашний разговор и мои слезы не сумели растопить лед в его сердце. Он даже не пытался успокоить меня...

— Это не важно, — сказала я своему отражению. — Уже ничего не важно.

Из-за того, что я проплакала вчера практически весь день и вечер, у меня был нездоровый оттенок лица. И впервые мне пришлось прибегнуть к косметике, чтобы скрыть этот недостаток. Все в моей внешности должно быть идеально. Никто и никогда не узнает о том, что я несчастна до такой степени, что плакала несколько часов подряд.

Подъезжая к школе, я вспомнила о Владе и о нашем вчерашнем разговоре в парке. Глупо... я поступила так глупо, согласившись принять его помощь. Нужно будет сказать, что все отменяется.

У кабинета алгебры я встретила Марину.

— Приветик! — она заключила меня в радушные объятия и чмокнула в щеку.

«Ты — Алина Воронова» напомнила я себе.

— Привет-привет, — с притворно-радостной улыбкой до ушей ответила я.

— У кого-то сегодня хорошее настроение? — Марина задорно подмигнула мне. — Гуляла вчера с Максом?

Если бы...

— Нет. Просто я люблю свою жизнь, — иногда бывают моменты, когда я благодарна, что Марина, не смотря на то, что она моя лучшая подруга, не знает меня настолько хорошо, чтобы не суметь расслышать и увидеть отчаянный крик души за бесконечным слоем лживой радости.

— Конечно же, ты любишь свою жизнь! Как ее можно не любить? Красивая, умная...

Но я больше не слышала ее, так как мимо проходил Влад, и все свое внимание я переключила на него. Подойти и сказать ему сейчас? Нет. Меня увидят. Но не факт, что я встречу его после уроков. И завтра вечером я не собираюсь встречаться с ним в парке. Он мне не поможет. Никто мне не поможет, кроме меня самой.

— Я отойду на пару минут, — сказала я Марине, глядя в спину медленно идущему по коридору Владу.

Не дождавись ее ответа, я направилась в его сторону. Когда он скрылся за углом, я побежала, чтобы успеть догнать его.

— Влад, — внутри меня все непривычно напряглось, когда я негромко произнесла его имя.

Влад моментально остановился. Мы стояли у лестницы, ведущей на третий этаж. Я молчала, ожидая, пока пройдут ученики.

— Привет, — сказал мне Влад.

Повернув голову в его сторону, я увидела, что он стоит ко мне лицом. Его губы расплылись в приветливой улыбке. Интересно, он всем улыбается? Наблюдая эти две недели, я не заметила за ним особой улыбочности.

На нем был школьный костюм и черная рубашка. На левом плече висел рюкзак, глаза

скрывали очки, волосы находились в привычном беспорядке. Может, мне стоит купить ему расческу? Хотя мне нравилось то, как смотрелись его волосы. А какие они на ощупь...

Да о чем я только думаю? О его волосах?!

— Я думал, ты не хотела общаться со мной в пределах школы, — продолжил он.

Я прикусила нижнюю губу, довольная тем, что могу не скрывать эмоций на лице, говоря с ним.

— Я не приду завтра в парк, — на всякий случай, я говорила тихо, но Влад меня услышал.

— Почему? — мои слова огорчили его, потому что улыбка исчезла с его лица.

Я почувствовала укол вины.

«Прости, если ты действительно хотел помочь мне, но я не смогу довериться тебе, даже если хочу этого» хотела сказать я ему, но не должна этого делать. Не стоит впутывать кого-то в свои проблемы. Тем более что Влад может все усугубить. Пусть лучше держится от меня как можно дальше. Как от чумы. Как от проклятья.

— Мне это не нужно, — сжав кулаки, сказала я. — Твоя помощь, я имею в виду.

— Я понял, — пробормотал Влад и нахмурился. — Жаль. Я искренне хотел подружиться с тобой.

Мое сердце болезненно сжалось в груди.

— Ага. Я запомню, — беспечно бросила я.

— Но если ты передумаешь, я все равно буду в том парке в пять. Каждый день.

В носу защипало от слез.

— Я не приду, — сказала я холодно. — И я не собираюсь дружить с тобой. Мы разные. И вообще, забудь, что мы вчера виделись и разговаривали.

Влад почему-то улыбнулся.

— Хорошо, — кивнул он. — Я понял.

На душе стало тяжело, но так было нужно.

Влад поправил рюкзак и направился в мою сторону. Сначала я подумала, что он хотел подойти ко мне, но он прошел мимо, как ни в чем не бывало, и стал спускаться по лестнице. Не удержавшись, я разинула рот и наблюдала за ним до тех пор, пока он не оставил позади себя последнюю ступеньку.

Вот и поговорили.

С Владом было покончено, хотя ничего еще не начиналось.

Когда я вернулась к Марине, прозвенел звонок на урок, и мы отправились в класс.

Я старалась не думать о Владе и об отце весь день, но это было очень сложно. Папа вообще не покидал моих мыслей, а с Владом я периодически сталкивалась на переменах в коридоре.

Мне нужно было разобраться с Максимом. Наши отношения были наполовину дружескими, наполовину романтическими. Если я уж начала во всем разбираться, то сделаю это сразу. Я и Макс — это отдельная тема. Я не торопилась переводить наши отношения на новый уровень, и он не давил на меня. Все всех устраивало, казалось бы, но на самом деле это неопределенность не устраивала никого.

И вот, я шла к Максиму, чтобы позвать его сегодня вечером погулять и, наконец,

поцеловать.

Сначала я сходила до расписания. У него должна быть физкультура, а у меня английский.

Я нервно теребила ручку сумки, подходя к спортзалу. В небольшом коридорчике было пусто, как и в женской раздевалке. Но мужская не пустовала. Это я поняла по звукам, исходящим оттуда. Я неуверенно прошла к двери и приоткрыла ее. Я не ожидала увидеть там Максима, но надеялась на то, что он все-таки окажется там, и один.

Часть моих ожиданий оправдалась. Макс действительно был в раздевалке. Но не один. С ним была моя лучшая подруга — Марина Горева. Она стояла ко мне спиной, но ее фигуру и волосы я никогда не спутаю ни с чем другим.

Это точно была она. И точно был Макс, потому что я видела его лоб и глаза.

А еще они целовались.

Моя лучшая подруга и мой парень-друг.

Я и предположить не могла, что когда-нибудь столкнусь с изменой. Хотя это и изменой назвать нельзя. Под изменой я всегда подразумевала нечто большее, чем просто поцелуй. Однако я испытала такой шок и разочарование, как будто встретила с самой настоящей изменой.

Внезапно голова стала пустой. Все мысли куда-то исчезли, и осталась одна пустота.

Я громко выдохнула и навалилась на дверь, отчего она с противным скрипом открылась шире. Тогда-то Марина и Макс отстранились друг от друга. Марина подпрыгнула на месте от неожиданности и туловищем развернулась ко мне, схватившись рукой за сердце. Мне хотелось рассмеяться, потому что надо было видеть их лица, когда они увидели меня. Парализующий шок сковал их тела и лица. Я не знала, кто из них выглядел смешнее. Он, или она... Но к обоим у меня возникло одинаковое чувство отвращения.

Еще одно предательство.

Теперь меня предала лучшая подруга.

И Макс...

Ох, Макс! Почему ты оказался таким?

Я долго смотрела на них. С каждой секундой, которая казалась мне отдельной вечностью, их лица становились красными от неловкости и изумления. И ни у одного я не увидела чувства вины.

Как вовремя я зашла. И долго это продолжается между ними? Получается, меня снова обманывали?

Прелестно.

Все вокруг лгут, и есть ли хоть кто-нибудь, кто умеет говорить правду?

Когда я, наконец, вновь обрела способность двигаться, то незамедлительно ринулась бежать как можно дальше от этой проклятой раздевалки и бывших друзей.

— Алина! — я услышала, как кричит Макс.

Надо же, кто решил опомниться.

Конечно же, я не собиралась останавливаться. Но и Макс, похоже, тоже.

— Алина! — когда он снова крикнул меня, его голос звучал громче.

Он догонял меня, и я, правда, хотела начать бежать, но это выглядело бы очень глупо, поэтому я резко остановилась, чтобы выслушать глупые оправдания, которые он скажет, и навсегда перекрыть с ним общение, как и с Мариной.

Макс подбежал ко мне, тяжело и часто дыша. Наверно, отдышка после жарких поцелуев

с моей лучшей подругой. Я ухмыльнулась про себя и скрестила руки на груди, стараясь выглядеть перед ним непринужденной. Макс знал меня не намного лучше Марины, поэтому не понял, каких трудов мне стоит сейчас стоять перед ним и не плакать.

— Это не то...

— Что ты подумала, — раздраженно закончила я за него. — Не кажется ли тебе, что эта фраза слишком уж примитивна, а? Вот скажи мне, что я могу понять не так, когда все предельно ясно? Вы целовались. Я это видела. Все просто. И я не вижу причин, чтобы продолжать этот бессмысленный разговор. Давай просто разойдемся, и вы с Мариной можете делать все, что угодно. Мне все равно.

— Тебе все равно? — у него еще хватало наглости обижаться на меня?

Нет. Мне было не все равно. Мое сердце изнывало, я едва не плакала. Но я ни за что не покажу Максиму свои настоящие эмоции. Теперь я знаю, что он не тот человек, которому можно довериться. Как и Марина. Они оба разочаровали меня, поэтому заслужили того, как я буду с ними теперь общаться.

— Да, — спокойно ответила я. — И если ты еще не понял, то мы расстаемся.

Сначала в глазах Макса плескалась злость, а потом он усмехнулся, чего я точно не ожидала.

— Расстаемся? — с ядом в голосе повторил он. — Да мы и не встречались! Ты даже поцеловать себя нормально не давала!

— А Марина, я смотрю, сразу позволила кинуться в ее объятия. Ну и ты, конечно же, не очень-то сопротивлялся, — с сарказмом проговорила я. — У меня только один вопрос. Как давно вы прячетесь и целуетесь?

Макс, продолжая нагло ухмыляться, скрестил руки на груди.

— Тебе не все ли равно, а, принцесса?

— Не называй меня так, — прошипела я. — Я тебе не принцесса.

— Да-а? — с наигранным удивлением произнес он. — Простите, ваше высочество, если я посмел вас обидеть.

— Ты идиот, или как? — скривилась я. — Что за ерунду ты несешь?

Но Макс пропустил мои слова мимо ушей.

— Чем я не достоин тебя? Я недостаточно хорош для тебя? Чего нет во мне, что есть у твоего нового дружка?

— Ты точно идиот, — пробормотала я. — У меня нет никакого дружка. С чего ты вообще решил, что я встречаюсь с кем-то кроме тебя?

— Марина сказала.

Мои брови поползли вверх.

— Марина, значит... Вау. Так она еще зачем-то наплела тебе о том, что у меня есть другой, — я кивнула сама себе. — Прекрасно. Вы оба идиоты. Может, это даже и к лучшему, что я увидела вас сейчас? Неизвестно, сколько бы вы еще пудрили мне мозги своим обманом... — я вздохнула и покачала головой.

Почему Марина солгала Максиму? Чтобы быть с ним? Он ей нравился, и все это время она молчала об этом? Выходит, у моей бывшей лучшей подруги был целый план по захвату моего «парня». Ну, и отлично. Флаг им всем в руки.

— Так у тебя никого нет? — спросил Макс, нахмурившись.

«Дурак. Какой же ты дурак» подумала я.

— Это уже не твое дело, — небрежно сказала я и высоко подняла подбородок.

Пусть не надеется увидеть то, как мне больно от его предательства. Он даже не извинился...

Макс собирался мне что-то сказать, но за ним я увидела Марину.

— Тебя твоя подружка ждет, — усмехнулась я, чтобы скрыть дрожь в голосе.

Когда Макс обернулся, я, ни теряя секунды, поспешила уйти. Максим больше не пытался догнать меня, и я не оборачивалась, хотя соблазн был велик. Но если я обернусь, то не смогу уйти, пока не накричу. А если я закричу, то обязательно расплачусь. Но, вспомнив вчерашний день, я еще больше убедилась, что не хочу возвращаться к тому ужасному состоянию беспомощности.

Хотелось убежать из школы и не появляться там как минимум месяц. Но это непозволительная для меня роскошь, а вот остаток сегодняшних уроков я могла прогулять, только делать все равно не стала. Если я уйду, то покажу себя со слабой стороны. Я покажу Максиму и Марине, что они сделали мне очень больно, и я действительно расстроилась из-за них. А я этого не хотела. Плевать, как неприятно мне будет сидеть за одной партой с бывшей лучшей подружкой и смотреть на нее, но я останусь.

С огромным запутанным клубком мыслей в голове я пришла на английский, опоздав на десять минут. Еще не хватало, чтобы из-за глупых эмоций пошла под откос моя учеба.

Я дожила до обеда, и когда наступила перемена, не знала, что делать. Хорошо, что у столовой я встретила Виолетту. Она шла одна, без Стаса.

— Привет, — хотела я сказать это бодро, но прозвучало вяло, и под конец мой голос предательски дрогнул.

Виолетта подняла голову и натянула на лицо крошечную улыбку. Она тоже выглядела безрадостно.

— Где Стас? — спросила я.

— Заболел, — вздохнула она с огорчением.

— Понятно. Передавай ему привет.

— Ага. Как только увижу — сразу передам. Через недели две, — Виолетта кратко усмехнулась. — У Стаса пунктик по поводу того, что я не должна заболеть из-за него, поэтому визиты строго-настрого запрещены, — она горько засмеялась и с необъяснимой виной посмотрела на меня. — Извини.

Я пожалала плечами. Мне хотелось подбодрить Виолетту и самой отвлечься от назойливых мыслей, которые не оставляли голову в покое.

— Он переживает за тебя, — сказала я. — Ты радоваться должна, а не грустить.

— Да, я понимаю. Но я скучаю по нему. Лучше болеть вместе, зато видеться.

Я улыбнулась. Общение с Виолеттой всегда доставляло мне удовольствие. Она милая, не любит выказывать свою крутизну, веселая и искренняя. Она совсем не такая, как Марина...

А еще Виолетта очень внимательная, поэтому тут же заметила, как изменилось мое лицо, когда я подумала о лучшей подруге. Поправка. Бывшей лучшей подруге, с которой я еще даже не поговорила об увиденном мною сегодня в мужской раздевалке.

— А где Марина? — спросила Виолетта, как будто читая мои мысли.

— Не знаю.

— Вы поругались?

Я не хотела посвящать Виолетту в свои дела, но скоро все равно все узнают, что произошло между мной, Максимом и Мариной. Так есть ли смысл молчать?

— Я видела, как Макс целовался с Мариной, — сказала я.

Виолетта прижала руку ко рту и округлила глаза.

— Ого! — воскликнула она. — Как ты узнала?

— Увидела их.

— Когда?

— Сегодня.

— Кошмар.

— Я знаю.

— И ты говорила с ними?

— Только с Максом. Представляешь, Марина сказала ему, что у меня есть другой парень, — я невесело рассмеялась. Мы вошли в столовую. Мой взгляд сразу упал на столик, где еще совсем недавно сидела наша дружная компания. Сейчас я абсолютно точно уверена в том, что не смогу сидеть там, рядом с Максимом и Мариной, смотреть на них и разговаривать, делая вид, что все хорошо, и ничего не произошло.

— Как они могли? — в ужасе спросила Виолетта. — Я бы умерла, если бы увидела Стаса с кем-то.

— Пустяки! — с наигранной беспечностью отмахнулась я.

— Нет, — она покачала головой. — Марина поступила подло по отношению к тебе.

Я знала, с кем дружу, так что отчасти это моя вина.

— Добра и счастья им, — слабо улыбнулась я.

Виолетта остановилась и, взяв меня за локоть, заставила сделать то же самое.

— Я представляю, как тебе обидно сейчас, — почти шепотом заговорила она, наклонившись ко мне, чтобы другие не смогли нас услышать. — Я знаю, что ты делаешь вид, будто все нормально, но это не так.

У меня вновь возникло ощущение, будто ковыряются в моей душе. И мне не нравилось это чувство, но я промолчала. Виолетта была хорошей, и обижать ее мне не хотелось. Она пыталась мне помочь. Вероятно, она единственная девушка, которая отнеслась к моему «расставанию» с Максом так серьезно. Виолетта предложила мне не садиться за их столик, и мы выбрали третий во втором ряду. Я сказала ей, что она не обязана сидеть со мной, и может идти к другим, но она ответила, что будет сидеть со мной, и что не желает общаться с предателями.

В столовой я не увидела ни Максима, ни Марину. Может, они не пришли, потому что были заняты поцелуями, или им было стыдно появляться у меня на глазах? Лично я склонялась больше к первому варианту.

Мы встретились с Мариной на литературе. Я села за парту рядом с ней, и она была удивлена. Вероятно, она думала, что я пересяду, или вообще не приду на этот урок. Но я пришла и села с ней. Я утерла ей нос. Мы, естественно, не разговаривали, и это было непривычно для меня. Марина даже не взглянула в мою сторону за весь урок.

Я почувствовала облегчение, когда оказалась вне школы. Это был такой длинный день. Хорошо, что самое тяжело осталось позади, хотя... это вряд ли.

— Давай поговорим, Алин, — я чувствовала, что за моей спиной кто-то стоит, но не ожидала услышать голос Марины.

Неужели, она все-таки решила подойти?

Я развернулась к ней лицом и всем своим видом постаралась показать равнодушие. «Подруга» нервно теребила кончики волос и неуверенно смотрела на меня.

— Я не буду извиняться за то, что ты увидела, — призналась она.

Я охнула.

— Я и не ждала этого, — вернув самообладание, соврала я.

— Мне нравится Макс, и всегда нравился. Я не говорила тебе этого, потому что вы встречались.

— Однако это не помешало тебе сказать ему, что у меня якобы есть другой парень, — хмыкнула я.

— Да. Я соврала. Я соврала, потому что не могла смотреть на то, как Макс сохнет по тебе, а ты не обращаешь на это внимание. Тебе ведь все равно! Ты его даже не любишь! Так почему встречаешься с ним?

— Мы больше не встречаемся, — уклончиво отозвалась я. — Если бы не ты.

— Если бы не я, ты бы и дальше продолжила пудрить ему мозги.

— Я не пудрила ему мозги. По-моему, как раз вы этим и занимались!

— Ты, — Марина сделала шаг вперед, и в ее глазах вспыхнула злость. — Ты никогда не волновалась ни о ком и ни о чем, кроме себя! Всегда только ты! Если бы ты смотрела дальше своего носа, то поняла бы, что мне нравится Макс!

Я чуть не задохнулась от ее неслыханной наглости. То есть, это я во всем виновата? Это я жуткий монстр?

— Как ты можешь утверждать это, если не знаешь меня? — накинулась я на нее. — Ты никогда мне не знала, Марина! За столько лет дружбы ты даже не пыталась поинтересоваться, может, у меня что-то не так. Тебя вполне устраивало то, что ты видела. Прости, но, по-моему, из нас ты не смотришь дальше своего носа. Если бы ты сделала это хоть раз, то поняла, что мне осточертело все это! — в переизбытке эмоций я стала махать руками.

Марина нахмурилась.

— Отдай мне Макса, и покончим с этим.

Прекрасно! Она вообще слушала меня?

Что и следовало доказать. Ее волнует только она сама и то, что ее интересует.

— Валяй! Забирай его себе! Он мне не нужен! Он такой же поверхностный, как ты! — крикнула я.

Марина ядовито рассмеялась.

— Тебе ли осуждать его за неискренность, а, подруга?

— Я тебе больше не подруга.

— Плевать, — фыркнула она. — Я даже рада, что мы теперь не друзья. Знаешь, каково быть чьей-то тенью?

— Никто не мешал перестать быть ею, — сказала я.

— Нет! Мешала! Ты! Всегда! — теперь кричала Марина. — Алина здесь, Алина там... Алина такая хорошая, Алина такая умная, Алина такая красивая! Надоело слушать только о тебе! Ты — не центр вселенной. Есть еще люди кроме тебя! — красивое лицо моей бывшей подруги исказилось от раздражения и стало приобретать багровый оттенок злости. — Знаешь, мы стали общаться с Максом летом, даже когда он был во Франции. Я писала ему. Я звонила ему. Я не спала ночами, думая, как сказать ему о своих чувствах! Я наконец-то решила рассказать ему обо всем первого сентября. Я все придумала, — Марина злобно

сверкнула глазами. — Но появилась ты. Как гром среди ясного неба. И все пропало. Увидев тебя, Макс забыл обо мне, и я снова осталась ни с чем. Когда я с тобой, то меня никто не замечает.

— Это не так, Марина. Ты сама делала себя тенью, не я.

— Знаешь, как я ненавижу тебя за Макса? — воскликнула она, схватившись за голову. — Ты не представляешь, как я хочу, чтобы ты исчезла, ушла, испарилась... Я хочу, чтобы ты никогда не попадалась ему на глаза! Я хочу, чтобы он был со мной! Только со мной!

Я поняла одну вещь. Мне было жаль Марину. Она потеряла голову от влюбленности. Это чувство, все-таки, ужасно.

— Все, что тебе нужно было сделать, это сказать мне о своих чувствах к Максиму, — спокойно произнесла я. — Я бы все поняла, Марина. Я бы не стала отнимать его у тебя. Он мне нравится. Да, я не отрицаю этого. Но он мне не нужен, — ладно, возможно, в свое время я тоже накрутила себя, считая, что у нас с ним может что-то получиться. Но я ошибалась. Теперь я понимаю это.

— Тогда почему стала встречаться? — спросила она, опустив голову.

— Я не знаю, — и это было правдой. — Я думала, что могу влюбиться в него. По крайней мере, я чувствовала себя рядом с ним так, словно уже была влюблена. Может быть, я внушала это себе... не знаю.

Марина неуверенно подняла голову и посмотрела на меня.

— Я люблю его, Алина, — сказала она.

Я кивнула.

— Ты должна сказать ему о том, что чувствуешь к нему, — ответила я.

— Уже, — она негромко всхлипнула, и в эту секунду Марина показалась мне слабой и нуждающейся в поддержке. Но я не могла переступить через свою гордость, подойти к ней и сказать, что все обиды в прошлом. Слишком много произошло, слишком много сказано. За один день ей удалось сломать меня, и я никогда не смогу простить ей этого.

— И что он сказал? — спросила я.

— Ничего, — Марина размазала тушь под глазами. — Макс растерялся, — она горько усмехнулась, — как будто не догадывался, что нравится мне. Он всем нравится, и в него легко влюбиться, — она осторожно посмотрела на меня, и в ее глазах я больше не видела злости и ненависти, только грусть. — Он сказал, что ему нравишься ты, и я ляпнула от обиды, что у тебя есть другой.

— Когда ты ему сказала это? Когда вы начали... встречаться у меня за спиной?

— Несколько дней назад. Мне просто надоело смотреть, как ты отталкиваешь его, и я решила действовать.

— И вы бы дальше продолжали скрываться, если бы я вас не увидела сегодня.

— Я надеялась, что скоро Максиму надоест быть с тобой и ничего не получать взамен. Ни нормальных поцелуев, ничего из того, чего хотят парни в его возрасте.

Мне хотелось заткнуть уши. Она имеет в виду... о нет. Неужели, она серьезно?

— Не продолжай, — попросила я. — Не хочу знать, чем вы там занимались...

— Я просто хотела быть с ним, и была готова сделать все, что угодно.

Я не могла понять ее одержимость Максимом, потому что никогда не была влюблена. Теперь я понимаю, что у меня ничего бы не получилось с Максимом, даже если он нравился мне. Я всегда буду считать его своим другом. Поэтому я не могла поцеловаться с ним. С друзьями не целуются.

— Я не собираюсь лезть в ваши отношения, — сказала я. — Делай с Максом все, что хочешь, но только не вмешивай в это меня.

С этими словами я отвернулась от нее, тем самым дав понять, что больше не хочу продолжать разговор. Марина сразу поняла, и вскоре я услышала отдаляющийся звук каблучков. Она ушла. А еще через несколько минут подъехал Павел, и я оставила место, где пришел конец нашей с Мариной дружбе.

Прошел только месяц с тех пор, как начался учебный год. А столько всего произошло!

Мне страшно представить, что ждет меня впереди.

Уверена, ничего хорошего.

Глава десятая

Прошло несколько дней.

Моя жизнь стремительно рушилась.

Во-первых, я окончательно запуталась в себе. Иногда я чувствовала себя приведением, без чувств, без эмоций, слоняющейся по школе и дому. У меня не было желаний, словно внутри все вырезали и оставили огромную дыру пустоты. Я больше не была той Алиной Вороновой, которую все знали. Я стала сломленной потерянной девочкой, отчаянно пытающейся сохранить чувство реальности и не утонуть в грусти. Было невероятно сложно удержаться на плаву, но я старалась изо всех сил.

Во-вторых, я так и не помирилась с отцом. Мы и раньше не часто и много разговаривали друг с другом, а сейчас вообще перестали. Я старалась всячески избегать его, и это было не трудно делать, потому что он практически не появлялся дома, как и раньше, в прочем.

В-третьих, моя успеваемость в школе снизилась. Из-за всего, что свалилось на мою голову, я стала рассеянной на уроках.

В-четвертых, я в один день потеряла лучшую подругу, и того, кого считала своим парнем. Я не общалась ни с Мариной, ни с Максом. Я попросила учительницу пересадить меня и теперь сидела с одноклассником по имени Костя. В отличие от Марины он был молчаливым, но я все равно отвлекалась, только теперь на свои мысли, которые безудержным потоком врываются в мое сознание и все там ворошили. С Максом я вообще виделась только в столовой. Я больше не сидела за их столом, и из нашей когда-то дружной компании общалась только с Виолеттой, Стасом и Андреем. Виолетта и я встречались на переменках и болтали. С ней было легко разговаривать. Она не была помешана на моде и прочей ерунде. И почему я раньше не замечала того, насколько она потрясающая девчонка? И почему она не стала моей лучшей подругой? Возможно, время расставит все на свои места, и раны от причиненной обиды затянутся, но это произойдет не скоро.

В-пятых, я испортила налаживающиеся отношения с Владом. Знаю, какая может идти речь об отношениях, даже дружеских, если мы не общаемся. Вообще. И редко видимся. Но я хорошо помню тот вечер в парке, когда он просто предложил свою помощь. Он был единственным, кто понял, что я не в порядке, при этом даже не видя меня. А я так поступила... Я думала об этом каждый день, мысленно возвращаясь в тот вечер, в тот парк, и прокручивая в голове все его слова, сказанные мне.

Все стало сложным, хотя и раньше было непросто. Но сейчас мне реально требовалась помощь. И я бы хотела, чтобы Влад стал тем, кто сможет сделать мою жизнь хоть

немножечко проще, возможно, даже счастливее. Не знаю, почему я вдруг стала возлагать на него такие надежды. Я просто прислушалась к тому, что говорило мне сердце. Я никогда не полагалась на его голос, но сейчас решила сделать это.

Я передумала бесконечное количество раз, пока брела по тихому Приморскому парку Победы. С каждым шагом я становилась все ближе и ближе к той лавочке, где около недели назад встретила Влада, прогуливающегося со своей собакой. Я сомневалась. Сильно. Постоянно смотрела на время. Он говорил, что выходит с Эйнштейном на прогулку около пяти часов вечера. Сейчас было без десяти пять.

Что я скажу ему, когда увижу? Привет, я передумала, давай дружить и общаться, потому что я поняла, что это нужно мне? Звучит глупо. И почему я вообще захотела дружить с ним?

Столько вопросов, и хоть бы на один нашелся ответ. Вечная проблема.

Наконец, я дошла до той самой лавочки. Она была пуста, и я поспешила к ней, чтобы кто-нибудь из гуляющих здесь людей не занял ее. Народу было немного, и это хорошо. Я никогда не любила многолюдные места. Они всегда пробуждали во мне неуютные ощущения.

Я села и стала ждать.

Когда я в сотый раз достала телефон, чтобы посмотреть на время, было пять часов. Меня по-прежнему терзали сомнения, делаю ли я правильно. Я не могла разобраться в себе, понять, чего хочу, что стоит совершать, а что нет. Но я знала точно. Я изменилась. Ну, или, по крайней мере, начинала меняться.

Я пожалела тысячу раз о том, что не взяла с собой наушники. Если бы знала, что ждать придется так долго, то непременно бы позаботилась о том, чем занять себя. Жаль, что я не знала того, где Влад живет, и его номер телефона. Я вообще о нем ничего не знала. Ни как зовут его маму, папу, есть ли сестры, или братья. Если есть, то сколько их, как зовут...

Я начала замерзать и уже реально подумывала о том, чтобы уйти, как увидела вдали знакомые силуэты пса и человека. Это был Влад. По телу прошла волна бодрости, и я улыбнулась. От волнения вспотели ладони, и сердце томно забилося в груди. Мне хотелось соскочить с лавочки и крикнуть Владу, что я пришла. Но как бы выглядело со стороны мое поведение? И почему я так рада видеть его?

Влад неторопливо шел вперед, и, клянусь, я разглядела на его лице улыбку. Почему он улыбается? Он идет один, одна рука в кармане, другая крепко сжимает поводок. Может, разговаривает с Эйнштейном? Люди проходили мимо него, и некоторые смотрели ему вслед.

Влад приближался, и я впала в оцепенение, ожидая, когда он, наконец, дойдет до меня.

Я все-таки не выдержала и соскочила со скамейки. Эйнштейн запомнил меня с прошлой встречи. Он увидел меня и стал радостно вилять хвостом. Он потянул своего хозяина вперед, спеша ко мне, и я тихо рассмеялась, увидев растерянность на лице Влада.

— Куда ты бежишь? — услышала я его бормотание.

Эйнштейн остановился напротив и стал кружить возле меня. Я наклонилась, чтобы погладить его.

— Здравствуй, дружок, — сказала я псу.

— Алина? — услышал меня Влад.

Я подняла голову.

— Да. Это Алина. Привет, Влад.

Он сделал медленный вдох, и на выдохе его плечи опустились.

— Не ожидал, что ты когда-нибудь еще придешь сюда, — честно сказал Влад.

— Я тоже не ожидала, — прошелестела я.

— Ты одна? — не дождавшись моего ответа, он добавил: — Да. Одна.

Несколько минут я гладила Эйнштейна. Влад тоже молчал. Сегодня он не казался таким дружелюбным, как в прошлый раз, когда мы здесь встретились. Может, он был обижен на меня?

— Как дела? — спросила я.

Это был наипростейший вопрос, но я надеялась, что, задав его и получив ответ, смогу завязать разговор.

— Нормально, — Влад пожал плечами. Он даже не спросил в ответ, как я.

Я в последний раз провела рукой по спине пса и выпрямилась. Первое, что мне бросилось в глаза во внешнем виде Влада, это его волосы. Они снова торчали во все стороны. Я усмехнулась.

— Ты чего? — спросил Влад.

— Твои волосы, — сказала я.

— А что с ними не так? — он провел по ним рукой. Сегодня он был без кепки.

— Они у тебя все время растрепаны. Это забавляет и раздражает одновременно, — меня потянуло на откровения. — Но больше забавляет. Тебе идет.

Впервые я увидела, как щеки Влада краснеют. Я думала, что у него вообще нет румянца.

— Спасибо, — немного смущенным голосом отозвался он. — Жаль, я не могу похвалить твои волосы. Но, уверен, они не торчат во все стороны, как мои.

Я рассмеялась, и Влад улыбнулся.

— Вообще-то, утром я вполне могу сойти за монстра, — призналась я шутливо.

Теперь смеялся Влад.

— Не думаю. Я уверен, что ты красивая.

А вот и настала моя очередь смущаться.

— Ты же не знаешь, как я выгляжу, — мое дыхание сбилось, и пульс подскочил.

— Не знаю, — согласился он. — Но у людей с красивой душой должна быть красивая внешность. Иначе никак.

— Моя душа не красива, — вздохнула я, пытаюсь унять волнение, которое разгоралось в груди ярым пламенем. Мне стало жарко, хотя на улице было прохладно.

Еще ни с кем в своей жизни я не обсуждала свою душу. Это так... необычно и волнующе. Слышать о том, что моя душа красива, даже приятнее, чем то, когда хвалят внешность.

— Ты себя недооцениваешь. Твоя душа гораздо глубже, чем ты думаешь. И ты не поверхностная, не лживая и не жестокая. Ты настоящая. Добрая, искренняя...

— Все считают меня другой, — я нервно усмехнулась. — Высокомерная, так далее и тому подобное, — я закатила глаза. — В какой-то мере они правы.

— Помнишь, что я говорил о слухах?

Я кивнула.

Влад ждал моего ответа.

Черт! Он же не видел... Иногда я забываю об этом.

— Да, — произнесла я.

— Слухи — это полная чушь, — сказал Влад и нагнулся, чтобы спустить с поводка Эйнштейна. — Погуляй, приятель, — сказал он псу, и тот ринулся вперед. — Мы у нашей лавочки? — спросил у меня Влад.

Он назвал эту лавочку нашей? Никогда не думала, что одно короткое слово может так согреть душу.

— Да, — я заставила себя ответить, пока окончательно не размякла.

Со мной творилось что-то странное.

— Хорошо. Пойдем, посидим, — сказал он и повернулся налево.

— Тебе помочь дойти? — предложила я неуверенно.

— Просто скажи, сколько шагов мне нужно сделать.

Я посчитала.

— Пять.

Влад сделал пять робких шагов вперед и наткнулся на лавочку. Он сел и похлопал рукой по месту рядом с собой, приглашая меня. Прикусив нижнюю губу, я подошла к нему.

— Не стоит верить всему, что говорят люди, — продолжил Влад.

Ну вот, и завязался разговор.

— Я не вижу, но слышу много, — он откинулся назад и засунул руки в карманы ветровки. — Почти все, что доходит до моих ушей, приходится блокировать, потому что, знаешь, это такой бред, — Влад усмехнулся. — Иногда мне хочется быть глухим, лишь бы избавиться себя от всех этих лживых сплетен.

— Я тоже не люблю сплетни, — сказала я. — Но мне приходилось в них участвовать, чтобы поддержать беседу. Поэтому да, это полный бред.

Влад повернул голову в мою сторону.

— Знаешь, о тебе действительно говорят многое, — он произнес это с сожалением?

— Я знаю, — я вздохнула и нахмурилась. — Но многое из этого я стараюсь пропускать, потому что, как выяснилось, я настоящий монстр в глазах окружающих, и не только... — я хотела сказать про Марину, и Макса, но вовремя заставила себя промолчать. — Это напрягает.

— Тогда почему ты делаешь так, чтобы тебя обсуждали?

— Я не знаю, — его вопрос немного удивил меня. — Я...

— Что?

— Ты не должен выслушивать меня.

— Для этого и нужны друзья.

Мои щеки вспыхнули.

— А мы с тобой друзья?

— Ну, мне хотелось бы, чтобы мы ими стали, — Влад улыбнулся, и на его щеках появились глубокие ямочки.

Сказать, что одна улыбка сотворила с моим сердцем? Перевернула его, а затем вывернула наизнанку. Нечто подобное я чувствовала, когда смотрела на Макса. Но сейчас эмоции буквально зашкаливали. Это было необычно.

— Я все еще хочу помочь тебе, — медленно проговорил Влад, словно пытался внушить мне это. — Несколько дней назад ты сказала, что не придешь в парк, и я сразу понял, что что-то случилось. Твой голос был другим. Холодным и пустым. Я расстроился и стал теряться в догадках, что же с тобой произошло.

— Да, кое-что случилось накануне, — на выдохе прошептала я.

— Хочешь честно? После того небольшого разговора в школе я приходил в этот парк и надеялся, что услышу твой голос. Но этого не происходило, — Влад нахмурился и поджал губы. У меня сложилось такое чувство, будто ему было тяжело говорить об этом, но он все же поделился со мной. — Столько раз я хотел подойти к тебе и спросить, все ли у тебя в порядке, но не делал этого, потому что у тебя и без меня хватало проблем. Жаль, что так сложилось с твоим другом и подругой.

Ах, конечно же, он знал об этом.

— Слушать — это все, что мне остается делать, — Влад снова откинулся назад и высунул левую руку из кармана, положив ему на лавочку между нами. Я смотрела на его тонкие длинные пальцы, обтянутые бледной, почти белой кожей.

— Я переживу это, — пробормотала я, все еще смотря на руку Влада.

— Да. Не сомневаюсь, — он сделал глубокий вдох. — Я рад, что ты пришла сюда.

— Знаешь, ты... странный человек.

Влад усмехнулся.

— Мне давно такого не говорили, — в его голосе промелькнула необъяснимая грусть.

— Я имею в виду, в хорошем смысле, — уточнила я. — И я еще никогда не заводила дружбу с человеком, разговаривая о моей душе.

— Привыкай, потому что если ты согласна быть моим другом, то такие разговоры будут происходить очень часто. Я заставлю тебя поверить в то, что ты хороший человек.

— Почему я? И почему ты?

— Потому что я неприметный. Сторонний наблюдатель. Ты можешь не волноваться о том, что я могу кому-нибудь рассказать о нашей дружбе. Мне это ни к чему. Да и говорить некому. Это раз. Я умею ладить с людьми. Это два. И я просто знаю, как некоторые люди нуждаются в помощи. Это три.

— Некоторые — это я?

— Ты одна из них, — подтвердил кивком Влад.

— Ты первый, кто хочет мне помочь подобным образом, — призналась я и укусила себя за кончик языка.

— Я знаю, — спокойно отозвался Влад. — А еще, ты особенный случай, — продолжил он. — Это четыре.

— Почему я особенный случай?

— Потому что пытаешься быть той, кем не являешься. Ты обманываешь себя и других, заставляя верить в то, что другая. Это странно. Я впервые сталкиваюсь с этим.

— Какие познания за такой короткий промежуток времени, — не удержалась и съязвила я. — Говоришь так, будто повидал немало проблемных людей... И, знаешь, я уже начинаю подумывать о том, что ты преследуешь меня.

— Я просто отлично разбираюсь в человеческих чувствах. Не нужно быть зрячим, чтобы понять тебя.

— Так меня, значит, легко понять?

— Нет. Я не говорил этого. Наоборот, ты отличная актриса, раз до сих пор считают твою роль — тебя настоящей. Не знаю, но я просто сразу понял, что ты носишь маску, — Влад пожал плечами. — Это сложно объяснить.

Он словно видел меня насквозь.

— Ты читаешь мысли? — я не на шутку перепугалась.

— Скорее души.

И Влад улыбнулся.

— Я думаю, это вполне дружеское начало, — заявил он.

— У меня такое чувство, будто я в церкви, на исповеди... И мне хочется делиться всеми своими переживаниями, но я боюсь...

— Я могу стать твоим священником, если хочешь, — сказал Влад, и его голос звучал более чем серьезно. Я даже вздрогнула. — Буду кем угодно, только говори все, что происходит в твоей жизни.

Я не могла дать объяснение тому, что его слова вытворяли с моими внутренностями. Я вообще не могла понять, что со мной творилось. Общение с Владом было для меня, мягко говоря, необычным. Такие темы не обсуждают люди нашего возраста. Сейчас подростков волнует только то, во что они одеты, какой у кого телефон, и чьи родители больше зарабатывают. Я всегда считала себя кем-то вроде белой вороны, потому что меня мало интересовало все из того, что я только что перечислила. Это была еще одна из тех причин, по которым я создала свой идеальный образ. Я не хотела быть непонятой и отвергнутой обществом.

Затем случилось то, чего я не ожидала, но где-то в глубине души хотела, чтобы это произошло. Влад осторожно передвинул руку ко мне и коснулся моего локтя. Я задрожала, как осиновый лист. Даже сквозь кожаную куртку я ясно ощущала его прикосновение. Неуверенно и робко его пальцы двигались вдоль руки и, наконец, добрались до ладони. Дрожь в моем теле усилилась, когда я почувствовала его холодную кожу. Через меня будто пропустили заряд тока.

— Раз уж мы теперь друзья, — хриплым полусшепотом произнес Влад, — я дам тебе первый и главный совет. Не нужно претворяться и мерить маски. Мы живем лишь раз, и необходимо просто быть самим собой. Нужно научиться мириться с тем, кто ты есть, и нельзя брать чужие роли. У тебя свое предназначение, своя цель в этой жизни. Ты никого не заменишь, и никто не заменит тебя, — он накрыл мою ладонь своей ледяной рукой, и я закрыла глаза.

Я, честно, старалась прислушаться к его словам, но почти все мое внимание было уделено тому, что я испытывала, чувствуя его руку. Говоря откровенно и совершенно не кривя душой, мои ощущения от этого невинного, легкого прикосновения было несравнимо с тем, что я чувствовала, когда меня за руку брал Макс. В этом было что-то другое, особенное.

— Извини, — пробормотал Влад, и я больше не чувствовала его руки.

Когда я резко открыла глаза, в них заплескали темные пятна. Обескураженная, я заставила себя посмотреть на Влада, прижавшего к своей ноге руку, которой дотронулся до меня. Мой взгляд пополз вверх, и я по-новому я стала изучать его лицо. Влад был напряжен. Его побелевшие губы плотно сжаты.

— Твои глаза... — начала я, но не договорила, так как к нам подбежал Эйнштейн.

Пес положил голову Владу на колени и громко фыркнул.

— Погулял? — с теплотой спросил Влад, потрепав Эйнштейна по шее.

Собака зевнула.

— Хочешь домой?

Эйнштейн гавкнул. Умный пес.

— Тогда попрощайся с Алиной, — улыбнулся Влад.

Лабрадор вывернулся из-под руки хозяина и подошел ко мне.

— Пока, Эйнштейн, — я наклонилась, чтобы почесать у него за ухом, и в ответ

Эйнштейн лизнул меня в кончик носа. Я слабо рассмеялась.

Было жаль прощаться с Владом, но я не могла просить его остаться, потому что ему надо домой, и потому что мне необходимо было переварить нашу встречу.

— До завтра? — поднявшись со скамейки, спросил у меня Влад.

Я знала, что он не увидит моей улыбки, но все равно улыбнулась.

— До завтра, — повторила я.

И он ушел.

Глава одиннадцатая

Когда я вернулась домой, то удивилась, увидев отца. Разве он не должен быть на работе... или со своей невестой?

— Алина, — я надеялась всей душой, что он не станет со мной разговаривать, как делал это несколько дней. Но это произошло.

Я, правда, не хотела останавливаться, но мое тело словно стало отдельной частью. Я застыла прямо в середине гостиной.

— Давай поговорим, — сказал папа.

— О чем? О твоём обмане? О женщине, на которой ты собираешься жениться? Или может быть, поговорим о работе? — я резко повернулась к нему лицом и одарила гневным взглядом. — Конечно! Давай поговорим об этом! Обо всем, кроме меня, ведь о своей единственной дочери ты думаешь в самую последнюю очередь.

— Это не так.

— Да? Что-то верится с трудом, знаешь ли.

— Алина, — в его голосе отчетливо слышалась мука, но и мне было нелегко. — Перестань. Ты знаешь, что ты не права. Я всегда думаю о тебе.

— Ты. Собираешься. Жениться. На. Другой. Женщине. Ты лгал мне о том, что встречаешься с кем-то, целый год! Год, папа! — я вскинула руками. — Сколько бы ты еще молчал, если бы я не увидела вас? Может, еще год, или два? Может, ты надеялся сказать мне об этом, когда бы на твоём пальце уже поблескивало золотое кольцо, или когда бы эта женщина в один прекрасный день вошла в эту квартиру со своими вещами и сказала: «Привет, я новая жена твоего папы и теперь буду жить с вами»?!

Как только я вспоминал картину недельной давности, когда вернулась со школы и увидела в доме рыжеволосую Юлию, или как там ее, мое сердце стало рассыпаться. Сама мысль о том, что папа любил ее, причиняла невыносимую боль. Он всегда будет принадлежать мне и маме. И я не хотела видеть рядом с ним любую другую женщину, даже если она будет самой святой и доброй в этом мире.

Папа вздохнул и нервно потер пальцами переносицу.

— Прости меня за это, — сказал он. — Я виноват. Я знаю, что не должен был скрывать от тебя то, что полюбил другую женщину, — на слове «полюбил» мое лицо исказилось в гримасе отвращения. — Но я надеялся, что когда расскажу тебе об этом, ты поймешь меня, — папа посмотрел на меня. Он говорил это и верил своим словам. — А ты... Алина, ты хотела, чтобы мы с твоей матерью воспринимали тебя, как взрослого человека. Но сейчас ты ведешь себя, как маленькая обиженная девочка!

Интересно, слышно ли было, с каким грохотом моя челюсть рухнула и ударилась об пол? Невероятно, что он только что это сказал...

— Так это я виновата? — воскликнула я.

— Нет. Я не обвиняю тебя, — папа измученно покачал головой. Ему было нелегко объясняться, но мне было тяжелее. — Я лишь говорю о том, что ты должна понять меня.

— Я не хочу тебя понимать, папа! — ладно, возможно, сейчас я вела себя как ребенок. — Я не хочу, чтобы ты женился на ней! Я не хочу, чтобы она жила с нами!

— Юля хорошая.

— Да мне все равно! Я не желаю видеть ее рядом с тобой, папа!

Отец нахмурился, и взгляд, который он послал мне, заставил меня вздрогнуть.

— Не все в этой жизни будет так, как ты хочешь, — сказал папа. — Тебе придется научиться мириться с этим. Это одно из главных правил взрослой жизни, дочка. И не тебе мне указывать, с кем жить, и кого любить. Я твой отец, а ты моя дочь. Ты не можешь учить меня жизни.

Он думал, что, сказав это, заставит меня замолчать, но вместо этого я разозлилась сильнее.

— Не говори со мной так, будто я тебе чужой человек! Не смей говорить, что это не мое дело! Это не так. Не только тебе придется жить со своим выбором, но и мне тоже! И я просто не хочу мириться с этим! — меня затрясло от нарастающей ярости. — Я никогда не приму женщину, которую ты выбрал, папа, — зло отчеканила я.

— Тебе придется, — холодно отозвался папа. — Ты можешь обижаться, сколько угодно, но я не изменю своего решения по твоей прихоти, Алина. Я тоже человек, я живой, и я тоже хочу любить и быть любимым.

Прихоть? Неужели, он серьезно? О боже...

— Прекрасно, — прыснула я. — Тогда я уеду к маме.

Внезапно папа рассмеялся, запрокинув голову, и мне хотелось закрыть уши. Сколько злобы и яда было в его смехе.

— Ты не нужна своей матери, Алина.

Я уверяла себя до последнего, что мне это послышалось. Да и раньше папа никогда не говорил со мной таким тоном. Но, к огромному несчастью, это не было слуховой галлюцинацией, хотя я отдала бы все за это. Слова папы, словно нож, вонзились мне в сердце и застряли, причиняя адскую боль.

— Если бы она хотела, чтобы ты жила с ней, то давно бы забрала тебя, — добавил папа, словно хотел добить меня этим.

— Ты врешь, — бессильно прошептала я.

Это, определенно, была ложь. Он просто хотел обидеть меня, потому что я в свою очередь обидела его, выразив свое нежелание по поводу его женитьбы на другой женщине. Мама не могла не хотеть того, чтобы я жила с ней. Она ведь сама предлагала мне столько раз уехать к ней!

Лицо папы стало суровым.

— Когда она звала тебя в последний раз к себе? Ты не задавалась вопросом, почему она не звала тебя приехать к ней летом?

«Пожалуйста, пожалуйста, остановись!» хотелось взмолиться мне, но я не могла пошевелить языком, который словно распух во рту.

— Ей хорошо без тебя, Алина, — медленно проговорил отец, вонзая нож в мое сердце все глубже и глубже. — У нее теперь своя семья. Твоя мать ждет ребенка.

Четыре слова, казалось, окончательно все разрушили.

Четыре слова вновь привели меня к мысли, что все вокруг — сплошной обман.

Снова предательство.

Мама... Как она могла не сказать мне о том, что беременна?

Ложь. Ложь. Ложь. Ложь.

— Почему она не сказала мне? — я не была уверена, что папа услышит мой вопрос, потому что мой голос звучал невнятно и тихо.

Плечи отца высоко поднимались и тяжело опускались.

— Она боялась твоей реакции, — ответил он, немного расслабившись.

Я закрыла глаза, чувствуя внутри себя пустоту.

Почему? Что не так с моей реакцией? Чего именно мама боялась?

— Она боялась, что ты не поймешь, — продолжил папа. — Твоя мать счастлива, Алина.

«Без меня» добавила я про себя.

Моя мама счастлива без меня.

Мне никто не верил.

Ни отец, который целый год лгал о том, что с кем-то встречается. Ни мать, которая даже не сказала мне, что у меня будет братик, или сестра. Меня все предали. Друзья. Родители. Есть ли в моей жизни что-то хорошее и неповрежденное?

За что? Чем я заслужила обман самых близких мне людей? Я была для них плохой дочерью? Или они просто не считали нужным делиться со мной тем, что у них происходит?

Разве такое возможно, что жизнь рушится так быстро? Теперь у меня нет даже того, что было ненастоящим. Я потеряла все. Я потеряла себя. Окончательно.

— Понятно, — произнесла я, не зная, зачем это сказала.

Я не думала, что может быть так больно и обидно. Я никогда так не страдала. Мне нужна помощь. Мне так нужна помощь! Иначе я просто исчезну.

Я ушла из гостиной. Разговор с отцом был окончен. Закрывшись в своей комнате, я не плакала, потому что слез не было. Вот и ответ на вопрос о том, могут ли закончиться слезы. Да. Поначалу я просто лежала, не шевелясь, на кровати и смотрела в потолок. Я ни о чем не думала, словно мой разум был отключен.

А потом вдруг навалилась боль.

Она с астрономической скоростью и силой урагана сметала все на своем пути. В душе творился настоящий кавардак. Вслед за раздирающим чувством того, что меня предали, пришел нескончаемый поток мыслей, который молниеносно заполнил собой мой нескончаемый разум, добравшись даже до самых потаенных его уголков.

Ужасно, когда ты не можешь плакать. Вместе со слезами уходит боль, но сейчас я была лишена возможности избавиться от нее.

Когда я немного пришла в чувства, мне захотелось позвонить маме и спросить у нее о беременности. Но что, если это оттолкнет ее от меня? Окончательно. Я и так почти потеряла ее. Как и папу. И все, что имела. Не осталось ничего, кроме обломков.

Как мне восстановиться?

Я не спала полночи, и вставать утром оказалось для меня настоящей пыткой. Плюс ко всему прочему у меня ужасно болела голова, от переизбытка мыслей, наверно. Я так хотела забыть вчерашний разговор с папой, как самый страшный кошмар, но, во-первых, это было

моей реальностью, во-вторых, такое просто невозможно выбросить из головы. Вот если бы в мире существовал аппарат, стирающий память... это облегчило бы жизнь многим людям.

Я крутилась перед зеркалом целых полчаса, стараясь всячески скрыть на лице следы усталости. Подъезжая к школе, я постаралась подумать о чем-нибудь хорошем, и мне стало еще ужаснее, когда я поняла, что в моих мыслях не осталось ничего приятного и светлого.

Но темные тучи, повисшие надо мной, волшебным образом развеялись, когда я увидела Влада, поднимающегося по ступенькам. Улыбка расцвела на моем лице, чем окончательно добила мой бедный терзающийся разум. Я попрощалась с водителем и выскочила из машины.

Подойти к Владу и сказать ему: «Привет»? Или не подходить, пройти мимо и сделать вид, что мы не общаемся? Есть ли теперь вообще смысл в игре, которую я вела столько времени? Имеет ли теперь значение мой образ? Все разрушилось. Я разрушилась. Может быть, пора начать меняться?

Я улыбнулась шире и догнала Влада, когда он собирался открыть входную дверь. Я сделала это за него.

— Привет, — сказала я.

На секунду его лицо стало удивленным.

— Алина, — а потом он улыбнулся и поправил черные очки.

Мы зашли внутрь и направились к раздевалке.

— Как дела? — спросил Влад.

Какой, казалось бы, простой вопрос смог загнать меня в тупик.

— Нормально, — нерешительно ответила я. — А у тебя?

— Не очень, — в отличие от меня Влад не стал врать. — И по твоему голосу я слышу, что у тебя тоже не все хорошо, — он вздохнул. Только я собиралась открыть рот, как он добавил: — Но мы не будем говорить об этом в школе. Много ушей, — Влад улыбнулся, немного повернув голову вправо, как раз когда мимо проходили две девочки, глазающие на нас.

Про уши он правильно подметил.

Мы с Владом больше не смогли поговорить, так как прозвенел звонок на первый урок, и я побежала в класс биологии. Как только я оказалась в кабинете, мои глаза машинально упали на парту, за которой в гордом одиночестве сидела Марина. Она держала в руках телефон, и была так увлечена, что не замечала ничего вокруг себя.

Я старалась сосредоточиться на уроках, твердя себе, что семейные проблемы должны волновать меня только за пределами школы. Здесь я должна думать об учебе. Обидно, если после стольких лет упорных трудов я стану плохо учиться. Не бывать этому.

На первой перемене я встретилась с Виолеттой. Она помахала мне рукой, стоя со своей одноклассницей. Я подошла к ним.

— Привет, — сказала я девушкам.

Настя ответила мне неуверенным кивком.

— Привет, — Виолетта улыбнулась.

— Хорошее настроение? — поинтересовалась я у нее. Сегодня она выглядела бодрой.

— Ага. Завтра с больничного выходит Стас, и я получила пятерку за контрольную по геометрии. Единственная пятерка в классе! — с гордостью добавила она.

— Ух-ты, круто, — искренне порадовалась я за нее.

Глаза Виолетты устремились за мою спину, и улыбка исчезла с ее лица.

— Ого, какие люди, — пробормотала она.

В порыве любопытства я обернулась и увидела Марину, идущую за руку с Максом. Они молчали, но моя бывшая лучшая подруга выглядела счастливой. А вот Максим казался скучающим.

— Они вместе, — констатировала Виолетта.

— Этого следовало ожидать, — вздохнула я.

— И ты говоришь это так спокойно? — вмешалась Настя. — Я бы с ума сошла, если бы увидела своего бывшего вместе с лучшей подругой.

— Бывшей лучшей подругой, — безучастно поправила я и метнула на Настю быстрый взгляд. — Мне все равно. Пусть встречаются, с кем хотят. Мне все равно.

Когда сладкая новоиспеченная парочка моих экс-друзей проходила мимо, Марина свысока посмотрела на меня. Ее глаза кричали: «Я добилась своего! Максим мой!». Надеялась ли она, что как-то заденет меня этим, или нет, но я отнеслась равнодушно. Мое сердце теперь беспокоилось о другом.

Пятиминутная перемена подошла к концу, и я отправилась на следующий урок.

Я надеялась увидеться с Владом в столовой, но он не пришел.

— Ты кого-то ждешь? — спросила Виолетта.

— Гм, нет, — пробормотала я, возвращая взгляд к ней. Я растерянно улыбнулась и подвинула к себе тарелку. Внешний вид еды не сумел пробудить во мне аппетит, поэтому я просто выпила остывший сладкий чай.

Виолетта пожала плечами и посмотрела через левое плечо, туда, где сидели Макс, Марина и Андрей.

— Похоже, наши друзья скучают, — с ухмылкой сказала она и повернулась ко мне лицом.

Я тоже бросила взгляд на тот стол. Марина, конечно же, сидела рядом со своим парнем. Одна его рука лежала на ее плече, а в другой находился телефон. Моя бывшая подруга выглядела безумно довольной. Андрей что-то говорил, но его, похоже, никто не слушал.

Я улыбнулась.

— Почему ты не общаешься с ними? — спросила я у Виолетты.

Я уже получала ответ на этот вопрос, но все же.

— Они мне надоели, правда, — сказала она. — Ну, не все, конечно. Я общаюсь с Андреем, со Стасом... — Виолетта поджала губы и из-под опущенного лба посмотрела на меня. — Нашей компании больше нет. Сейчас это уже все понимают. Но я знала об этом и раньше, — она вздохнула и проткнула вилкой несколько макаронин.

— Ты жалеешь об этом?

— Все изменилось. Мы изменились, — Виолетта пожала плечами. — Нужно двигаться дальше. Мой мир не рухнет из-за того, что распалась кучка друзей, — произнося последнее слова, она изобразила пальцами кавычки. — Раньше мы действительно дружили. У нас были общие интересы, а в последнее время каждый сам по себе. Так что нет. Я не жалею. Это в прошлом, и я не стану переживать. А вот Стас... — глаза Виолетты опустились к тарелке. — Он ни за что не перестанет общаться с Максом.

Сейчас из нашей расколовшейся компании со мной обращалась только Виолетта. Конечно же, с Максом и Мариной я вообще не разговаривала, но и Андрей словно забыл про мое существование. Это немного ранило, но не смертельно. Конечно, между мной и Максом он выбрал Макса, потому что они лучше друзья.

Под конец обеда я решила спросить у Виолетты о Владе.

— Не знаю. Он ушел после второго урока, — ответила она, и я была благодарна ей за то, что она не потребовала подробностей. Это была не Марина, которой не терпелось знать все и обо всех.

Я надеялась, что Влад придет в парк к пяти, но там его тоже не оказалось. Я ждала где-то полчаса. Может, я перепутала скамейку? Он передумал, или что-то случилось? Или у него дела, а у меня даже нет его номера телефона, чтобы спросить об этом... И почему я вообще так переживаю из-за этого? Почему становится неприятно от мысли, что Влад мог забыть про нашу странную прогулку в парке?

Я не хотела возвращаться домой, поэтому решила позвать Виолетту немного погулять. Она сразу согласилась. Мы встретились у Государственного Эрмитажа, куда я доехала на метро. Затем мы гуляли по Адмиралтейскому району и закончили свое небольшое путешествие на набережной Крюкова Канала.

Я вернулась домой в десятом часу. Как только я оказалась одна в своей комнате, на меня навалилась жуткая тоска и грусть.

Я снова плакала.

Глава двенадцатая

Я с нетерпением ждала наступления вечера, чтобы увидеться с Владом. Странно, но мне так хотелось увидеть его снова. Мы виделись в школе, но не смогли поговорить. Его опять не было в столовой, и Виолетта сказала, что он, как и вчера, ушел после второго урока. Но я успела спросить у него, придет он в парк сегодня, или нет. Он сказал, что придет.

Сегодня был на удивление солнечный день, и тепло октябрьского солнца, конечно же, никогда не сравнится с летним.

В пять часов я ждала Влада на нашей лавочке. В этот раз он не заставил меня долго ждать. Я встретила Эйнштейна, как родного, а он стал лизать мое лицо. Я рассмеялась от щекотки, но отстраняться не стала.

— Мой пес влюблен в тебя, — с усмешкой сказал Влад.

Я подняла голову, чтобы посмотреть на него. Сегодня он выглядел иначе. В его внешнем виде не было ничего темного, кроме очков. Светлые джинсы, синяя толстовка, белые кроссовки. Простая одежда шла ему куда больше, чем школьная форма.

— И я влюблена в него, — пробормотала я и поцеловала Эйнштейна в нос.

Пес лизнул меня своим шершавым языком последний раз и отвернулся к хозяину.

— Сегодня светит солнце, — пробормотал Влад, поднимая голову к небу. Его губы расплылись в улыбке. — Я чувствую его тепло на своей коже, — он сделал глубокий вдох. — Сегодня хороший день.

С глупым выражением лица я наблюдала за ним и думала о том, как он... красив. Я встряхнула головой и выпрямила ноги.

— Давай пройдемся, — предложил Влад.

— Ладно, — я пожала плечами.

Мы шли лицом к солнцу, и мне приходилось щурить глаза.

— Куда ты уходишь с занятий? — спросила я.

— На лечение, — спокойно ответил Влад. — Врачи думают, что это как-то поможет мне. Идиоты.

— Тебе никогда не удастся восстановить зрение?

— Нет. Мои глаза — ненастоящие.

Я нахмурилась.

— Как это?

Влад кратко выдохнул и остановился. Я замерла рядом с ним в ожидании. Тогда он снял очки. Моя маленькая мечта сбылась. Я встретила с неестественной голубизной его глаз. Приглядевшись, я поняла, что он имел в виду. Глаза выглядели не живыми, словно они были искусственными.

— Это протезы, — пояснил Влад.

Я беззвучно ахнула и прижала руку ко рту.

— Как это случилось? — прошептала я. — Почему у тебя нет... настоящих глаз?

Влад надел очки и пошел вперед.

— Авария, — только и сказал Влад.

Мое сердце сжалось от сочувствия.

— Мне жаль, — пробормотала я. — Когда это произошло?

— Много лет назад.

— Значит, ты видел когда-то...

— Да, — его голос сорвался на шепот. — А еще в этой аварии погиб мой отец. Тогда мы возвращались домой, — Влад замолчал на минуту, собираясь с мыслями, а я терпеливо ждала продолжения. — Грузовик появился будто из неоткуда. Папа пытался остановиться, но не смог. Мы врезались в другую машину. Отец скончался на месте, а меня откачали в больнице, но глаза спасти не смогли.

Мой подбородок дрожал, я заставляла себя не плакать.

Влад пережил настоящий ужас, а я жалею на свою жизнь... Да по сравнению с его историей моя покажется детским лепетом обиженной на жизнь девочки.

— Это... — «ужасно» хотела произнести я, но не смогла, так как в горле застрял огромный ком рыданий, который я старательно пыталась проглотить.

Я молчала, пытаясь воспроизвести в своем сознании картину аварии. Я представила маленького Влада, его папу, аварию... Я не могла понять, как тяжело было ему научиться жить без глаз. Знать, что ты больше никогда не сможешь увидеть солнце, лица людей, ничего, что тебя окружает.

— Я бы сошла с ума, если бы оказалась на твоём месте, — подавленно призналась я.

— Раньше я тоже так думал, — сказал Влад. — Но в последнее время все чаще понимаю, что я еще не самый несчастный человек на свете. У меня есть все, что нужно. Кроме глаз, конечно же. Но жить без них можно. Было бы гораздо труднее, если бы я не имел ног, или рук. Я рад тому, что у меня есть. Никогда не думай, что я могу быть несчастным.

— Я не думаю, что ты несчастен, — соврала я.

— Нет. Думаешь.

Я поджала губы, но не ответила.

— Человек, живя в недостатке, богат, а в переизбытке беден, — сказал Влад. — У меня многого нет, но я действительно счастлив, — он сделал небольшую паузу. — У тебя есть все, но ты не счастлива. Понимаешь?

Да. Я понимала. Но не понимала, откуда об этом знал Влад.

— Так ты живешь с мамой? — спросила я, чтобы отвлечься.

— Да. Мы переехали в Санкт-Петербург этим летом.

— Где жили до этого?

— В Луге. Это небольшой городок, в двух часах езды от Питера.

— Почему переехали?

— Тут у мамы жил отец, мой дед, и он недавно умер, — Влад почесал затылок. — У него осталась квартира, которую он завещал нам... Вот мы и переехали, — почему у меня сложилось такое ощущение, что Влад что-то недоговаривал? Но мне пришлось подавить зарождающееся любопытство, потому что мы мало общаемся, чтобы я могла интересоваться такими деталями. Если Влад захочет, то сам мне расскажет. — Для меня нет особой разницы, где жить, ведь я все равно ничего не вижу. Но каждый день я слышу, как кто-то восторженно отзывается об этом городе, и это причиняет боль, потому что я не могу понять их радость.

Я не знала, что сказать.

— Я слишком откровенен, да? — тихо усмехнулся Влад.

Да, это было откровенно. Он говорил со мной так, словно мы давние друзья, и ему ничего не стоит, чтобы вот так просто идти и говорить мне об этом.

— Нет, — глухо отозвалась я.

Влад медленно втянул в себя теплый воздух, и его грудь поднялась.

— Я честен с тобой, потому что хочу, чтобы ты была так же честна и со мной. Доверие — очень хрупкая вещь. Его очень сложно добиться, но я надеюсь, что ты сможешь мне доверять. Я хочу стать твоим другом, правда. Я хочу помочь тебе.

— Говоришь так, словно одержим этой идеей — помочь мне. Может, мне все-таки стоит бояться тебя? — я вяло хихикнула, ожидая, что Влад улыбнется, но он только нахмурился. — Извини, неудачная шутка. У меня бывают проблемы с юмором.

— Уверен, что это не так. У тебя есть чувство юмора. Просто для меня это очень серьезно. Помогая тебе, я помогаю и себе.

— Но почему? — у меня уже скоро появится мозоль на языке оттого, что я постоянно задаю этот вопрос.

Влад улыбнулся.

— Ты действительно не понимаешь, как это важно — помочь кому-то? Это исцеляет того, кто предлагает помощь, и того, кто получает ее. Все остаются в выигрыше. Это помогает разобраться в себе. И... разве просто не хорошо от мысли, что ты можешь сделать кому-то добро?

Я опустила голову.

— Да. Наверно. Просто слышать такое от тебя, шестнадцатилетнего подростка, странно. Да и вообще, люди сейчас стремятся помочь только себе.

— И это плохо, — согласился Влад. — Мы стали забывать, что такое помощь другим. К сожалению, я родился в век эгоистов, тех, кто слеп по отношению ко всем, кроме самих себя. Может, для всех остальных помощь другому — это сущий пустяк, но для меня это стало вроде как главной целью в жизни.

Я не могла не улыбнуться.

— Это так странно, — сказала я вслух свои мысли. — И это все, о чем ты мечтаешь?

— На данный момент, да, — кивнул Влад. — И я считаю, что люди без странностей — ненормальные, — я усмехнулась. — Для меня имеет огромное значение то, что я могу кому-то помочь. Я хочу быть полезным.

— А как же ты сам?

— А что я? — он пожал плечами. — Я помогу себе, если мои советы сделают чью-то жизнь счастливее.

Влад — самый необыкновенный человек из всех, кого я знаю. Многие, нет, все парни в его возрасте мечтают о девчонках, крутых вещах, машине, и все в этом роде. Но не Влад. Может, он не настоящий, а всего ли плод моего воображения? Быть может, я придумала его, чтобы помочь себе разобраться во всем? И иду сейчас одна, разговаривая с воздухом...

Я на миг крепко зажмурила глаза и даже ущипнула себя.

«Пожалуйста, будь настоящим» попросила я в мыслях.

Я открыла глаза. Влад был здесь. Он все еще шел рядом выглядел задумчивым.

Мы дошли до Южного пруда. От воды исходила прохлада, и я немного замерзла. Я думала, что мы пойдем дальше, но Влад, похоже, решил остановиться. Он отстегнул поводок и отпустил Эйнштейна.

— Не против, если мы посидим здесь? — спросил Влад, немного повернув голову в мою сторону.

— Да нет.

Я удивилась, когда он сел на траву.

— Мне нравится здесь бывать, — сказал он, отвернувшись к пруду. — Тут никогда никого не бывает.

Я огляделась. Действительно, мы были одни.

— Почему ты не садишься? — спросил Влад у меня.

— Не хочу пачкать джинсы, — призналась я.

— Отряхнешь их. Сегодня же нет дождя и не пасмурно. Трава сухая. Садись, — он похлопал рукой рядом с собой.

Я прикусила нижнюю губу, размышляя, и плюхнулась рядом с Владом, вытянув ноги.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Солнце уже садится?

Я перевела взгляд с его лица к нему. Над нами оно было нежного голубого цвета, а вдаль — бледно-розовым. Небольшая часть оранжевого солнца уже скрылась за крышами многоэтажных домов.

— Да, — ответила я.

Влад кивнул и обвил руками ноги, положив подбородок на колени.

— Почему ты назвал свою собаку Эйнштейном? — спросила я.

Влад улыбнулся.

— Потому что он такой же умный, как и тот, в чью честь я назвал его, — пояснил он. — Ну, а еще я просто фанат Эйнштейна.

— Дай-ка угадаю. Твой любимый предмет — физика?

— Я что, так предсказуем? — с театральным разочарованием произнес Влад.

Я засмеялась.

— Нет, — сказала я. — Может, в мои несуществующие способности тоже входит умение разбираться в людях?

— Я уверен, что ты на многое способна. А теперь, — сказал он, — твоя очередь рассказать о себе. Думаю, твоя история интереснее моей, — его голос был серьезным, хотя я подумала, что он шутит.

— А вот и нет. Я обычная избалованная девчонка, которая не беспокоится ни о чем, кроме своей внешности, мальчиков и денег.

— Мы оба знаем, что это не так.

Я свела брови вместе и выдернула несколько сухих травинок.

— Если оценивать мою жизнь и твою по шкале трагичности, то моя занимает нулевую отметку, а твоя самую вершину, — пробурчала я.

— Не имеет значения, — Влад равнодушно пожал плечами. — Просто расскажи свою историю. Что заставило себя стать той, кем ты не являешься.

Я выбросила травинки и посмотрела на гладкую поверхность пруда. Все было бы просто замечательно, если бы не слышались звуки проезжающих машин. Это портило всю идиллию.

— Я родилась в Санкт-Петербурге, — вяло начала я. — Мой папа владелец строительной компании, а мама... — я запнулась, так и не сумев закончить предложение. — Они развелись, когда мне было десять. Я осталась жить здесь, с отцом, а мама уехала в Америку и снова вышла замуж. Недавно мой отец заявил, что собирается жениться на женщине с отвратительным именем Юля, — я закрыла глаза и скривилась. — Он скрывал это от меня целый год. А позавчера я узнала, что моя мама ждет ребенка и даже не сказала мне об этом, — мой желудок болезненно скрутило, и я обвила одной рукой живот. — Вот и вся история, — подытожила я шепотом.

— Ты скучаешь по ней? — тихо спросил Влад. — По маме?

— Очень, — прошептала я. — Мы редко видимся. В лучшем случае, три раза в год. Если бы она жила в России, наши встречи случались бы чаще.

— Почему ты не уехала с ней?

— Не знаю. Она тогда ушла от нас к другому мужчине, и я была обижена на нее. Я не хотела оставлять отца одного, ведь без меня он бы точно сошел с ума от горя.

— Ты все еще не можешь ей простить то, что она оставила твоего папу?

— Да. Я зла на нее. И на отца, потому что он просто отпустил ее, — говорить о моей семье с кем-то было необычно, и я удивилась тому, как быстро меня потянуло рассказать все, что творилось на душе. Словно я долго сдерживала себя и вот, наконец, мне представился шанс выплеснуть наболевшее. — Я зла на них обоих, потому что они не сохранили семью. Теперь каждый сам по себе. После маминого ухода я почти не видела отца. Он вечно пропадает на работе. С мамой я даже по телефону поговорить не могу. Она либо не отвечает, либо говорит, что у нее есть дела. Раньше все было иначе. Раньше мы много разговаривали, и она постоянно звала меня к себе, спрашивала, не передумала ли я. В последнее время все ухудшилось. Ей как будто стало все равно. Может быть, это из-за того, что у нее будет другой ребенок.

— Ты не рада?

— Я не знаю, — честно ответила я. Боль бешено пульсировала в висках и расплывалась по всему телу. Она заполняла каждую клеточку моего естества, а затем отступала. И снова приходила. Потом уходила. — Еще я не знаю, почему она не сообщила мне о своей беременности. Папа сказал, что мама боялась моей реакции. Но я не какой-нибудь монстр. Если бы она сама позвонила мне и объявила, что в скором времени у меня появится братик, или сестренка, я была бы счастлива за нее и за Майкла, хотя я не питаю к нему особых дружеских чувств, — я вспомнила, что Влад не знает, о ком я говорю. — Майкл — это новый мамин муж.

— Я понял, — Влад слабо кивнул. — Как ты думаешь, почему она не сказала тебе о том,

что беременна?

— Понятия не имею, — я громко выдохнула. — Со своими родителями я не такая, как в школе, — я сделала пару вздохом. — С ними я пытаюсь быть настоящей, — я быстро посмотрела на Влада. — Но мама не сказала мне. Я слышала это от отца, с которым после развода она общается только на повышенных тонах. Они ненавидят друг друга, но откуда-то он знает об этом. Кроме нее ему никто не мог сказать об этом, — мои веки потяжелели и, словно занавес, рухнули на глаза. — Я не знаю, почему все мне врут, что-то скрывают.

— Кто еще солгал тебе?

— Ну, начнем с того же папы. На протяжении целого года он утаивал от меня то, что встречается с женщиной. И неизвестно, сколько бы он еще молчал, если бы я не увидела их у нас дома. Надо было видеть его лицо, когда он заметил меня, — мои губы расплылись в безрадостной улыбке. — А потом смешно выглядело мое лицо, потому что я слышала, что он собирается жениться. Представляешь? Жениться. На другой женщине.

— Чей обман ты еще потерпела? — я не была уверена, что Влад меня слушал, потому что он даже не комментировал то, что я рассказала ему.

— От лучшей подруги и того, как я думала, мне нравился.

— Что они сделали?

— Я думала, ты знаешь.

— Да. Но... расскажи мне.

Я поджала губы. Семья — это такая сторона личной жизни, которая вызывает меньше смущения, когда обсуждаешь ее с кем-то. А вот про отношения с мальчиками даже лучшей подруге рассказать не можешь, что уж говорить о том, кого я знаю сравнительно мало времени, тем более, если он парень.

— Я встречалась с Максимом, — с крайней неуверенностью проговорила я, прикусив щеки изнутри. — Раньше мы были друзьями, и он мне, вроде как, нравился, и... ох, я не могу обсуждать это с тобой, Влад, — я в конец смутилась и опустила голову.

— Если не хочешь, можешь не рассказывать мне, — спокойно сказал он. — Я понял, что они тоже тебя обманули.

— Ага, — фыркнула я. — Точнее только Марина — моя лучшая подруга, — поправка. — Бывшая лучшая подруга. Она была влюблена в Максима и соврала ему обо мне. А неделк назад я увидела их... целующимися. В один день я потеряла лучшую подругу и парня, — вспомнив обо всем, сколько свалилось на меня за такой короткий срок, я сжала кулаки до боли и заскрежетала зубами.

— Это случилось в тот день, когда ты подошла ко мне у лестницы и сказала, что тебе не нужна моя помощь, — сам себе напомнил Влад. — Вот что случилось.

— А перед этим я узнала об отце, — выдохнула я.

Сейчас я вновь была вынуждена вести борьбу с дурными ощущениями, вызванными воспоминаниями. Хотелось раз и навсегда вычеркнуть это из своей памяти, если бы только существовала такая возможность.

— И вот так я убедилась в том, что мне все лгут, — в заключение сказала я. — Конечно, это не так ужасно, как твоя история, но...

— Это ужасно, — прервал меня Влад. — И мне жаль, что такое происходит с тобой.

— Ты первый, кому я рассказала обо всем этом, — почти шепотом призналась я, словно боялась, что меня может кто-нибудь услышать.

— Я рад, что стал этим человеком, — он улыбнулся, и жаль, что я не могла сделать то

же самое. — А теперь, если позволишь, я бы хотел тебе кое-что посоветовать.

— Да. Хочу.

Я не сомневалась в том, что советы Влада будут полезными.

— Во-первых, не злись на своего отца, — я тут же хотела возразить, но он продолжил прежде, чем я успела открыть рот. — Я уверен, он хотел тебе все рассказать. Возможно, он просто не знал, как именно сообщить об этом.

— Ага. Думал целый год, — съязвила я.

— Твой отец сказал бы тебе о том, что в его жизни появилась другая женщина, — мягко сказал Влад.

— Не оправдывай его...

— Я и не оправдываю. Помнишь? Я всего лишь сторонний наблюдатель, и сейчас оцениваю ситуацию так, как вижу ее с твоих слов, — его губы расплылись в умиротворенной улыбке. — Конечно, твое дело, прислушиваться ко мне, или нет, но я хотел бы, чтобы ты помирилась со своим папой, — я снова собиралась возразить, но, словно чувствуя это, Влад поднял вверх указательный палец, прося выслушать его до конца. — Я не понимаю, как тебе обидно, потому что никогда не был в подобной ситуации. Ложь во всех проявлениях ужасна, но нужно уметь прощать. Прощение — высшая степень благородства. Прощать могут не все. Большинство предпочитают хранить обиду в сердце, тем самым делая и себе и другим хуже. Прощая, мы освобождаемся от тяжести оков, в которые же себя сами заключаем. Прощение способно излечить человека, принести мир в его душу.

Никогда не слышала более мудрых слов, и понять такое сложно, но я поняла. Каждое его слово.

— У тебя только одни родители. Всего лишь два по-настоящему близких человека, — Влад поднял голову к нему. — Мы должны беречь их, любить, никогда не обижать и не обижаться. Никто не знает, что будет завтра, — я была уверена, что говоря это, он думал о своем отце. — Я не смогу попросить прощения у своего отца, — я была права. — Это глупость, конечно, но мне хотелось бы сказать ему, что я ни в чем не виню его, — сейчас Влад выглядел так, словно забыл о том, что я рядом. Я не понимала, о чем он говорил, но чувствовала себя подавленно. — И я так сожалею о том, что не сказал ему всего одно слово в свое время. Он ушел из этой жизни, думая, что я держу на него обиду, — Влад замолчал, а я со слезами на глазах смотрела на него.

У меня не хватило духа спросить, что произошло между ними. Я видела, какая мука была на лице Влада, и понимала, что эта тема причиняет ему смертельную боль. Я попробовала поставить себя на его место. Что, если бы я потеряла папу? Что, если бы в один совершенно обычный день я вернулась со школы и узнала, что больше никогда не увижу его?

Я заплакала.

— Прости его, — сказал Влад, опустив голову. — И не держи обиды на маму. Позвони ей и скажи, что ты рада, что у нее будет ребенок. Наша жизнь и так коротка, так зачем тратить ее на пустые обиды? Злость, гнев, чувство мести... Все это только отнимает время и очерняет наши души.

— Хорошо, — пролепетала я. — Я сделаю это.

— Но если сейчас ты не готова, лучше не спеши, — Влад нахмурился. — Это ничего не изменит. Желание простить должно исходить из самых глубин твоего сердца, понимаешь?

— Понимаю, — прошептала я.

— У тебя все будет хорошо, Алина. Ты будешь счастлива. Я помогу обрести тебе себя и

мир в душе, — Влад улыбнулся. — Все будет хорошо, — он снял очки и обратил невидящие глаза прямо к солнцу, почти скрывшемуся за горизонтом. — Со всеми нами.

Глава тринадцатая

Медленно, но уверенно моя жизнь налаживалась.

Первое, что я сделала для этого, — наладила отношения с отцом. Это было нелегко, но я переступила через себя, через все свое горячее нежелание видеть рядом с ним другую женщину. Я простила его за то, что он лгал мне целый год, и сама извинилась за свое поведение.

Влад был прав. Прощение — великая сила.

Я давно не видела своего отца таким счастливым. Он буквально расцвел на моих глазах. Он стал рассказывать мне о том, какая хорошая эта Юля. Видя его таким бодрым и живым, я поняла, что ошибалась. Если папа такой, когда говорит о своей новой любви, то, что с ним происходит, когда она рядом? Возможно, эта женщина сможет сделать его по-настоящему счастливым.

Я поговорила с мамой. Это было еще труднее, чем разговор с отцом, но мы пришли к соглашению. Когда она ответила на мой звонок, я сразу же сказала, что буду любить ее малыша, ведь это мой будущий братик, или сестренка. Я сказала, что рада беременности мамы. Я сказала, что люблю ее больше всех на свете. Я сказала, что дико скучаю и хочу увидеться.

Мама расплакалась. Она никогда не плакала, разговаривая со мной. Возможно, это из-за гормонов, которые шалили у всех беременных. А, может быть, ее так растрогали мои слова. Но я говорила искренне. Мама пыталась оправдаться, но я остановила ее, сказав, что все обиды должны остаться в прошлом.

Я менялась.

Однажды Влад сказал мне:

— Хочешь услышать мое мнение? Только не обижайся. Ты бежишь от проблем, Алина. Пытаешься делать вид, что все хорошо. Но на самом деле это не так. И мы оба знаем об этом. Просто перестань прятаться! Что плохого в том, если люди увидят тебя настоящей? Плевать, если им не понравится. Ты живешь не для того, чтобы угодить им. Ты прекрасна. Ты, а не твой образ. Будь настоящей в первую очередь ради самой себя.

И больше не было того образа, которым я прикрывалась столько времени. Эту глупую игру в прятки я оставила в прошлом. Я старалась быть самой собой, и реакция на это была неоднозначной. Многие перестали со мной общаться, точнее, я прекратила общение с этими людьми. Но я познакомилась с другими.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я сильно сдружилась с Виолеттой и увидела в ней родственную душу. Так же легко разговаривать, как с ней, я могла только с одним человеком.

Влад.

Мы дружим месяц, и я просто от него без ума.

Владу всего шестнадцать лет, но я никогда не встречала человека более рассудительного и мудрого. Он умен не по годам. Если бы мы общались с ним по переписке, если бы я не знала, как звучит его голос, и как он выглядит, я бы точно подумала, что имею дело с взрослым человеком, который знаком со всеми сторонами нашей нелегкой жизни.

Влад не видел меня, но читал, как открытую книгу. Рядом с ним я чувствовала себя уязвимой, потому что только он знал все, что сможет уничтожить меня. Он знал все мои тайны и секреты. Он знал, какая я настоящая. Он знал обо мне абсолютно все, поэтому в некотором смысле я должна была бояться его. Но я не боялась. Я доверяла ему. Такой человек, как Влад, не способен причинить боль.

Наконец, в моей жизни появился кто-то, кто ни разу не лгал мне, не использовал меня и не предавал, кто общался со мной потому, что я хороший человек, а не потому, что я богата и популярна.

Влад ценил во мне не красоту и то, какое место я занимаю в обществе, кто мой отец, и где я живу. Ему нравилась моя душа. Он единственный, кто разглядел во мне человека, а не красивую и избалованную куклу.

Каждая встреча с ним, каждый разговор являлся для меня чем-то вроде теоретического жизненного урока. Это было так странно, ведь Влад так молод. Он помогал мне понять себя. Он давал правильные советы, которые действительно помогали. Он стал кем-то особенным в моей жизни. Он был больше, чем друг. Он был больше, чем человек. Влад всегда находился рядом, когда мне нужна была поддержка. Мы очень сблизились, и многие в школе даже думали, что мы встречаемся.

Признаться, в последнее время я сама размышляла об этом... И я думала о Владе больше, чем следовало бы. Если бы я встретила его год назад, или около того, то, вероятно, не обратила бы на него внимания. В то время я была сильнее зависима от общества, чем пару месяцев назад. Я бы не смогла подружиться со слепым. Но сейчас для меня это не имело никакого значения.

Я питала к нему теплые чувства. Мне нравилось смотреть, как он улыбается, мне нравилось слушать его голос. Мне нравилось в нем абсолютно все. В этом парне не было минусов. Бывали дни, когда он не приходил в школу, и я скучала и переживала за него. Он ненавидел проходить лечение, но был вынужден это делать, чтобы не расстраивать свою маму. Он немного рассказывал мне о ней, но я знала, что он безумно ее любил.

Однажды, когда Влад снова не пришел на занятия, я не на шутку разволновалась.

— Не переживай так, — Виолетта пыталась меня утешить.

Она одна из немногих, точнее, единственная, кто принял Влада. Остальные по-прежнему относились к нему либо как к пустому месту, либо как к неполноценному «отбросу» общества. Еще никогда я не стремилась защищать кого-то рьяно, как Влада. Мне хотелось оградить его от всех злых языков, от насмешливых взглядов и ядовитых шуток. Мне хотелось сделать так, чтобы он чувствовал себя в безопасности, чтобы он улыбался и не заботился о том, что стал главным предметом насмешек в этой школе. И я делала все возможное для этого.

Я не могла объяснить Виолетте, что ощущала нехорошее предчувствие.

— Он часто пропускает занятия, — сказала она.

Да. Именно это меня и беспокоило.

— Все нормально, — я натянула улыбку, но Виолетта поняла, что это притворство, но лезть не стала. Она понимала меня.

Этот день тянулся бесконечно долго. На каждой перемене я звонила Владу, но он не отвечал. Я уже реально подумывала о том, чтобы навестить к нему после уроков, но сомневалась, что это правильное решение. Никогда не любила навязываться, и если Влад захочет напомнить о себе, он это сделает сам.

Не смотря на то, что я не могла достучаться до него, я все равно пришла в Приморский парк Победы — наш парк — в надежде встретить его там с Эйнштейном. Я прождала его на нашей скамейке целый час, но он так и не пришел.

Я не отчаивалась, хотя чувствовала сердцем, что что-то случилось. Влад всегда заранее предупреждал меня, если его дела совпадали с нашими прогулками. Но в этот раз все иначе.

Когда я вернулась домой, огорченная и грустная, меня ждал папа. И он был не один. Я сразу вспомнила ту женщину, которая украла его сердце. Юлия. Рыжеволосая, высокая, стройная и такая же смущенная, как и в прошлую и единственную нашу встречу.

Вот это сюрприз.

— Привет, Алина, — папа встретил меня с широкой улыбкой.

Он подошел ко мне и поцеловал в щеку, чем удивил еще сильнее.

— Будь хорошей девочкой, — шепнул он мне на ухо, обнимая. — Я в тебя верю! — и, отстранившись, подмигнул.

— Конечно, — полностью обескураженная происходящим, пробормотала я.

Папа положил одну руку мне на спину и немного подтолкнул вперед. Я почувствовала отголосок боли, которую в свое время эта женщина неосознанно причинила мне, но постаралась тут же выкинуть все плохие мысли из головы.

— Пора бы официально представить моих девочек друг другу, — весело сказал папа, подводя меня к рыжеволосой женщине. Он сделал шаг в сторону, и его рука соскользнула с моей спины. Тогда-то я и почувствовала себя необычайно одинокой. — Юля, прошу, познакомься, это моя любимая и неповторимая дочь, Алина.

Я с трудом сохранила спокойное выражение лица.

Юля неуверенно улыбнулась мне и протянула руку.

— Привет, Алина. Мне очень приятно познакомиться с тобой, — сказала она.

Взрослые ждали, когда я, наконец, вынырну из омута раздумий и что-нибудь отвечу или сделаю в ответ. Папа смотрел на меня с бескрайней надеждой в глазах. Он рассчитывал на меня, а я не могла подвести его.

— Здравствуйте, Юля, — произнесла я, пожав ее руку. — Мне тоже приятно с вами познакомиться, — и я натянула на лицо одну из своих самых очаровательных улыбок.

Я услышала, как папа вздохнул с облегчением.

Я много раз представляла себе наше знакомство с невестой папы. Я представляла столько разных вариантов, как поприветствовать ее, и о чем говорить с ней. Но все мгновенно вылетело из головы, когда настал момент. Так ведь всегда бывает.

Наше знакомство прошло... неплохо, в целом. Мы посидели за столом. Поначалу ни я, ни Юля не знали, как вести себя друг с другом, и если бы не папа, то, возможно, мы бы так и не заговорили. Она оказалась хорошей женщиной, такой, какой ее мне описывал папа. У нее добрые глаза, красивая улыбка, мягкий голос. Я внимательно наблюдала, как она смотрела на папу, и как он смотрел на нее. Одновременно я испытывала радость за него и огорчение оттого, что моя мечта по воссоединению родителей так и не осуществится. Но папа был счастлив с Юлей. Теперь я видела это и не собиралась препятствовать их свадьбе, которая была назначена на июль следующего года.

Перед тем, как проводить свою избранницу, папа сказал мне:

— Ты была умницей!

А затем он подвез ее до дома, но вернулся поздно ночью, или даже утром. В общем, я уже спала.

На следующий день Влад появился в школе. Когда я увидела его, стоящего у окна на первом этаже, то бросилась к нему со всех ног.

— Привет, — пролепетала я, пыхтя.

Влад резко дернул головой в мою сторону.

— Алина? — хрипло и удивленно произнес он.

— Да. Это я, — я улыбнулась, но улыбка почти сразу померкла. Влад выглядел растерянным и печальным. Мое сердце, предчувствуя нехорошее, забилось быстрее. — Что с тобой? Почему ты такой...

Я не успела договорить, как Влад сказал:

— Эйнштейн вчера умер.

Я открыла рот в немом изумлении. Моя душа рухнула вниз.

— О боже, — прошептала я в ужасе.

Слезы моментально наполнили глаза, и я заплакала. Эйнштейн — это самый добрый и верный пес. Он любил Влада, и Влад любил его. Между ними была особая, никому не понятная связь, которая делала их незаменимыми друг для друга. И я просто не представляла, что сейчас испытывал Влад.

Поэтому он вчера не пришел в школу. Из-за Эйнштейна.

— Мне так жаль, — всхлипнула я.

Влад сжал губы и кивнул.

Я не могла подобрать слов, поэтому просто сделала шаг вперед и обняла его. Крепко. Так я хотела показать ему, что он может рассчитывать на мою поддержку. Влад не ожидал подобного жеста с моей стороны, но неторопливо обнял меня в ответ.

Мы простояли, обнимаясь, несколько минут. Все, кто проходил мимо, бросали на нас любопытные взгляды. И сейчас я позавидовала Владу, потому что он не мог видеть их. Школа — не место, где мы могли поговорить об этом, и я с нетерпением ждала вечера, чтобы встретиться с Владом и поговорить о случившемся. Все это время он поддерживал меня, теперь настал мой черед быть опорой для него в трудную минуту. Ведь так поступают настоящие друзья, верно?

На третьем уроке у меня возникло сильное желание сорваться с места и убежать. Я знала, что Влад чувствовал то же самое. Клянусь здоровьем своих родителей, я старалась не плакать, но слезы сами катились ручьями по щекам.

И когда мы пошли на обед, я не выдержала.

У столовой я дождалась Влада и сказала Виолетте, чтобы она шла без меня.

Мне было больно смотреть на своего друга. Он напоминал живого мертвеца, как бы ужасно это ни звучало.

Полная решимости, я пошла ему навстречу.

— Давай уйдем, — остановившись в полушаге, тихо сказала я ему.

Влад вздрогнул от неожиданности.

— Что? — хрипло спросил он.

— Давай уйдем с уроков, — повторила я громче.

Его брови сошлись вместе.

— Зачем?

— Я не могу здесь находиться, — честно ответила я. — А ты?

Влад опустил голову и тяжело вздохнул.

— И я.

— Тогда сбежим.

Никогда бы не подумала, что способна прогулять уроки.

— А что скажем учителям?

— Ничего, — я махнула рукой. — Просто уйдем. Плевать, что будут говорить. Мне нужен свежий воздух, иначе голова взорвется от переизбытка мыслей.

— И у меня, — кратко отозвался Влад.

— Уходим?

— Уходим.

Я схватила его за руку и повела к раздевалке. Когда мы оказались на улице, мне стало лучше. Лицо обдувал холодный ноябрьский ветер. Я сильнее укуталась в куртку и посмотрела на Влада. Ему, казалось, вообще было все равно на холод.

— Нужно уйти, пока нас не заметили, — сказала я ему.

Влад лишь кивнул, крепче сжал в руке трость и направился вперед.

— Я действительно это делаю, — пробормотала я себе под нос и последовала за ним.

Влад старался идти быстро, но ему было сложно делать это без Эйнштейна. Плюс к этому было скользко. Поэтому на помощь пришла я. Я поддерживала его за локоть, предупреждала, когда на его пути были препятствия.

— А мы с тобой неплохая команда, — сказала я, желая хоть как-то поднять настроение Владу.

Он улыбнулся, но только из вежливости. Его душа болела и скорбела по Эйнштейну, и я прекрасно это понимала.

Мы просто гуляли. Я старалась не думать о том, если папа узнает о моем сегодняшнем побеге из школы. Сейчас важно было поддержать Влада.

— Куда хочешь идти? — поинтересовалась я.

Он пожал плечами, выражая свое безразличие.

— Не боишься, что я куда-нибудь тебя заведу? — пошутила я, и мой голос дрожал, то ли от холода, то ли от волнения.

— Не боюсь. Я тебе верю.

Нам нужно было тихое место, где мы могли бы спокойно обо всем поговорить. Когда мы проходили мимо детской площадки, я предложила остановиться. Я помогла дойти Владу до лавочки.

— Я чувствую себя таким беспомощным без Эйнштейна, — сказал он, и я села рядом с ним.

Я достала одну руку из кармана и накрыла ею руку Влада. Тогда он повернул ее ладонью вверх, и наши пальцы сплелись. Я понимала, что не должна сейчас сидеть и улыбаться, но я чувствовала счастье оттого, что сжимала его руку. Я чувствовала счастье оттого, что была его другом.

— Его отравили, — процедил Влад сквозь плотно стиснутые зубы.

— Отравили? — я не поверила своим ушам. — Но кто? У кого хватит ума... убить твою

собаку?!

— Люди злы и жестоки, — его пальцы сильнее сжали мою руку. — К несчастью, я лично знаком с одним... Живет в соседнем доме. Он всегда недолюбливал Эйнштейна, и я не знаю, почему. То ли просто питал ненависть к животным, то ли мой пес ему что-то сделал.

— Эйнштейн был хорошей собакой. Он не мог никому причинить вред.

— Он любил тебя, — прошептал Влад с улыбкой.

Уголки моих дрожащих губ приподнялись.

— И я его любила, — сказала я.

— Мне будет не хватать его, — а затем случилось то, чего я не ожидала. Влад зарыдал, но слез не было. Он просто тихо постанывал и пальцами свободной руки сжимал переносицу от боли. — Чертовы люди! — крикнул он, и я вздрогнула. — Что вам сделал мой пес?! Почему из-за каких-то уродов должны страдать невинные?!

Влад сгорбился и выдернул свою вторую руку из моей и закрыл ими лицо. Мой мир стремительно рушился, я не могла смотреть на его боль. Меня накрыло огромной волной вязкой тьмы, в которой я бесследно тонула.

Я пододвинулась ближе к нему и обняла его, уткнувшись носом ему в плечо. Я плакала, он тоже. Какая ужасная ирония, потому что этот бесспорно печальный момент сблизил нас, как никогда. Я поделила с ним его боль. Теперь нас объединяла не только дружба.

О боже, я была влюблена в него. Я любила Влада всей душой и сердцем. Я плакала не только потому, что мне было жаль Эйнштейна. Я плакала, потому что Влад страдал, и для меня не было ничего ужаснее, чем смотреть на его искаженное от боли лицо и слушать громкие хриплые стоны.

Мы попали в ад, но я собиралась выбраться оттуда и вытащить с собой Влада. Я не позволю ему сходить с ума в одиночестве. Я буду с ним. Я помогу ему справиться, как он помог мне.

Когда мы успокоились, Влад стал рассказывать мне забавные истории, которые случались с ним и Эйнштейном. Я удивилась, потому что их было очень много. Он улыбался, когда делился со мной светлыми воспоминаниями.

— Кажется, мы поменялись ролями, — с грустной усмешкой сказал Влад, когда мы покидали детскую площадку. Мы просидели здесь битых два часа, и все говорили, говорили, говорили... — Сегодня ты выступала в роли моего утешителя и психолога.

Я улыбнулась.

— Друзья должны помогать друг другу, — я пожала плечами и застучала зубами.

— Замерзла? — встревожился Влад.

— Да все нормально.

На самом деле я дико замерзла и удивляюсь, почему Влад не трясется так же, как я.

— Где ты живешь? — спросил он.

Мы столько дружим и даже знаем домашние адреса друг друга.

— На Песочной 12, — ответила я.

— Мой дом ближе, — Влад поднес руки ко рту и стал согревать их своим дыханием. Через секунду я сделала то же самое. — Можем пойти ко мне и согреться?

Несмотря на дикий голод, я почувствовала жар на лице.

— Ладно, — надеюсь, он не понял, что его предложение смутило меня.

Мы ехали на автобусе полчаса. Я не любила общественный транспорт, особенно, в час-пик. Нам не повезло. Мы с Владом оказались прижатыми людьми к окнам автобуса. Их было так много, что я начинала задыхаться от тесноты. Мне пятьсот тысяч раз отдавили ногу, а еще кто-то чихнул мне в волосы. Я думала, что не выдержу, и мое терпение лопнет. Но всего несколько слов от Влада: «Мы выходим на следующей остановке» спасли меня от отчаяния.

Когда я выбралась из автобуса, то стала жадно хватать воздух ртом. Влад грустно посмеивался надо мной.

— Еще чуть-чуть, и я бы точно задохнулась, — пробормотала я в свое оправдание.

— Ты просто не привыкла.

— Я больше никогда не сяду в автобус.

Влад усмехнулся и раздвинул губы, собираясь что-то сказать. Но так ничего и не услышала.

— Ты чего? — спросила я.

Влад громко сглотнул и покачал головой.

— Хотел сказать: «Эйнштейн, домой»...

Я пожалела о том, что спросила.

— Мне нужно сориентироваться. Опиши мне, что справа, а что слева, — попросил Влад.

— Эээ, — я посмотрела по сторонам. — Справа жилой кирпичный дом с продовольственным магазином, — я прищурилась, — «Наташа». Слева дорога.

— Нам нужно во дворы, — сказал Влад и пошел направо, «щупая» тростью местность перед собой. — Без Эйнштейна я как без глаз, — невесело ухмыльнулся он и нахмурился, прочистив горло.

Спустя минуту Влад спросил:

— Мы идем к дому 23?

Я посмотрела вперед, на пятиэтажное старое здание с большими ветвистыми трещинами, и прищурилась.

— Да.

Он кивнул и больше не говорил.

Когда мы подошли к подъезду, Влад достал ключи из левого кармана и поднес с домофону.

— Блин! — прошипел он, когда они выпали из его руки.

Он стал наклоняться, но я опередила его и подняла ключи с холодного асфальта.

— Держи, — я протянула ему их.

— Спасибо, — поджав губы, поблагодарил Влад и открыл дверь.

Мы оказались в темном подъезде, где пахло сыростью. Лифта здесь, конечно же, не было. Влад чувствовал себя увереннее, но когда поднимался на третий этаж, споткнулся, и если бы я вовремя не подхватила его, то он упал бы.

— Осторожно, — мягко сказала я.

Влад нахмурился и выпрямился. Ему было непривычно без своего пса.

— Ты живешь на пятом этаже? — спросила я с отдышкой.

Влад кивнул, держась за деревянные перила.

— Ужас, — выдохнула я.

Наконец, мы поднялись. Влад подошел к левой крайней черной двери с кожаной обивкой.

— Твоя мама не будет против гостей? — неуверенно уточнила я.

— Она работает, — ответил Влад, стоя ко мне спиной.

Влад целую минуту возился с замком и, наконец, открыл дверь. Он повернулся ко мне боком и широким жестом руки указал внутрь квартиры.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — пробормотал он. — Проходи.

Я сделала несколько неуверенных шагов вперед и переступила порог, оказавшись в темной прихожей. Влад зашел следом за мной, и я слабо вздрогнула, когда захлопнулась дверь.

— Прости, — сказал Влад, и в следующую секунду загорелся свет.

Я сняла курку и полусапожки. Влад прошел вперед и кивком позвал меня за собой. Мы прошли по небольшому коридорчику и оказались в гостиной: огромной, с небольшим наличием старой мебели; единственный источник света — красивая хрустальная люстра, висящая в центре над круглым столом. Темные обои и есть картины — портреты великих полководцев, имена которых я не знала, но если они нарисованы, значит, они все-таки великие. Классическая квартира сталинских времен. Сразу бросилось в глаза, что ремонт здесь не делали очень давно. В углах я увидела большие картонные коробки. Неужели, Влад еще не до конца распаковался?

— Здесь уютно, — сказала я, скромно встав под высокой аркой.

Я не кривила душой. Интерьер и обстановка напоминала мне квартиру, где жила моя бабушка Вера — папина мама. Она умерла, когда мне было восемь, но я помнила, как приезжала к ней в гости.

— Может, чаю? — спросил Влад.

— Ммм, нет, спасибо, — улыбнулась я.

Влад угрюмо цокнул, прошел через гостиную и скрылся за дверью. Здесь он двигался уверенно, словно не был слепым.

— Иди сюда, — крикнул он мне.

Я пришла к нему на кухню. Он взял с газовой плиты чайник и подошел к раковине. Включил воду.

— Иногда мне кажется, что ты видишь, — призналась я.

Я не видела лица Влада, так как он стоял ко мне спиной, но почувствовала, что он улыбнулся.

— За столько лет привыкаешь, — ответил он спокойно.

Влад поставил чайник на плиту и вышел из кухни.

— Пойдем в мою комнату, — сказал он мне.

Она находилась за дверью через гостиную прямо напротив кухни. Ого, эта квартира действительно огромная!

У Влада была просторная комната с высоким потолком, одним узким окном, зашторенным темными плотными занавесками. В дальнем правом углу стояла двуспальная кровать с высоким деревянным изголовьем и пышным одеялом, которая так и манила прыгнуть на нее. Почти всю левую стену занимали стеллажи с книгами. У него была собственная библиотека! Компьютерный стол, на котором ничего не лежало, шкаф, зеркало, покрытое толстым слоем пыли, так как у владельца комнаты не было возможности смотреться в него, и старое кресло-качалка у окна с аккуратно сложенным шерстяным

пледом болотного оттенка.

Больше всего моим вниманием завладели книги. Их было очень много.

— Ты все читал? — спросила я.

— Только половину, — поджав губы, ответил Влад.

Он стоял рядом со мной и громко дышал. Я решила осмотреться получше и прошлась по комнате.

— А что сейчас читаешь? — между делом задала я вопрос.

— Эээ, ну, вряд ли ты знаешь об этой книге, — робко произнес он. — Я предпочитаю серьезную литературу с философским уклоном.

— Да, я помню, — пробормотала я, проходя мимо кровати. В голове мелькнули картины воспоминаний того дня, когда я столкнулась с ним в школьном коридоре, и у него из рук выпали книги. — И все же. Что за книга?

— «Я сижу на берегу». Рубен Давид Гонсалес Гальего.

Я остановилась. Да, я не слышала ни об этом авторе, ни о его произведениях.

— И как? Интересно? — спросила я.

— Да.

— Можно я возьму почитать, когда ты закончишь?

Влад выпрямил спину и кивнул.

— Конечно. Можешь взять хоть сейчас. Я все равно ее уже читал.

— Если ты читал, то зачем делаешь это снова? — усмехнулась я.

— Еще не разучились писать книги, которые хочется перечитывать бесконечно.

— А... как ты читаешь?

— Мне читает мама. Каждый вечер, — Влад тихо ухмыльнулся. — Ну, а иногда, когда она занята, я слушаю аудиокниги, правда, мамин голос слушать приятнее.

Я закончила свое небольшое путешествие по комнате Влада у окна.

— О чем ты думаешь? — спросил он, и я повернула голову, когда услышала его приближающиеся шаги.

— Как... — я негромко сглотнула, пытаюсь подобрать правильные слова, но в голову ничего не пришло, поэтому спросила прямо. — Как ты живешь со слепотой?

Я задавала себе этот вопрос каждый божий день.

Влад поправил темные очки и замер у кресла-качалки.

— Сложно, — с абсолютным спокойствием ответил он. — Поначалу было просто невыносимо. Больше времени ушло на то, чтобы привыкнуть к слепоте морально. Справившись с этим, я стал привыкать физически. Я не видел солнце, деревья, машины, дома, лица людей, их улыбки, глаза... Мне было ужасно страшно смириться с мыслью, что это навсегда. Но, знаешь, со временем стало как-то легче. Я привык к темноте. Она повсюду. Как будто я сплю, но все осознаю и чувствую.

Я издала подавленный вздох. В горле образовался ком рыданий.

— Хотя в том, что я потерял глаза, есть свои плюсы, — на лице Влада заиграла улыбка. — Иногда хорошо не видеть то, чего ты не хочешь зреть. Я не вижу, как люди лгут друг другу в глаза, я не вижу, как они улыбаются, при этом ненавидя всем сердцем. Я не вижу слезы и грусть. Но с потерей зрения у меня обострились другие чувства. Слух, обоняние, осязание. Такая, можно сказать, компенсация за то, что я утратил, — Влад немного опустил голову. — Единственное, о чем я жалею, что в мире столько прекрасных вещей, а мне не удастся увидеть ни одну из них.

Одинокая слеза скатилась по моей щеке.

— Ты плачешь, — огорченно сказал Влад, повернув голову в мою сторону.

— Нет, — я шмыгнула носом и небрежно смахнула слезу. — Я не плачу...

— Обычно, когда у людей так дрожит голос, они плачут, — пробормотал он. — Я не хотел тебя расстраивать.

— Нет, нет, что ты! Ты не расстроил меня! — мой голос предательски колебался. И как бы я не старалась унять эту дрожь, ничего не получалось. — Я... просто... я не могу представить, что бы делала на твоём месте. Как бы себя вела, понимая, что никогда не смогу увидеть снова... Это ужасно, — я перешла на шепот.

Влад тепло улыбнулся.

— Я верю, что доживу до того дня, когда люди придумают изобретение, с помощью которого незрячие обретут возможность увидеть мир. И тогда я открою глаза и увижу, как солнце во всем своем бескрайнем великолепии блистает и дарит людям свое тепло, и на ярко-голубом небе не будет ни единого облачка! Я верю, что увижу, как идет дождь, как ветер будет колыхать молодую листву деревьев, как в воздухе будут кружиться крупные хлопья снега. Я увижу родителей, целующих своих детей, влюбленных пар, которые будут держаться за руки... — Влад сделал глубокий вдох. — Я увижу лицо своей мамы. И твое.

— Безнадежный романтик, — усмехнулась я, пытаюсь остановить нескончаемый поток горячих слез.

Влад горько рассмеялся.

— Моя мечта всегда будет со мной. Она не здесь, — он указал на голову, — а вот здесь, — приложил руку на сердце. — Я чувствую ее каждой клеточкой души. Она наполняет меня, помогает двигаться вперед и не оглядываться назад. Я никогда не перестану надеяться. Ведь какой смысл жить, если ни во что не веришь?

— Я бы все равно так не смогла, — промямлила я, вытирая слезы под глазами.

— Думаешь, мне легко? — его губы превратились в тонкую бледно-розовую, почти белую линию. — Нет. Каждый божий день внутри меня разгорается борьба между мной и моими страхами. Чертовски тяжело не сдаваться, знаешь ли. Это требует постоянного контроля над собой. Я должен быть сильным все время, изо дня в день, каждый час, минуту, секунду. Я не должен падать. Никогда. Если упаду — больше никогда не смогу подняться, — Влад встал напротив меня, прислонившись плечом к стене, и скрестил на груди руки.

— До встречи с тобой я думала, что моя жизнь сплошной кошмар.

— У каждого свои проблемы, — Влад слабо пожал плечами. — Просто кому-то везет больше, а кому-то меньше.

— Это несправедливо...

— Такова жизнь.

— И она бывает чересчур жестока по отношению к некоторым.

— Жизнь — это дар Божий. И я благодарен Всевышнему за то, что родился на этот свет.

— Ты веришь в Бога?

— Конечно. А ты, разве, нет?

— Не знаю. Я никогда не думала об этом.

— Бог есть. Он проявляется во всем. В солнце, в воздухе и природе, в родителях и их детях, в друзьях... Бог есть в тебе и во мне. Мы все его создания.

— Я всегда считала людей, фанатеющих по Богу, психами. С их вечным апокалипсисом и тем, что наши души обречены вечно гореть в аду, если люди не опомнятся и не станут

сходить с ума по Создателю, как они.

— Они и есть сумасшедшие, — Влад пожал плечами. — Тот, кто по-настоящему верит, не выставляет свою веру напоказ. Это должно быть только внутри тебя.

Наши философские размышления были прерваны свистом чайника.

— Пора пить чай, — сказал Влад и оттолкнулся от стены. — Я ужасно проголодался, а ты? — он не молчал и секунды. — Не отвечай. Я знаю, что ты тоже голодна, но откажешься, если я предложу, потому что стесняешься.

Я заставила себя закрыть рот.

— Пойдем, — сказал он мне.

Мы попили чай с булочками с повидлом, которые испекла мама Влада, а потом мне позвонил папа.

— Мне пора, — сказала я Владу.

Он кивнул.

— Книга, — напомнил он.

— Ах, да! Точно.

Влад ушел в свою комнату и через минуту вернулся с книгой в руках.

— Я постараюсь прочитать побыстрее, — пообещала я.

— Не торопись, иначе не поймешь, — Влад отрицательно покачал головой.

— Хорошо. Я поняла. Спешить не буду.

Я убрала книгу в сумку и стала обуваться.

— Я. Эээ. Не обидишься, если я не смогу тебя проводить? — смущенно проговорил Влад, почесав заднюю сторону шеи.

— Издеваешься? — сказала я, чем ввела его в ступор. — Конечно, я не обижусь. Что за вздор!

Влад расслабленно выдохнул, но все еще выглядел сконфуженным.

Я надела куртку и взяла сумку.

— Спасибо за чай, — поблагодарила я.

— А тебе за то, что поддержала меня, — сказал Влад.

Я почувствовала на щеках знакомый жар и робко улыбнулась.

— За добро платят добром.

Его скулы напряглись.

— А все зло, что совершают люди, возвращается к ним и наносит большой удар, — процедил он.

Я все еще с трудом верила, что Эйнштейна могли отравить. Но я верила Владу, а он не сомневался в том, кто сделал это с собакой. И опять же я попыталась поставить себя на его место. Я бы не смогла спокойно жить и дышать, зная, что убийца моего любимого пса живет по соседству.

— Эйнштейн в лучшем из миров, — сказала я.

— Да, — серьезно отозвался Влад. — Если существует рай для людей, то и для собак должен быть.

Вот на такой оптимистической ноте я собиралась прощаться с Владом. Но неожиданно входная дверь за моей спиной открылась, и в прихожую буквально влетела невысокая худенькая женщина в бежевом пальто и со светлыми волосами, собранными в небрежный пучок на затылке.

Похоже, это мама Влада.

— Здравствуйте, — сказала я тихо, но от волнения у меня что-то произошло со слухом, поэтому мне показалось, что я произнесла это очень громко.

Женщина подпрыгнула и развернулась ко мне лицом. Мама Влада выглядела потрясающе, и это без грамма косметики! У нее была красота от природы. Пухлые губы, большие светлые глаза, правильный овал лица. Она даже чем-то напомнила мне мою маму.

— Привет, — удивленно протянула женщина, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Пакеты выскользнули из ее рук и с грохотом стукнулись об пол. Она подскочила, а я вздрогнула. — Извините, — пробормотала она и пододвинула их ногой к стене. Затем выпрямилась и улыбнулась мне. — Будем знакомы? Я Наталья Александровна.

— Мама, — послышался тихий голос Влада за спиной.

— Привет, сынок, — сказала она, по-прежнему глядя на меня.

— Я Алина, — вымолвила я. — Мы учимся в одной школе, — сказать про то, что мы почти... нет, что лучшие друзья я, почему-то, не смогла.

— Очень приятно, — женщина наградила меня широкой искренней улыбкой.

Теперь я понимаю, от кого Владу достались такие красивые ямочки.

Наталья Александровна стала расстегивать пуговицы на пальто.

— Уже уходишь, Алина? — спросила она меня.

— Да, — кивнула я. — До свидания, — я перевела взгляд на Влада, который, почему-то, выглядел сжатым. — Пока, Влад.

— До завтра, — услышала я в ответ его бормотание.

— Пока. Заходи к нам еще! — попрощалась со мной мама Влада.

— Конечно! — улыбнулась я и вышла на лестничный пролет.

Мне пришлось ждать Павла, которому я позвонила, чтобы он забрал меня десять минут, за которые, я думала, превращусь в ледышку.

Когда, наконец, я оказалась дома, в своей теплой постели, то вытащила из сумки книгу, которую дал мне Влад, и начала читать.

Глава четырнадцатая

Время лечит. Так все говорят. И я надеялась, что оно поможет и Владу.

Но все случилось наоборот. Время уничтожало его, а не лечило.

Видеть лучшего друга в депрессивном состоянии было невероятно сложно.

Он мало разговаривал, что особо причиняло мне боль, потому что мы всегда много говорили. Наши прогулки по парку сократились, а вскоре прекратились вообще. Влад объяснил мне это так:

— Я больше не вижу смысла появляться на улице. Без Эйнштейна я действительно ослеп.

Я хотела вытащить его из депрессии, но не знала, как это сделать. Я надеялась, что, возможно, мое общество поможет ему справиться с горем, но ошибалась. Влад словно отделился от этого мира, и мне захотелось сделать то же самое. Я стала по-настоящему зависима от него, во всех смыслах.

В общем, стресс — это убийственная штука.

Ситуация ухудшалась с каждым днем, и однажды Влад просто перестал ходить в школу. Я, конечно, понимала, что он очень скорбел, но смерть пса не повод замыкаться в себе и исчезать. У него была я. Он мог обратиться за помощью ко мне, но вместо этого предпочел

пережить все в одиночку.

А я не собиралась мириться с этим.

Я набралась наглости и смелости и решила прийти к нему.

На часах было половина четвертого, когда я постучалась в дверь его квартиры. Я знала, что сейчас Наталья Андреевна работала, поэтому могла спокойно поговорить с Владом.

Я долго не могла дождаться ответа, но через две минуты и сорок три секунды я услышала хриплый голос Влада:

— Кто?

На секунду я забыла, зачем пришла.

— Это я, — сказала я громко.

— Кто я? — он не узнал меня?

— Алина, — немного обиделась я.

Последовало долгое молчание. Я слышала, как громко колотится в груди мое сердце.

— Я не одет, — наконец, ответил Влад.

Чушь. Нелепая отговорка.

— Так оденься, — сказала я. — И выходи. Хватит сидеть дома, Влад.

Дверь открылась, и я увидела его. Он выглядел просто ужасно. Я не видела его три дня, и вид у него был такой помятый, будто все это время Влад пролежал в кровати, не вставая. На волосы я не обратила внимания, они всегда были растрепаны. А вот лицо... оно стало еще бледнее. Губы — серо-синие, как у покойника. Тьфу. Тьфу. Тьфу.

— Ты соврал, — пробормотала я. — Ты одет.

На нем была черная футболка и свободные спортивные штаны.

Влад вздохнул.

— Чего ты хочешь, Алина?

— Вытащить тебя на улицу, — сказала я. — Заставить жить дальше. Что происходит с тобой, Влад?

— Ничего.

— Вот именно! С тобой ничего не происходит. Это надо исправлять.

— Ничего не надо менять. Все нормально. Меня вполне устраивает то, что есть сейчас.

— А вот и не правда.

— Правда.

Какой же он упрямый! Если бы я не знала Влада, то подумала, что передо мной стоит совершенно незнакомый человек. Но это был Влад, и он просто в депрессии.

— На правах твоего единственного друга, я требую, чтобы ты немедленно оделся и пошел со мной гулять, — сказала я, скрестив руки на груди.

— Ты не единственный мой друг, — пробормотал Влад.

— Серьезно? Тогда почему я больше никого не видела рядом с тобой?

— Потому что их нет здесь, в этом городе. Но они есть.

За все время нашей дружбы я прекрасно поняла, что являюсь единственным его другом. Конечно, у него были знакомые, но друзья... насчет них я не была уверена.

— Ладно. Не в этом суть. Пожалуйста, — я громко выдохнула и опустила плечи, — выходи гулять. Я... мне больно смотреть на тебя.

— Извини. Ничем не могу тебе помочь.

Я нахмурилась.

— В таком случае, я не уйду отсюда, пока ты не согласишься. Я буду торчать под твоей

дверью хоть всю ночь. Уж не сомневайся в этом, — пригрозила я.

Влад наклонил голову к стене и запрокинул ее, «глядя» в потолок.

— Мне нужно время, — сказал он. — Мне нужно привыкнуть к тому, что Эйнштейна больше... нет.

Лед в моем сердце тронулся, но мягкостью возникшую проблему не решишь. Это я уже поняла.

— Ты привыкаешь, сидя в четырех стенах? — не удержалась я от сарказма.

— У каждого свои методы борьбы со стрессом, — Влад пожал плечами.

— Ты не борешься. Ты самоуничтожаешься.

Он не ответил.

— Давай просто погуляем, — попросила я. — Всего одна прогулка! Пожалуйста. Я... я скучаю, — сказать это было нелегко, но я надеялась, что смогу пробудить что-то во Владе.

Это подействовало.

Влад содрогнулся и опустил голову, повернув ее в мою сторону.

— Ты потерял Эйнштейна, но я жива, — я поборолла в себе желание заплакать. — И я твой друг. Ты помог мне, теперь я хочу сделать то же самое для тебя. Позволь мне помочь. Это все, чего я прошу. Ты не должен все переживать один. Друзья должны делить горе пополам.

Влад не отворачивал головы целую минуту, может, больше. Он даже не дышал, не шевелился, превратившись в живую статую. Я подумала, что каким-то необыкновенным образом остановилось время, потому что я еще никогда не видела, чтобы человек так долго находился в неподвижном состоянии.

Но вскоре Влад пошевелился, и я вздохнула с облегчением.

— Хорошо, — произнес он. — Я выйду. Зайди.

Я не смогла сдержать радостной улыбки.

Влад вышел из своей комнаты одетым через несколько минут.

— Куда пойдем? — безучастно спросил он.

— Куда ты хочешь?

Мы оказались на лестничной площадке.

— Обрато домой, — ответил Влад, держась за перила.

— Даже не думай.

Мы вышли на улицу. Была только середина ноября, но снега выпало столько, как будто уже январь.

— Мы можем пойти в Приморский парк Победы, — предложила я.

— Нет, — тут же ответил Влад. Я поежилась от звука его голоса. Холодного и резкого. — Только не туда.

— Эээ, хорошо. Ладно.

Вот я безголовая! В этом парке Влад всегда гулял с Эйнштейном...

— Хорошо. Тогда идем куда угодно, только не туда, — пробормотала я себе.

— Я все еще не думаю, что это хорошая идея, — проворчал Влад. — Мне холодно. Я замерз.

Не правда. На улице было хорошо.

— Ты такой вредина, — усмехнулась я.

— Да. Спасибо. Я знаю, — кивнул он и достал из карманов зимней куртки перчатки.

— Ты ведь не такой.

Влад криво улыбнулся. Уже что-то.

— Ты не знаешь, какой я.

Его слова оказались для меня хуже пощечины.

— Знаю, — сказала я.

— Нет. Это я тебя знаю.

Я открыла рот в изумлении. Влад действительно говорил это серьезно, или пытался подействовать мне на нервы? Чтобы я ушла и оставила его в покое?

— Пошли, — буркнула я и пошла вперед.

— Не так быстро! — крикнул мне Влад. — Я не могу ходить так быстро без Эйнштейна...

Я остановилась, но не повернулась. Боль пульсировала в груди, и мне пришлось стиснуть зубы.

«Я справлюсь. Я помогу ему выбраться из депрессии» твердила я в мыслях.

— Извини меня, — услышала я бормотание Влада рядом с собой. Я повернула голову направо и посмотрела на него. Его лицо не выражало, ровным счетом, ничего, но голос звенел от вины. — Я веду себя, как дурак. Извини.

Я вздохнула и покачала головой.

— Тебе тяжело, я понимаю. Но ты не должен был закрываться в себе и отталкивать меня. Так друзья не поступают.

— Да. И за это тоже прости, — пересилив себя, Влад изобразил крошечную улыбку. — Так что, поможешь слепому и несчастному?

Я закатила глаза и рассмеялась. Он начинал шутить. Это очень хорошо.

— Ты не несчастный, — сказала я.

Влад переложил трость в другую руку, а ту, что была ближе ко мне, согнул в локте, предлагая взяться на нее. Я подошла к нему и просунула руку, обвив его локоть. Мы не спеша пошли вперед.

— Непривычно идти с кем-то вот так, — ухмыльнувшись, поделился Влад.

И мне тоже. Влад был выше меня, и мне приходилось заирать голову, чтобы видеть его лицо.

— Но ты — определенно не Эйнштейн, — вздохнул он.

— Эй, ты только что сравнил меня с собакой? — пошутила я.

— Нет. Я не это имел в виду. Ты же знаешь.

— Да. Прости.

Мы вышли из двора и направились вверх по улице.

— Почему ты перестал ходить в школу? — спросила я.

Мне было необходимо разобраться в нем, в том, что он чувствовал.

— Не хотел. Не мог, — честно ответил Влад.

— Почему... — я собралась с духом, сжав кулаки. — Почему ты отталкивал меня? Почему не ходил со мной гулять? Я переживаю за тебя, — я до боли прикусила нижнюю губу. Говорить о своих чувствах Владу было необычно, странно и жутко волнительно.

Он был моим другом, но я больше не относилась к нему, как к другу. Я всегда считала его кем-то больше. То, что я чувствовала, находясь рядом с ним, сложно описать словами. Мне хорошо с ним, я ощущаю себя... собой. Он мне нравится. Он добрый, хороший, заботливый, понимающий, умеющий поддержать в трудную минуту. Влад — потрясающий друг. А еще он очень симпатичный...

— Так наши роли все же поменялись, а? — он отвлек меня от мыслей. — Теперь ты мой психолог, а я твой пациент?

Я растерянно улыбнулась.

— Я прочитала книгу, которую ты давал мне, — сказала я первое, что пришло на ум.

Влад заинтересованно изогнул брови.

— И как? Тебе понравилось?

— Ну, эмм, немного необычный сюжет.

— Сложно понять, — согласно кивнул он. — Я и сам вник в сюжет только после третьего прочтения. На первый взгляд кажется, что это полный бред, но книга глубокая. В ней много правды.

И мы беседовали о «Я сижу на берегу» еще целый час. Точнее, говорил Влад, а я его, как обычно, слушала. Он, казалось, смог отвлечься от своего горя. Я никогда не сомневалась в том, что он умен не по своим годам, но иногда даже я удивлялась тому, как глубоко он может мыслить.

И я спросила у него в шутку:

— Тебе точно шестнадцать?

И впервые за то время, пока мы гуляли, Влад улыбнулся. Искренне. Широко.

— Мама тоже так говорит.

— Ты, правда, очень умный.

— Ты тоже.

— Не правда. Ты умнее.

— Мы можем спорить бесконечно.

— Так давай будем спорить, — я сделала глубокий вдох и улыбнулась, подняв голову к небу. — Нам некуда торопиться. И... у меня появилась одна идея.

Что за идея? Мы проходили мимо кинотеатра, и я собиралась пойти туда с Владом.

— Пойдем, — я потянула его в сторону здания.

— Куда мы идем? — Влад выглядел растерянным. — И что у тебя на уме, Алина? Я даже боюсь предположить...

Я хихикнула, и Влад стал пятиться назад.

— В чем дело? — спросила я.

— Куда мы идем? — повторил он.

— В кино.

Его брови медленно поползли вверх.

— Серьезно? Кино?

— Да. А что такого?

— Ну, во-первых, во-вторых и в-третьих, я слепой, если ты не забыла. Ты, правда, решила повести незрячего в кинотеатр?

— Перестань быть таким пессимистом, — я закатила глаза и шутливо стукнула его по плечу.

— Я потерял лучшего друга, Алина. Я не могу не быть пессимистом.

— Да. Я понимаю...

— Не понимаешь, — Влад нахмурился, и я метнула на него сердитый взгляд.

Я познакомилась с новой стороной Влада. Теперь я знаю, что в отсутствие настроения он похож на ворчливого старика.

— Я понимаю, — громко и медленно повторила я, и Влад коротко вздохнул. — Я тоже

любила Эйнштейна, и я тоже скучаю.

— Но ты не знала его столько, сколько я, — парировал Влад.

Я покачала головой.

— Я все равно затащу тебя в кинотеатр, — сказала я. — Хочешь ты этого, или нет.

— Все равно это плохая идея, — он скептически поджал губы. — И... у меня нет с собой денег.

— Зато они у меня есть, — я пожала плечами.

— Ты не будешь за меня платить, — Влад упрямо покачал головой.

— Позволь мне поднять тебе настроение!

— Так ты его только понизишь. Я не хочу идти в кино за твой счет... Или за чей-либо счет еще... Я вообще не хочу идти в кино!

— Я, как твой психолог, настаиваю на посещении двухчасового сеанса в кинотеатре...

— Это не смешно, Алина!

— Я и не смеюсь. Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Я тебя приглашаю.

— Обычно, парни приглашают девушек в кино, а не наоборот, — пробурчал Влад недовольно.

— Но это ведь не свидание, — мой голос резко стал робким.

Хотела бы я пойти на свидание с Владом? Да. Очень.

— Если тебе станет лучше, то потом можешь отдать мне деньги за билет, — сказала я, но сама даже и не думала брать их у него.

Влад сомневался, а это хороший знак. Он согласится. Куда денется!

— Как раз сейчас в прокат вышел фильм, на который я хотела пойти, — неуверенно добавила я.

— Ты врешь.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Я слышу это по твоему голосу. Он у тебя немного дрожит и становится хриплым, — я собиралась возразить, но он перебил меня. — Я слишком хорошо тебя знаю, Алина. И не забывай, что у меня острый слух и превосходная интуиция, которая...

— Никогда не подводит, — раздраженно закончила я за него. — Просто пойдём в кино.

— Ладно, — неожиданно сдался Влад.

— Так ты заплатишь мне за то, что погибло много нервных клеток в моей голове из-за переживаний о тебе, — с улыбкой проговорила я.

— Ты не должна переживать за меня.

— Это самая глупая вещь, которую я когда-либо слышала, Влад! Я не могу не волноваться о тебе. Ты же мой... друг, — как бы мне хотелось сказать «парень». — Ты ведь переживал за меня, когда я делилась с тобой своими проблемами? Ты переживал, когда слышал грусть в моем голосе?

Влад кивнул.

— Тогда не мешай мне делать то же самое. Я пытаюсь помочь тебе — своему лучшему другу. Будь паинькой, и если хочешь, чтобы я тебя простила за то, что ты игнорировал все мои попытки поддержать тебя после смерти Эйнштейна целых две недели, то будь добр, сходи со мной на один дурацкий фильм сейчас!

— Ладно, — тихо сказал он. — Пошли.

Мы стояли в самом конце длиннющей очереди, и я выбирала, на какой фильм идти.

— Боевик, мелодрама, комедия, фантастика, — бормотала я. — Почему нет ужастиков?

Ты любишь ужастики? — я повернулась к Владу.

— Отношусь равнодушно, — он пожал плечами.

— Ладно. Понятно. Выберу сама, — вздохнула я и снова отвернулась изучать афиши.

Я ненавидела мелодрамы, а комедия просто не подходит. Поэтому взяла два билета на типичный американский боевик, тем более сеанс как раз должен начаться через пять минут.

— Спорим, что все сейчас на меня смотрят, — наклонившись в мою сторону, сказал Влад.

Я огляделась по сторонам. На нас действительно смотрели... нет, глазели.

— Пойдем, — я взяла его за локоть и повела по коридору. — Нам нужен зал номер восемь... Так... Вот! Мы пришли.

Влад остановился. Я отдала билеты, и нас пустили в зал.

— Осторожно, ступеньки, — предупредила я Влада.

— Спасибо.

— Наши места на восьмом ряду. Тринадцатое и четырнадцатое. Чур, мое четырнадцатое.

Влад усмехнулся.

— Хорошо. Не думал, что ты суеверная.

Я слабо покраснела, но ничего не ответила. Мы заняли наши места и стали ждать. До начала фильма оставалось две минут.

— Не могу поверить, что я все-таки здесь, — пробормотал Влад, вжимаясь в темно-красное кресло. — Это пустая трата денег. Может, уйдем?

— Тогда деньги действительно уйдут на ветер. Ты можешь слушать.

— Пфф.

— Я буду рассказывать о действиях героев.

— Ладно. В любом случае, хоть кто-то из нас насладится фильмом. Может, я смогу поспать. Если так, то я признаю пользу оттого, что согласился идти сюда. Я не спал уже несколько ночей... — он резко оборвал себя.

Его последние слова насторожили меня.

— Почему? — спросила я.

— Что почему?

— Почему ты не спал несколько ночей?

Влад напрягся и замер на секунду.

— Не мог. Фильм, кстати, начинается.

— А?

И я отвернулась к огромному экрану. Сначала, как всегда, показывали трейлеры других фильмов. За это время можно было уснуть и проснуться десять раз. Когда начались вступительные титры боевика, я вспомнила, что забыла купить попкорн.

— Показывают главного героя, — шепнула я Владу. — Он... типичный коп. Ну, знаешь, высокий, накаченный дядя.

Влад усмехнулся.

Спустя пять минут он сказал мне:

— Ты потеряешь цепь повествования, если будешь рассказывать мне о каждой детали фильма. Я прекрасно слышу и могу представить, как все происходит. Так что просто смотри фильм и обо мне не думай.

В целом, кино оказалось интересным. Влад за два часа не сказал ни слова, в отличие от меня. Я даже получила в свой адрес парочку жалоб. Когда мы покинули здание кинотеатра, я предложила Владу прогуляться по набережной Реки Фонтанки.

— Спасибо за фильм, — сказал Влад. — Я все-таки уснул.

— Правда? — удивилась я. — Я не заметила...

— Ты была увлечена просмотром. Тебе понравилось?

— Да. Неплохо, но сюжет примитивный, а спецэффекты просто супер.

— Не думал, что ты любишь боевики, — признался он. — Вы, девчонки, предпочитаете мелодрамы и прочие грустные фильмы.

— Жизнь и так заставляет нас плакать. Так зачем окончательно добивать себя слезливыми фильмами? — я пожалала плечами.

— Хмм.

Мы молча шли несколько минут, и я предложила остановиться.

— О чем ты думаешь? — спросила я.

— Да так. Ни о чем. Скажи, на небе есть звезды?

— Да.

— Их много?

— Очень, — я подняла взгляд и сделала глубокий вдох. — Ты помнишь, как они выглядят?

— Конечно, — Влад грустно улыбнулся. — Такую красоту невозможно забыть. И солнце. И небо. И луну. А луна? Она есть?

— Нет. Луны нет.

— Жаль. Небо не так красиво без луны.

— И не так красиво без звезд.

— И без солнца. Но оно все равно прекрасно. Как и весь мир. Я хочу увидеть его. Я хочу видеть все. Каждую деталь, каждую мелочь, — Влад снял очки. Его ненастоящие глаза были устремлены вперед. — Но я не вижу. Ничего... Одна тьма. Я бы лучше потерял слух, чем глаза!

— Но ты бы не слышал людских голосов.

— Это не так страшно, как не видеть их вообще! — горячо воскликнул Влад.

Я вздрогнула, не ожидая такой реакции.

— Извини, — пробормотал он и опустил голову. — Я просто устал жить в темноте. Я хочу увидеть свет. Хотя бы на одну секунду! Я бы хотел, как все нормальные люди, ходить в кино. Я бы гулял целыми днями, наслаждаясь видами Санкт-Петербурга. Я бы не спал, смотрел на ночное небо, встречал рассветы и провожал закаты.

Влад страдал. Но что я могла сказать? Все будет хорошо? Это глупые слова, и они не несут в себе должный оптимизм. Если бы я была на месте Влада и услышала это, то распахнулась бы и стала кричать на того, кто сказал об этом, до потери голоса.

Поэтому я просто обняла его. Как тогда, две недели назад, на детской площадке, и в школе, когда он сказал мне о смерти Эйнштейна.

Порою простые объятия утешают больше любых слов. Я надеялась, что Влад

почувствует это — мою поддержку.

Он стоял, закрыв лицо руками, а я неуклюже обнимала его за плечи. Было так хорошо рядом с ним. По моему телу растекалось приятное спокойствие. Было бы просто замечательно, если бы Влад тоже обнял меня.

Нет ничего удивительного в том, что я влюбилась в него. Его невозможно не любить. Будь моя воля, я бы причислила его к лику Святых. Святой Владислав. С самой чистой и доброй душой. Если бы люди знали его так же, как я, они бы тоже полюбили его. И слепота здесь не причем.

Я вспомнила Максима и то, что думала, будто он мне нравится. Это было так глупо. Мне нравилась только его внешность. Я не знала, какой он внутри. Может быть, поэтому я не позволяла ему подступить ко мне ближе?

Но Влад — другое дело. Я знаю его, хотя мы знакомы намного меньше, чем с Максимом. Влад с легкостью понимал меня, а я его. Наши мысли текли в одном русле. И с ним я, в конце концов, могла быть собой. Он показал мне, как хорошо не претворяться. Мне нравится разговаривать с ним, слышать звук его голоса, смеха. Мне хорошо и уютно, когда он рядом. Он красивый. Его душа красивая.

Влад особенный. Удивительный. И мне все равно, что он слепой. Это не имеет значения, если человек хороший.

Если Бог существует, я благодарна ему за то, что он послал мне Влада.

Влад — мое спасение, странник, встретившийся заблудившемуся человеку (мне) и указавший правильный путь.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

Влад замер. Я тоже.

— Что? — его голос дрогнул.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Я не слышала ничего, кроме громких ударов своего сердца. С каждым бесконечным мгновением оно билось все быстрее и быстрее.

Тридцать ударов.

Сорок семь.

Пятьдесят.

Я только что сказала, что люблю его.

Тук-тук.

Глава пятнадцатая

Мне хотелось убежать от стыда, но я не могла оставить Влада одного. Если он потеряется, я себе этого никогда не прощу.

— Алина, — я оцепенела, когда услышала свое имя.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста» молилась я про себя. Только о чем? О том, чтобы он все-таки не услышал моего признания? Или чтобы он ответил мне взаимностью?

Я всегда была уверена в себе, в своей красоте, но с Владом это не поможет. Он не видит меня и, возможно, никогда не увидит, поэтому впервые я полагаюсь на то, что ему понравилась моя душа.

— Что ты сейчас сказала? — спросил он.

Мне не хотелось повторять это снова, точнее я боялась. Я хотела лишь обнимать его, и

чтобы он обнимал меня тоже.

Я медленно отстранилась и подняла голову. Я еще никогда не видела Влада таким растерянным и одновременно серьезным.

— Я... — мои щеки неистово пылали. Наверно, я была красной, как рак. — Извини.

Я заставила себя убрать от него руки и сделать шаг назад. Влад слабо пошатнулся, и я испугалась, что он может упасть. Но он устоял. Влад медленно развернулся всем телом ко мне.

— Ты любишь меня? — тихо спросил он.

Я сцепила перед собой пальцы в замок и задрожала.

— Да, — осторожно ответила я. — Ты мне нравишься.

О боже. Я первый раз кому-то признавалась в чувствах. Теперь я понимаю, как это волнительно. И я могу представить, что испытывают, когда получают отказ. До встречи с Владом я бы не подумала, что могу стать отвергнутой, потому что моя внешность нравилась всем.

Влад шумно выдохнул. Было темно, но благодаря хорошему зрению я увидела, как порозовели его щеки.

— Это самая приятная вещь из всех, что я когда-либо слышал, — медленно произнес он, и его глаза блеснули в темноте, как будто они были настоящими и смогли отразить радость в его душе.

— Мне можно вздохнуть с облегчением, потому что это значит, что я тоже тебе нравлюсь? — пробормотала я.

Влад улыбнулся и сделал шаг вперед. Мне хотелось взять его за руку, но я сдержалась. Вдруг, это ему не понравится? Не буду рисковать и дождусь, когда он скажет, что я тоже не безразлична ему.

— Можно мне... прикоснуться к тебе? — неуверенно попросил Влад.

Растерянно хлопая ресницами, я кивнула.

— Да. Можно.

— Спасибо, — он резко выдохнул и снял перчатки.

Подняв руку, Влад дотронулся до моей щеки. На несколько секунд его пальцы замерли, а затем стали медленно опускаться к скуле, затем поднялись и задели висок, потом левую бровь, лоб. Он подключил вторую руку и стал детально изучать мое лицо. А я стояла и наслаждалась, чувствуя себя самой счастливой.

Прикосновения Влада были совершенно иными. Словно все мои чувства обострились в десять тысяч раз.

— Я так и знал, — промолвил он. — У тебя нежная кожа.

Я улыбнулась и почувствовала ответное желание дотронуться до его лица.

— Я не вижу твоего лица, зато вижу твою душу, — Влад улыбнулся. — И она прекрасна. Я влюбился в тебя, когда мы впервые заговорили. Я знал, что не разочаруюсь в тебе. Ты удивительная девушка, Алина. И ты просто не представляешь, как я рад слышать, что ты меня любишь. Потому что я люблю тебя тоже. Я всегда тебя любил.

Мне хотелось расплакаться от радости.

— Спасибо, что даришь мне свет, — прошептал он и медленно наклонился вперед.

Я почувствовала острое напряжение, так как думала, что сейчас он поцелует меня. Но Влад неуверенно прижался лбом к моему лбу. Его руки по-прежнему оставались на моих щеках.

Поцелуя не произошло, но мне не стало от этого легче.

Я вспомнила, как Макс чуть не поцеловал меня. Тогда мне было страшно, потому что я не была готова, и потому что я не хотела этого. Вообще, к первому поцелую невозможно подготовиться. Этот прекрасный момент просто случается. Нужно желать.

И сейчас, стоя здесь, с Владом, я хотела поцеловать его.

Крепко зажмурив глаза, я подалась вперед и вслепую нашла его губы.

Мир остановился, но лишь на миг, позволив мне понять, что я действительно это сделала. А потом он закружился, или это закружилась моя голова, и я стала теряться. Время больше не существовало для меня.

Для меня не было ничего правильнее, чем быть рядом с Владом.

Нам пришлось отстраниться, потому что я стала задыхаться. И он тоже.

— Ты только что поцеловала меня, — сказал Влад.

— Ага, — я закрыла глаза.

— Это должен был сделать я.

Я улыбнулась.

— Прости. Не смогла удержаться.

Влад сипло рассмеялся.

— Это был мой первый поцелуй, — призналась я, и мои щеки запылали с новой силой.

— А у тебя?

— Тоже.

Не знаю, почему, но мне стало легче.

— Очень неплохой поцелуй для не умеющих, — подметил весело Влад.

— Да. Не могу не согласиться.

— Я люблю тебя. Спасибо, что позволила сказать тебе об этом. Теперь я буду говорить это каждый день.

— Я только «за».

Я и Влад стали встречаться. Если не считать многих деталей, то все было хорошо. Когда нас увидели в школе, держащимися за руку, у всех чуть не выпали глаза из глазниц. Особенно, у моих бывших друзей. Я едва не рассмеялась над лицом Марины, когда мы с Владом прошли мимо нее в первый день после того, как поцеловались на набережной. И Максим. Он тоже был удивлен... мягко говоря. Еще я узнала, что он и Марина расстались, но, честно говоря, меня это вообще не интересовало.

Через некоторое время нас с Владом почти не обсуждали. Я пыталась игнорировать все, что говорили в наш адрес, и это оказалось не так-то просто. Но рядом был Влад, поэтому я справилась. Мы справились.

Любить — это хорошо. А еще лучше, когда знаешь, что тебя тоже любят.

Мы много гуляли, побывали почти во всех парках Питера, но больше не появлялись в том, где началась наша дружба. Это место для Влада ассоциировалось с его умершей собакой, и хоть он не видел, но все чувствовал.

После уроков в субботу я, как и всегда, ждала приезда Павла и разговаривала с Владом.

— Как ты добираться домой без Эйнштейна? — спросила я.

Теперь Влад мог без боли в голосе говорить о своем псе.

— Просто, — ответил он, пожав плечами. — Я посчитал количество шагов от школы до остановки, и от остановки до дома.

— Ух-ты. Я бы не додумалась до этого.

Влад засмеялся.

— Я уверен, ты придумала бы что-нибудь получше.

— Теперь, когда ты со мной, ты больше не будешь так возвращаться домой, — я подошла к нему и обняла.

— В смысле?

— Павел — наш водитель, будет отвозить сначала тебя, а потом меня, — я отклонила голову назад, чтобы посмотреть на него. — Так мне будет спокойнее за тебя, — когда Влад нахмурился, я сразу поняла, что он собрался спорить со мной. — И, пожалуйста, не отказывайся, — попросила я. — В этом нет ничего такого.

— Мне не хочется доставлять тебе неудобства.

— Ты шутишь сейчас? Ты не доставляешь мне никаких неудобств. Это полный бред, Влад! Я хочу помочь тебе.

— Ты и так мне помогаешь, — он напряженно улыбнулся.

— Я пытаюсь делать все, чтобы облегчить тебе жить, — ляпнула я, не подумав. — Ой, — и, конечно же, до меня дошло, что я сказала, когда дело уже было сделано. — Прости, пожалуйста. Я не это имела в виду. Я...

— Обычно, когда люди говорят так, они именно это и имеют в виду, — изрек Влад холодно.

Мне стало ужасно стыдно за свои слова, и я прижалась к нему так сильно, как только могла.

— Прости, — прошептала я. — Прости-прости-прости-прости-прости-прости меня. Прости. Иногда я говорю глупости.

— Алина, — мягко сказал Влад, дотронувшись до моих волос. Я закрыла глаза. — Не извиняйся. Я понимаю.

— Я только что спровоцировала нашу первую ссору, — пробормотала я ему в плечо. — Но ты ее предотвратил. Ты молодец, а я нет.

Влад обнял меня.

— Ты умница, — шепнул он мне.

К нам подъехала темная иномарка, и я отпрыгнула от Влада в сторону. Я стала часто краснеть.

— Привет, — сказала я водителю, когда открыла дверцу автомобиля.

Он ответил кратким кивком и переместил взгляд немного в сторону, туда, где стоял Влад. Я тоже посмотрела на него. Он выглядел немного отчужденным и смущенным.

— Пойдем, — обратилась я к нему, потянулась и взяла его за руку. Он едва заметно вздрогнул. — Ты поедешь со мной, Влад, и точка.

Он больше не стал спорить и сделал пару неуверенных шагов ко мне. Я помогла ему сесть в машину и запрыгнула следом за ним на задние сидения. Я увидела, как на нас, точнее на Влада, пристально смотрел Павел через узкое зеркальце.

— Поехали, — сказала я ему.

Мужчина опомнился, перевел растерянный взгляд вперед и завел машину.

— Это Влад, кстати. Влад — это Павел, наш с папой водитель, — представила я их.

— Приятно познакомиться, — сказал Влад и сконфуженно улыбнулся.

Павел кивнул. Он не знал, что Влад слепой, хотя, я уверена, его озадачило то, что на моем друге очки. Никто не носит черные, похожие на солнцезащитные очки зимой.

— Может, поедем ко мне? — предложила я, внезапно осененная идеей.

Влад дернул головой в мою сторону.

— К тебе? — повторил он.

— Ну да. Ты у меня еще не был, а я у тебя уже сто раз.

— Ладно. Хорошо.

Я озарилась довольной улыбкой и крепко сжала его руку.

— У тебя всегда такая холодная кожа? — беспокойно спросила я.

Влад побледнел.

— На улице зима, — с резкой улыбкой пояснил он.

— Ну да. Конечно, — пробормотала я.

Я постаралась расслабиться и откинулась назад.

— Твой папа ничего не скажет? — спросил Влад. Он имел в виду себя.

Я еще не говорила папе о Владе. Странно, не так ли? Ведь мы уже не просто дружим, но и встречаемся.

— Нет. Его нет дома, — сказала я.

— Сегодня же суббота.

Я издала грустный вздох.

— Помнишь, что я тебе рассказывала? Работа, Юля... я не думаю, что сегодня он вообще придет домой.

Если папа пропадал не на работе, то у своей невесты. Они не торопились с ее переездом в нашу квартиру, чему я была рада. Не то, что бы я все еще недолюбливала Юлю. Мне просто еще нужно привыкнуть к ней. Пока достаточно того, что она частая гостя в нашем доме.

Я заметила, как на нас смотрит Павел, и кинула ему ответный взгляд. Он нахмурился и отвел глаза к дороге. Мы ехали в гробовой тишине, и когда машина остановилась, Влад снова вздрогнул. Он как-то странно себя вел.

— Что с тобой? — встревожилась я.

— Все нормально, — ответил он, рассеянно улыбнувшись мне.

Я решила не продолжать этот разговор в машине, при водителе, поэтому открыла дверцу со своей стороны и вышла на улицу.

— Спасибо, — поблагодарила я Павла, когда Влад вылез следом за мной.

Через минуту машина уехала.

— Пойдем? — я взяла Влада за руку.

Он кивнул.

— Здесь хорошо пахнет, — тихо сказал Влад.

Я хихикнула, ведя его к лифту.

— Дай-ка я угадаю, здесь есть зеркала... Много зеркал, — он покрутил головой в разные стороны.

— Да, — ошеломленно кивнула я. — Откуда ты знаешь?

— В лифтах дорогих домов всегда есть зеркала, — Влад пожал плечами.

— О. А я подумала, что ты увидел это, и уже хотела запищать от радости.

— К сожалению, — усмехнулся он, — этого никогда не случится.

— Где твой былой настрой? Я помню, как ты говорил мне, что надеешься дожить до времен, когда ученые придумают что-нибудь, что поможет слепым начать видеть.

Влад не ответил, и лифт остановился на нужном этаже.

— Заходи, — сказала я Владу, когда я открыла входную дверь.

Он запнулся о порог, но сумел сохранить равновесие. Я закрыла за нами дверь и скинула с себя зимнюю обувь, затем куртку.

— Раздевайся, проходи, — я взяла сумку с пола и подошла к зеркалу, чтобы поправить волосы. Из-за шапки они у меня быстро становились грязными и наэлектризовывались.

Влад неторопливо расстегнул замок куртки, попутно снимая тяжелые ботинки. Я подошла к нему и сняла с его головы черную шапку.

— Здесь ты можешь снять очки, — сказала я ему.

— Я не хочу, — он поправил их.

— Почему? Ты их никогда не снимаешь... Спишь, наверное, тоже в них, — пошутила я.

— Нет. Ночью я их снимаю.

— Окей. И в моем доме ты тоже их снимешь. Считай, что это правило. Для тебя. Я хочу видеть твои глаза.

— Они не мои. И они не настоящие.

— Они красивые. Мне нравится цвет. Твои глаза тоже были голубыми?

— Да.

— Сними очки.

— Мне не нравится, как я выгляжу без них.

— Ты же этого не знаешь.

— Я уверен.

Я закатила глаза.

— Не сердись, — сказал Влад.

— Я не сержусь.

— Сердишься. Когда ты закатываешь глаза, ты злишься.

— Как ты...

Его губы растянулись в хитрой улыбке.

— Профессиональная тайна, — ухмыльнулся он. — А если серьезно, то ты я просто чувствую это. Представляю себе. Многие люди, когда чем-то раздражены, закатывают глаза. Я тоже так делал, когда они у меня были.

— Пожалуйста, сними очки, — попросила я снова. — Я не отстану.

— Иногда ты такая упрямая...

— Я знаю. Извини. Ничего не могу с собой поделать.

— И не надо. Не меняйся. Никогда. Ты мне нравишься такой, какая есть.

Я встала на носочки и чмокнула его в щеку.

— Пошли, — я взяла его за руку. — Я покажу... расскажу тебе о своем доме.

Мы сидели в моей комнате, когда я услышала, как захлопнулась входная дверь. Влад резко повернул голову на звук, и я подпрыгнула у окна от неожиданности.

— Папа вернулся, — пробормотала я.

А Влад все еще здесь.

— Сиди здесь, — сказала я ему и направилась к выходу из своей комнаты.

Не дождавшись ответа, я приоткрыла дверь и вытянула голову. Папа прошел в гостиную,

он бросил черную мужскую сумку для документов на диван и снял галстук. Затем согнул руку в локте и посмотрел на часы.

Мне придется познакомить Влада с папой, иначе никак не удастся вывести его из дома. Волноваться не было смысла, так как я была уверена, что отец воспримет Влада хорошо.

— Привет, пап, — негромко сказала я.

Он повернул голову в мою сторону.

— Привет, дочь. Как дела?

— Нормально. Я думала, ты вернешься поздно.

— Освободился пораньше.

— По субботам ты обычно едешь к Юле, — говорила я, все еще высовывая голову через дверной проем.

— Она уехала в командировку на три дня, — ответил папа, и он был огорчен этой новостью.

Юля — главный редактор какого-то модного журнала, и мы часто болтали с ней о роде ее деятельности.

— Жаль, — сказала я, не чувствуя особого разочарования.

— У нас есть что-нибудь перекусить? Я очень голоден.

— Не знаю. Я еще не ела. Слушай, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Папа вопросительно изогнул левую бровь.

— Правда? С кем?

Сейчас увидишь.

Я засунула голову обратно в свою комнату и взглянула на Влада.

— Иди сюда, — сказала я ему.

— Ты собираешься познакомить меня со своим папой, — произнес он. Это был не вопрос.

— Да. Знаю, неожиданно. Для меня его раннее возвращение с работы тоже сюрприз.

Когда Влад подошел ко мне, я аккуратно протолкнула его в дверь и выскользнула следом, оставив позади свою комнату.

— Папа, познакомься, это Влад, — я подвела Влада к ошеломленному отцу. — Влад, это мой папа, Александр Дмитриевич.

Папа понял, что Влад слепой — на нем не было очков. Мой старик, взрослый человек, выглядел по-настоящему растерянным.

— Я, гм, приятно познакомиться, — его низкий сильный голос надломился, и он протянул руку.

— Пожми ему руку, — шепнула я Владу.

На его щеках появился легкий румянец, когда он и папа слились в робком рукопожатии.

Папа посмотрел на меня широко распахнутыми глазами.

— Влад мой друг. Мы учимся в одной школе. Он учится в десятом, — виноватым колеблющимся от волнения голосом пояснила я. Пока ему не стоит говорить, что мы встречаемся, а-то заработает сердечный приступ.

Отец громко сглотнул и посмотрел на Влада. Я усиленно пыталась понять, о чем он думал. Я знала, что когда мы останемся наедине, нас ждет серьезный разговор.

— Мне уже пора домой, Алина, — сказал Влад.

Я, встряхнув головой, улыбнулась.

— Да, — я посмотрела на папу. — Можно Павел отвезет его?

Он рассеянно кивнул, и я поблагодарила его.

Оставив шокированного отца одного, я помогла Владу одеться и спустилась с ним вниз.

— Это было ужасно, — вздохнул он. — Я не видел, но почувствовал, как удивился твой отец.

— Он поймет, — я мягко сжала его руку, и мы вышли на улицу. Машина уже ждала Влада. — Павел отвезет тебя прямо до дома и поможет тебе подняться, хорошо?

— Алина, — Влад устало улыбнулся, — я вполне могу добраться сам.

— Нет. Не можешь. Во-первых, ты не знаешь, где мы сейчас находимся.

— На Солнечной 12.

Я вздохнула.

— Но ты не знаешь, как отсюда добраться до своего дома. Во-вторых, на улице сколько, и не дай Бог ты поскользнешься. Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. На машине с Павлом будет безопаснее. Он никому не даст тебя в обиду.

— Спасибо.

— Ты еще не устал меня благодарить за все подряд? — улыбнулась я.

— Нет. И никогда не устану.

— Мы увидимся завтра?

— Да.

Я потянулась, чтобы поцеловать его, но вовремя вспомнила, что из окна на нас смотрит папа. Он любил лишний раз понаблюдать за мной, как и все родители в этом мире за своими детьми.

— Тогда пока.

— Пока.

Влад сел в машину, и я дала Павлу указания, как доехать до его дома. Я пошла домой только тогда, когда иномарка скрылась из поля моего зрения. Я переживала за Влада, но с Павлом он действительно был в безопасности. Поднимаясь, я предполагала, что может сказать о Владе папа. Но точно ничего плохого. По крайней мере, я надеялась на это.

Когда я вошла в квартиру и увидела папу, держащего в руках крепкий кофе, мое сердце пропустило один удар.

— Он слепой, — сказал папа.

— Да, — кивнула я и прошла в гостиную, собирая волосы в высокий хвост.

— Давно вы дружите?

— С октября.

Я старалась отвечать спокойно, но меня так и клонило вздрогнуть или сделать что-нибудь еще, что выдало бы мое дичайшее волнение. Меня всегда выворачивал наизнанку папин пристальный взгляд.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что этот мальчик не видит? — спросил папа.

— К чему этот вопрос? — не поняла я.

Папа поставил чашку с кофе на столик и встал с дивана.

— Он слепой, Алина.

— Ты уже говорил, — буркнула я. — И что с того? Это что-то меняет?

— Это многое меняет! — воскликнул папа и развел руками.

— Что именно? Я не понимаю.

Папа стал нервно потирать переносицу и ходить взад-вперед.

— Он... проблемный.

— Какой-какой?

Папа издал такой вздох, будто только что разгрузил целый вагон с углями.

— Он слепой!

— Ты снова это сказал, — я сердито нахмурилась.

— И повторю еще раз.

— Ты можешь объяснить мне, в чем дело? Что тебя не устраивает?

— Меня все устраивает, — папа заметался быстрее, положив руки на бока. — А вот ты... тебе не тяжело с ним общаться?

— Почему мне должно быть тяжело?

— Потому что Влад не видит. Потому что он инвалид.

— Ты взрослый человек, папа. Как ты можешь такое говорить? Влад не инвалид. Он...

— Он инвалид, Алина! — прогремел папа. Я упрямо замотала головой. Мне было так противно оттого, что мой отец так думал о Владе, и было стыдно за него. — С такими людьми сложно общаться. Тебе будет трудно.

— Я не верю своим ушам! Значит, если Влад слепой, я не могу с ним дружить? То, что он не видит, не проблема для меня. Я никогда не думала, что услышу от тебя что-то подобное, папа...

— Я просто не хочу, чтобы ты разочаровывалась, Алина, — папа остановился и посмотрел на меня через отражение в окне. Я сверлила его злым взглядом. — С такими людьми, как он, возникают трудности. Они требуют к себе больше внимания и специального ухода.

«Замолчи!» хотелось крикнуть мне.

— Ты себя слышишь, папа? — прошипела я. — Что ты такое говоришь?! Влад тоже человек! Слепота не делает его другим! Он такой же, как ты и я, просто... он не видит! Это еще не повод, чтобы не дружить с ним. Влад хороший человек, папа. Он потрясающий человек!

И мне хотелось рассказать ему, как сильно он помог мне, как не позволил сойти с ума от отчаяния, когда я запуталась в себе, своих желаниях и мыслях. Мне хотелось рассказать, какой Влад умный, и что произошло в его судьбе. Но я не стала этого делать. Если я начну, то не смогу остановиться. Есть такие вещи, которые родителям говорить не стоит. Уверена, у них такие же щекотливые темы, которые они скрывают от нас, своих детей.

— Ты уверена, что сможешь дружить с ним, Алина? — папа развернулся ко мне лицом. — Потому что я видел похожую ситуацию. В детстве я знал мальчика, который был прикован к инвалидному креслу. Он жил со мной в одном дворе. Его звали Юра. И у него был друг, которому поначалу тоже было весело и необычно дружить с ним. Но потом Юра остался один. Его друг оставил его, потому что, я думаю, не выдержал. Это тяжело, — повторил папа. — И я видел, как страдал Юра.

— Все это, конечно, печально. Но я — не этот мальчик, или девочка... Я — это я, папа. Я знаю, что смогу. С Владом легко общаться. Он понимает меня с полуслова! И я его тоже. Если бы я была не уверена, то не стала бы заводить с ним дружбу. Я не боюсь сложностей, которые могут возникнуть.

Что-то изменилось во взгляде папы. В его темных глазах я увидела что-то новое... Уважение?

— Извини меня, — тихо произнес он. — Я не хотел тебя обидеть. Я просто растерялся, когда увидел его в нашем доме. Это так... непривычно. Тебя всегда окружали другие люди, а

сейчас я не вижу ни Марину, ни других ребят, с которыми ты общалась.

— Эта дружба в прошлом, — ответила я. После того, сколько боли и неприятностей они мне причинили, я не могла позволить им иметь место в моем настоящем и будущем. Нужно оставить пространство для хороших людей, которые, я не сомневалась, еще встретятся мне.

— Хорошо, — папа кивнул. — Тебе решать, с кем дружить, а с кем нет.

— Спасибо за понимание.

— Когда ты успела повзрослеть, Алина? — охрипшим голосом произнес он и покачал головой. — Я никогда не думал, что ты можешь быть такой...

— Какой?

— Ответственной, мудрой.

На моем лице расцвела крошечная улыбка.

— Возможно, тебе стоит чуточку больше уделять внимание своей дочери, — подсказала я.

Папа низко рассмеялся и подошел ко мне.

— Я горжусь тобой, — он заключил меня в крепкие отцовские объятия.

— Я собой тоже.

Папа усмехнулся и поцеловал меня в макушку.

— Ты молодец, Алина. Ты молодец. Я не против, чтобы ты дружила с этим мальчиком. Возможно, он научит тебя многому.

Он уже научил.

Глава шестнадцатая

Я так и не увиделась с Владом в воскресенье. Он сказал, что неважно себя чувствует, поэтому весь день я просидела дома. Но скучать было некогда из-за кучи домашнего задания.

В среду, десятого декабря, мне исполнилось шестнадцать.

Еще несколько месяцев назад планировалось, что этот день будет поистине грандиозным, с классной вечеринкой дома, где будут все мои друзья из школы... Но обстоятельства изменились, и больше я не собиралась устраивать ничего подобного. Во вторник, девятого, я позвала Виолетту, Стаса и, само собой, Влада, посидеть где-нибудь в кафе и отметить мое шестнадцатилетие. Всем троим идея понравилась.

Я волновалась за Влада. Он стал выглядеть и чувствовать себя странно. Конечно, он отмахивался и говорил, что немного приболел, но я сердцем чувствовала, что с ним творилось что-то серьезное.

Проснувшись утром в среду, я не сомневалась, что этот день будет одним из самых лучших в моей жизни.

Во-первых, как только я разлепила глаза, в комнату вошел папа с блестящим конусообразным колпаком на голове.

— С днем рождения! — прокричал он и запустил хлопушку.

Я вскрикнула и закрыла уши руками.

— Папа, — простила я. — О Господи... Сколько времени?

— Просыпайся, моя на год постаревшая дочурка, — звонко рассмеявшись, сказал он.

— Постаревшая? — я откинулась на подушку. — Ну, спасибо. Это самые желанные слова для шестнадцатилетней девочки.

— С дней рождения, моя маленькая бука.

Папа склонился надо мной и заключил в крепкие объятия.

— Не хочешь открыть свой подарок? — отстранившись, он откуда-то достал небольшую коробочку в яркой обертке, потряс ее, и я услышала соблазнительный гремящий звук.

— Еще спрашиваешь? Конечно же, хочу, — мысли о сне тут же отступили на второй план. Я скинула с себя одеяло, встала с кровати и забрала у папы коробочку. — Что там? — я снова ее потрясла.

— Откроешь и увидишь, — с ослепительной улыбкой проговорил папа.

Я одним движением избавилась от праздничной обертки и увидела бархатную шкатулочку. Ммм, кольцо? Кулон? Сережки? Брошь?

Я открыла ее.

Там лежали мои первые бриллиантовые сережки, самые потрясающие из всех, что мне когда-либо доводилось видеть в своей недолгой жизни.

— Они чудесны, — пролепетала я, зачарованно глядя на то, что лежало в шкатулочке.

— Примерь их, — сказал мне папа.

Я подошла к зеркалу и надела серьги.

— Спасибо, — я кинулась к папе и стиснула его в объятиях.

— Ох, Алина, как ты успела стать суперменом за одну ночь? — театрально прохрипел он, делая вид, что задыхается.

Я рассмеялась и поцеловала его в щеку.

— Этой твой день, красавица, — папа потрепал меня по щеке. — Я знаю, что может быть для тебя, бунтующего подростка, лучше бриллиантовых сережек. Прогулять школу в день рождения.

— Я не бунтующий подросток, папа. Пстой. Ты разрешаешь мне не идти сегодня в школу?

Он кивнул.

— Вау. Сегодня прямо день чудес!

— Но только сегодня! — он поднял указательный палец, шутливо грозя мне.

Возможно, нет, стопроцентно, на моем месте любой подросток планеты согласился бы провести денек дома. Но я не хотела пропускать уроки. Точнее уроки я бы с удовольствием прогуляла, но встречу с Владом пропустить не могла.

— Нет, — я покачала головой, снимая сережки и кладя их в бархатную шкатулочку. — Я пойду в школу.

— Правда? — искренне улыбнулся папа и почесал затылок. — И чем я заслужил такое чудо, как ты, которое добровольно отказывается от королевского подарка на день рождения в виде прогула школы?

Я усмехнулась и посмотрела на него снизу-вверх.

— Не знаю. Благодарю за это Бога, — я показала большим пальцем на потолок. — Он тут все решает.

Папа снова притянул меня к себе и поцеловал в волосы.

— Я и так благодарю его каждый день, — прошептал он.

На кухне меня ждал еще один сюрприз. Шикарный завтрак.

— Ты приготовил это сам? — недоверчиво спросила я, усаживаясь за стол.

— Но не без помощи, — признался папа.

— Дай угадаю. Юля?

— А кто же еще? Завтраки в ее исполнении просто превосходны, — он издал мечтательный вздох. — Кстати! Она подготовила тебе подарок, но вчера ей снова пришлось лететь по работе, поэтому я поздравлю тебя за нее, — папа вышел из-за стола и куда-то исчез. Через минуту он вернулся снова с маленькой коробочкой в руках. — Держи.

— Спасибо.

Я взяла подарок и распечатала его. Внутри были дорогие духи известной марки и записка, где аккуратным подчерком было написано:

«С днем рождения!

Каждая уважающая себя женщина, девушка должна вкусно пахнуть.

Надеюсь, эти чудные духи тебе понравятся. Выбирая их, я представляла себе тебя: нежную, утонченную, воздушную и прекрасную.

Ты затмишь всех!

Пусть все девочки школы завидуют тебе, юная принцесса!»

— Это мило, — пробормотала я, кладя записку обратно в коробочку. — Передай ей от меня огромное спасибо.

В школе меня встретила с радостным возгласом Виолетта. Только я переступила порог, как она кинулась на меня и стала напевать песенку на английском «С Днем Рождения». Я, конечно, была тронута, но расстроилась, так как не видела Влада. Неужели, он сегодня не придет?

Все мои страхи развеялись, когда я заметила его, стоящего в гордом одиночестве, у первого к выходу из школы окна. Я поспешила к нему.

— Привет, — сказала я, остановившись рядом.

Он широко улыбнулся и протянул ко мне руки. Я обняла его, на нас снова все смотрели.

— С днем рождения, — охрипшим голосом поздравил Влад.

Я отстранилась от него.

— У тебя болит горло? — взволновалась я.

— Нет, — он покачал головой, все еще улыбаясь.

— Тогда почему у тебя такой голос? Ты заболел, Влад. Нужно было остаться дома.

— Я в порядке, Алина. Не беспокойся за меня.

— У тебя нет температуры? — я пропустила его слова мимо ушей и приложила руку к его лбу. Он был горячим. — Ты сумасшедший?! Пришел в школу с температурой!

Влад вздохнул и перестал обнимать меня.

— Не хотел портить тебе праздник. Ты бы расстроилась, если бы я не пришел.

— Ты мог поздравить меня по телефону.

— Я хотел сделать это лично.

— Господи, Влад, ты же заболел! — воскликнула я. — Иди в медпункт и отпросись домой. Пожалуйста.

— Алина, — рассмеялся он. — Я думал, что моя мама может задушить своей заботой любого. Но ошибался. Ты затмила ее.

Я нахмурилась.

— Поход в кафе отменяется, — сказала я. Улыбка на лице Влада померкла. — Сегодня мы будем сидеть в твоей комнате и пить всякие таблетки с пилюлями от простуды.

— Нет. Сегодня мы идем в кафе, праздновать твой день рождения. Я приготовил тебе подарок, который собираюсь вручить там.

— Ты можешь отдать мне его потом. Твое здоровье важнее, чем празднование какого-то

дурацкого дня рождения, Влад!

— Во-первых, оно не какое-то. Во-вторых, оно не дурацкое. Оно твое. Я не умру, если не начну лечиться сегодня. Обещаю, завтра же уйду на больничный, хотя волноваться не о чем. Даже если я простудился, и что? Это не смертельно, — его голос дрогнул на последнем слове.

Я хотела, чтобы Влад пошел сегодня в кафе, но ему было нехорошо, и я сомневалась до последнего.

— Ладно, — сдалась я. — Но завтра...

— Завтра — это завтра. Не думай об этом сегодня, в свой день рождения. Радуйся и наслаждайся праздником, Алина, вместе со мной и друзьями.

Вечер, проведенный в компании Влада, Виолетты и Стаса, был чудесным. Я, честно, старалась не думать о подорвавшемся самочувствии Влада, и он пытался делать вид, будто в порядке, но я видела, что это не так. Мы оба претворялись этим вечером.

Когда небольшое торжество закончилось, и Виолетта со Стасом ушли, я осталась с Владом. Мы стояли у входа в кафе, я убирала подарки друзей в сумку.

— Я ждал, когда мы останемся вдвоем, — сказал Влад.

— А? — я подняла голову.

— Это тебе.

Я увидела в его руке диск в черной упаковке.

— Здесь записаны мои самые любимые песни, — пояснил он, улыбнувшись. — Я подумал, что ты тоже захочешь послушать их. Мы никогда с тобой не слушали музыку...

— Спасибо, — поблагодарила я и взяла диск. — Это потрясающий подарок. Правда. Я обязательно его послушаю. Сегодня же.

Я бы обрадовалась чему угодно из его рук.

— Я долго ломал голову над тем, что тебе подарить, и решил принести в подарок то, что никогда не закончится, не исчезнет, не сломается. Музыку. Она бесконечна, — он сделал глубокий судорожный вдох. — Эти песни всегда будут напоминать тебе обо мне, где бы ты ни находилась, и где бы ни находился я.

Я поместила диск между ладонями и поцеловала Влада в щеку.

— Спасибо, — еще раз сказала я.

Когда я отстранилась, глаза Влада были зажмурены, а скулы напряжены.

— Что с тобой?

— Ничего, — процедил он сквозь зубы.

Я быстренько убрала диск в сумку к остальным подаркам и положила руки на плечи Влада. Мышцы были тверже камня под моими ладонями; я чувствовала, как он напряжен, даже через толстую зимнюю куртку. Мое сердце билось так быстро, что под его ритм только чечетку отбивать.

— Влад? — тихо позвала я его.

Он сильнее стиснул зубы, а затем резко выдохнул.

— Все хорошо, — прошелестел он. — Все хорошо.

— Чушь. Тебе плохо, — мой голос предательски дрогнул. — Надо вести тебя домой.

— Нет! — с болью воскликнул Влад, чем окончательно запутал меня. — Давай

погуляем. Пожалуйста. Мне нужен свежий воздух. Мне нужно дышать, — он шумно втянул в себя морозный воздух и сохранил в его себе на несколько мучительных для меня секунд.

— Погуляем, когда тебе станет лучше, — пробормотала я. — Влад, ты меня пугаешь.

Его лицо исказилось от необъяснимой боли.

— Ты права. Я заболел. Но я начну лечиться завтра. Ох, Боже, Алина, — я так хотела понять, что терзало его, но он не давал мне понять этого. — Сегодня я хочу просто гулять. С тобой. Посмотри, как замечательно на улице! — он пытался сделать свой голос жизнерадостным, но из него निकудышный лжец. — Сегодня хороший день, — Влад нашел мои руки на своих плечах и крепко сжал их. — Сегодня твой день.

— Тебе нужно домой, Влад, — готова была умолять я.

— Мне нужно быть с тобой, — он наклонил голову вперед и уткнулся лбом в мою щеку. Что с ним происходит? Почему он ведет себя так странно? Мне нужны были ответы. Снова. Что-то происходило, и я ненавидела не знать, что именно. — Только сегодня, Алина. А завтра я начну лечиться, — он перешел на шепот. — Завтра я буду лечиться, — повторил он.

Я обняла его за плечи, теснее прижимая к себе. Мою душу сковала необъятная тревога.

Мы прогуливались по городу и молчали. Время от времени Влад вздрагивал, будто от боли, и останавливался, но через секунду шел дальше. Я больше не пыталась спросить, что с ним, так как поняла, что он мне не ответит, даже если знает причину своего ухудшенного самочувствия. Но и оставлять это я не собиралась.

— На небе есть луна? — спросил меня Влад.

Он спрашивал меня об этом каждый раз, когда мы гуляли по вечерам.

— Да, — ответила я.

— Опиши мне ее, — попросил он.

Я перевела взгляд к нему.

— Она большая, красивая и белоснежная. А вокруг нее полно ярких звезд. Они как бриллианты, рассыпаны повсюду. На это можно смотреть вечность.

Губы Влада дрогнули в улыбке.

— А солнце? Как ты думаешь, оно будет завтра?

— Не знаю, — я пожала плечами.

— Его давно не было. Я хочу, чтобы оно светило. Всегда. А ты?

— И я. Я соскучилась по его теплу. По летнему солнцу. Мне не хватает этого.

Мы снова молчали, просто шли, держась за руку.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя? — спросил Влад.

Я кинула в его сторону обеспокоенный взгляд.

— Конечно. Я знаю это.

— Хорошо. Никогда не забывай. Не забывай, кто ты есть, и больше никогда не пытайся стать другой. Запомни, ты прекрасна такая, какая есть. Это и делает тебя удивительной, не похожей на остальных, потому что все люди носят маски, — Влад крепче сжал мою ладонь. — Я люблю тебя по-настоящему. Это не какая-нибудь подростковая влюбленность.

— И я, — дрожа, кивнула я.

Почему он так говорит? Нет, я была безумно рада слышать это. Я счастлива каждый раз, когда он говорит, что любит. Но сейчас его голос звучал по-другому, не так, как обычно, и меня это настораживало еще сильнее.

— Знаешь, я не понимаю, что происходит, — сказала я откровенно.

— Все хорошо, — отозвался Влад. — Все будет хорошо. У тебя все будет хорошо.

— У нас, — поправила я.

Он промолчал.

В восемь мне позвонил папа и сказал, что дома меня ждет сюрприз. Еще он послал за мной Павла к дому Влада, так как мы уже были там.

— Обязательно послушай диск, — напомнил Влад.

— Да. Там много песен?

Он улыбнулся одним уголком губ.

— Достаточно. Тебе надолго хватит.

— Когда-нибудь мы должны послушать их вместе. А еще я тоже запишу на диск свои любимые песни и дам тебе, ладно?

— Ладно.

Через десять минут машина остановилась у подъезда. Приехал Павел.

— Завтра не приходи в школу, — сказала я Владу.

— Не приду, — кивнул он.

Я поджала губы и на прощание обняла его.

— С днем рождения, — прошептал Влад и отпустил меня. — Пока.

— Я позвоню тебе завтра после уроков.

Он не ответил, поднял руку и неуклюже махнул мне. Я залезла в машину, и она тронулась с места. Я смотрела на Влада до тех пор, пока мы не выехали со двора.

Я даже представить себе не могла, КАКОЙ сюрприз ждет меня дома.

Мама.

Когда я увидела ее, все внутри меня застыло. Я превратилась в сгусток смешанных ощущений.

— С днем рождения, Алина, — певуче произнесла она, встретив меня с ослепительной улыбкой.

Что? Как? Когда?

Я заблокировала свой внутренний голос и расплакалась от счастья. Я побежала к маме и кинулась в ее объятия. Не нужно было никаких слов, чтобы выразить, как сильно я скучала, и как она скучала по мне.

Мы обнимались, наверно, целую вечность. Когда я выплакала годовой запас слез, то заметила, что у мамы просто огромный живот.

— Через три месяца у тебя появится братик, — с любовью сказала она и накрыла живот рукой.

И я обрадовалась сильнее.

Мы проговорили с мамой весь оставшийся вечер. Я не хотела с ней расставаться, и на ночь она осталась у нас, хотя остановилась в гостинице.

Перед сном я достала диск, подаренный Владом, вставила его в ноутбук и скинула все песни на него.

Я не смогла послушать их сегодня, так как просто валялась с ног, но завтра обязательно собиралась сделать это.

Мы прогуливались по городу, и мама ела сочный пирог с картошкой и мясом, который купила в кулинарии.

— Я соскучилась по России! — воскликнула она и надкусила пирог. — И по здешней еде. Это такая превосходная еда, Алина! Ты просто не представляешь.

Я рассмеялась.

— В Нью-Йорке все по-другому, — продолжила она, — хотя есть много разных вкусовностей. Ох, я стала так много есть...

— Ты питаешься за двоих, — сказала я. — Не забывай.

— Да, — хихикнула мама и вытерла салфеткой, которую достала из сумочки, уголки рта. — Чувствую, малыш родится крепким.

— Майкл, наверно, сошел с ума от счастья.

— Да, — мама грустно улыбнулась и посмотрела на меня. — Наверно, ты расстроена, что будет мальчик.

Я пожала плечами.

— Нет. Это здорово. Думаю, я бы не хотела младшую сестру.

Улыбка мамы стала теплой, и она обняла меня. От одного прикосновения я почувствовала себя счастливой.

— Ты так изменилась, Алина, — сказала она. — Я не узнаю тебя.

Я усмехнулась.

— Люди взрослеют и меняются.

— Может, ты просто влюбилась, а? — тон ее голоса стал игривым, и я не могла не рассмеяться. — Посмотри-ка, покраснела! Точно, влюбилась! Рассказывай, кто он?

— Перестань, мам, — я покраснела и опустила голову.

— Что перестань? Рассказывай, кто твой мальчик?

И я рассказала ей о Владе. Мама была так же ошарашена тем, что я дружу со слепым, как и папа.

— Это... смело, — в итоге, сказала она.

— Смело? — я выгнула бровь и взглянула на нее.

С лица мамы ушла безмятежность, оно стало серьезным. Я давно не видела ее такой, с учетом того, что мы видимся один-три раза в год.

— Не каждый сумеет... общаться с тем, кто не может видеть, Алина, — пояснила она мягко.

— Да. Папа примерно то же самое говорил. Но мне легко с ним общаться, — я вздохнула, нагнулась к сугробу и сжала в руке горстку снега. — Влад хороший. И, знаешь, он помог мне, — я никому еще не говорила о том, через что Влад прошел вместе со мной, но мне захотелось поделиться с этим мамой. Я не сомневалась, что она поймет меня. Все-таки, женщины мыслят на одной волне, и им не надо объяснять все так доходчиво, как мужчинам. — Было время, когда я думала, что свихнусь, — я невесело усмехнулась и сжала в руке тающий комочек снега. Кожу жгло от холода, но я терпела. — Я потеряла лучшую подругу, и вообще, почти всех, с кем дружила столько времени...

— Марину? — удивленно перебила меня мама. — Вы больше не общаетесь? Но вы же так дружили!

— Ей нравился Максим, — стала пояснять я. Мама знала его и всех, с кем я была в компании. — А ему нравилась я, и он, вроде как, тоже мне нравился... В общем, все это

очень запутано. Однажды мы поругались, а потом я увидела Максима и Марину вместе, — я поморщилась, так как вспоминать об этом было неприятно, хоть и не доставляло боли. — Тогда Марина сказала о том, что чувствует к Максиму, и нашей дружбе пришел конец.

— Мне так жаль, милая, — мама ободряюще похлопала меня по плечу. — Женская дружба — эта коварная и очень опасная вещь.

— Тоже думаешь, что ее не бывает? — я закатила глаза с улыбкой.

— Нет. Она есть, но встречается очень редко, — она вздохнула. — И что этот Влад?

— Он помог мне, — я опустила глаза вниз. — Оказался рядом, когда мне нужна была поддержка. Знаешь, мам, он удивительный. Правда. Я думаю, в мире больше нет таких людей, как он, и никогда не будет.

— Так говорят все, кто влюблен, — мама понимающе кивнула. — Ты любишь его, поэтому так говоришь.

— Нет. Он действительно необыкновенный. Если бы не он, я бы пропала, — я осторожно подняла голову и посмотрела на маму. — Влад умный, добрый, понимающий, честный и искренний. Он единственный, кто никогда мне не лгал, — мой голос снизился до шепота. — Ни в чем.

— Тогда я рада, милая, что он появился в твоей жизни.

— И я.

Мама уехала через пару дней после моего дня рождения. Один день мне все-таки удалось провести с ней.

Влад пропал.

Если бы он не отвечал мне на звонки хотя бы день, я бы не стала волноваться. Нет, я бы волновалась, но не сходила с ума от незнания. Он не звонил и не отвечал неделю, или около того. Честно говоря, я сбилась со счета. Каждый день становился невыносимее предыдущего. Я чувствовала себя такой одинокой без него.

Я пыталась занять себя всем, чем только могла, на что хватало моей скудной фантазии. Я гуляла с Виолеттой и Стасом, я уделяла домашним заданиям времени столько, сколько еще никогда не уделяла. Я каждый день слушала диск, который подарил мне Влад. Я пыталась отвлечь себя просмотром кино, и за последние дни просмотрела около сотни фильмов.

Я металась из стороны в сторону, бездумно бродила по комнате, не зная, что делать. И как бы я ни старалась отогнать от себя мысли о Владе, я все равно думала о нем. Думала постоянно, беспрерывно, и все равно безнадежно.

Может, с ним случилось что-то серьезное? Ведь в последний раз, когда мы с ним виделись на моем дне рождения, он чувствовал себя плохо. Может, он попал в больницу? Или он не хотел со мной общаться, решил расстаться?

Я перекручивала в голове сотни, тысячи вариантов, и не могла найти себе покоя.

— Ты сама не своя, Алина, — сказал папа, когда мы завтракали.

Я водила ложкой по тарелке и тяжело вздыхала.

— Влад не отвечает на мои звонки, — объяснила я.

— А ты ходила к нему? — папа отпил кофе.

Я застыла.

Я бывала у него каждый вечер. Стояла под дверью, как брошенный щенок, и ждала, пока мне кто-нибудь откроет дверь. И каждый вечер я уходила ни с чем. Ни Влада, ни его мамы не было дома.

— Да, — запоздало отозвалась я.

По моему выражению лица папа понял, что мне так и не удалось встретиться с Владом.

— Это ужасно, — сказал он. — Мне жаль.

— Ага. Я пойду собираться.

— А как же завтрак?

— Не хочется. Аппетита нет.

Мой ответ вызвал у него беспокойство, но он промолчал и согласно кивнул.

— Хорошо. Иди.

У меня не было никакого желания появляться в школе, но я не могла пропускать занятия. Через две недели начнутся зимние каникулы. Мне осталось отмучиться еще четырнадцать дней. Смогу ли я достучаться до Влада к Новому Году?

Сегодня была контрольная по алгебре, которую, я уверена, провалила, потому что мои мысли были далеко не об уравнениях и квадратных корнях. Я ходила растерянная весь день и не на шутку встревожила своим поведением Виолетту.

— Ты меня пугаешь, подруга, — сказала она мне в столовой.

Я лишь пожала плечами. Мне нечего было ответить.

— Скучаешь по Владу, — поняла она.

Я слабо кивнула, смотря на поверхность стола.

— Кстати, — сказал Стас с забитым ртом. — Я видел его вчера.

Я резко подняла голову и впиалась в Стаса пронзительным взглядом.

— Где? Когда? Во сколько?

Он растерянно жевал еду и громко глотал ее.

— Эээ, у больницы, время не помню.

У больницы. Значит, он все-таки болен.

Черт. Конечно же, он болен.

Но что с ним? И почему он игнорировал мои звонки? Что происходит? От всех этих вопросов на глаза навернулись слезы, но я не стала плакать на глазах у всех. Я должна быть сильной.

Как только прозвенел звонок с последнего урока, я первая вылетела из класса и побежала в раздевалку. На улице я снова позвонила Владу. Честно говоря, я не надеялась, что он ответит мне, но мое билось так быстро, словно чувствовало, что сейчас я услышу его голос.

— Привет.

Я впала в оцепенение и не могла ничего не сказать.

Его голос... он звучал так обыденно, словно наш последний разговор состоялся вчера, а не неделю назад.

— П...привет, — пробормотала я. — Я... Господи, Влад, почему ты не отвечал мне? Где ты? Что с тобой? Когда ты придешь в школу? Когда мы сможем увидеться?

Молчание.

— Да. Нам надо поговорить, — сказал он, и мне не понравился его голос. — Давай

встретимся на нашем месте, у той лавочки.

Мы не были там очень давно, и я удивилась, когда он предложил это место.

— Ладно, — согласилась я. — Хорошо. Во сколько?

— В пять.

Это было наше время.

— Я приду, — мне хотелось расплакаться от счастья. — Как ты? Как себя чувствуешь?

— Я в порядке, — ответил он, многозначно вздохнув. — Правда. До скорого. Мне надо идти.

Я не успела опомниться, как услышала короткие гудки. Я должна была собраться с силами. Что-то странное происходило с Владом. Он никогда не разговаривал со мной таким холодным и равнодушным голосом. Может, он разлюбил меня?

«Нет, только не думай об этом» приказала я себе и крепко зажмурила глаза.

Я нервничала, когда собиралась выходить из дома и идти в тот самый парк, где все началось, и где могло закончиться. Предчувствие — дурацкая штука. Она не позволяла мне спокойно дышать и мыслить здраво. Я боялась и не знала, чего именно.

Была метель. Погода взбунтовалась не на шутку. Такой же хаос творился у меня в душе.

Бурная река воспоминаний влилась в мое сознание, когда я пришла к нашему с Владом месту. Парк был пуст, как и тогда, когда мы впервые здесь встретились. Только тогда лил дождь, а сейчас идет снег. За несколько месяцев это место впитало в себя столько эмоций, как плохих, так и хороших. Мне никогда не удастся от них избавиться. Да и я не захочу этого.

Сквозь пургу вдаль я увидела одинокий черный образ человека. Я знала — это Влад. Мне хотелось сорваться с места, кинуться ему в объятия и не отпускать. Но помимо радости я испытывала удушающую тревогу, постепенно окисляющую мой разум.

Влад становился ближе. Волнение в груди росло.

— Привет, — я напряженно улыбнулась.

Влад медленно подошел ко мне. Я внимательно изучала его лицо. Оно изменилось. Сейчас оно было пустым, ничего не выражающим. Словно маска. Пугающая маска. Я все больше убеждалась в том, что моя тревога не напрасна.

— Привет, — наконец, ответил он.

И голос. Что стало с его голосом?

— Что-то случилось? — не выдержала я и спросила. — Потому что ты ведешь себя странно. Ты не отвечал на мои звонки, тебя не было дома. Я приходила. Каждый день, — я чувствовала неловкость, когда признавалась в этом. Но он должен был знать, что я пыталась всячески достучаться до него, что мне не все равно.

С непроницаемым спокойствием на лице Влад «смотрел» на меня. От странного предчувствия сердце бешено заколотилось в груди. Я взволнованно переступила с ноги на ногу.

— Влад? — мой голос дрогнул.

Он медленно втянул в себя холодный воздух, словно собирался с чем-то.

— Я уезжаю, — наконец, сказал Влад.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Мое сердце начинало сходить с ума.

— Куда? — спросила я.

— В другой город.

— И надолго?

— Навсегда.

Я бесшумно ахнула.

Что? Как навсегда? Зачем навсегда?

С огромным трудом я пыталась побороть в себе стремительно нарастающую панику. В груди что-то кольнуло. Боль. Никогда прежде я не испытывала ничего подобного.

— Но... почему? — бессильно произнесла я, опустив плечи на шумном выдохе.

— Так решила мама, — сразу ответил Влад.

— Когда?

— Завтра.

Я нахмурилась.

Что-то не так в его поведении.

— Почему ты говоришь мне об этом только сейчас? — мой голос предательски дрожал, но сейчас было все равно. — Почему не сказал раньше?

Мои глаза растерянно забегали по его лицу. Странное чувство опустошенности образовалось внутри. Голова закружилась, колени задрожали, и перед глазами все поплыло. Красивое лицо Влада медленно превращалось в неясное пятно.

— Куда вы уезжаете? — спросила я, сжав руки в кулаки.

— Обрато, в Лугу, — ответил он.

— Это не так далеко. Я могу приезжать к тебе. Мы будем видеться по выходным.

— Нет. Не будем, — его голос стал тихим.

— Почему? — я ненавидела, ненавидела это слово.

— Потому что я этого не хочу.

— Что? — теперь я действительно ничего не понимала. — В смысле, не хочешь?

— Мы больше не увидимся, Алина, — так и не ответил он. — Никогда. Я уезжаю и не вернусь сюда. И ты не будешь ко мне приезжать в Лугу. На этом все. Точка.

— Мы больше не увидимся, — прошептала я.

Влад ответил быстрым кивком.

Слезы хлынули из глаз.

Я закрыла глаза и опустила голову. Он слышал, что я плачу, но молчал. В абсолютном смятении я простояла несколько минут, и Влад терпеливо ждал, когда я буду готова сказать ему «прощай». Но я не могла! Не могла, потому что не хотела, чтобы он уезжал. Не хотела мириться с той мыслью, что больше никогда его не увижу! Ведь все было хорошо... Что не так?!

— Но так нечестно! — вслух воскликнула я последние слова своей длинной мысленной речи.

На лице Влада лишь на миг промелькнуло удивление, а потом снова появилась непроницаемая маска равнодушия.

— Почему я должна прощаться с тобой? — прокричала я с обидой. — Не хочу! Я не скажу тебе «прощай»!

— Я все равно уеду, — ровным голосом произнес он.

Это означало конец. Конец всему. Разговорам, улыбкам, смеху, объятиям, поцелуям...

Я кое-что поняла.

— Ты попрощался со мной еще тогда, — промямлила я и посмотрела на Влада. — В мой день рождения, — ему не нужно было ничего говорить, чтобы я поняла, что права. Он сделал вдох и сильно сжал губы, словно от боли. — Я еще не могла понять, почему ты себя

так странно вел... О боже, — я несильно сдавила рукой горло. Я задыхалась от слез. — Ты попросил не забывать тебя, и еще этот диск... Ты хотел, чтобы я помнила тебя, потому что знал, что уезжаешь... Боже, — повторила я.

Я закрыла лицо руками и пошатнулась назад. Невыносимая боль разрывала душу изнутри, выворачивала наизнанку, и ничто не могло избавить меня от нее. Только если Влад возьмет свои слова об уезде назад и останется здесь, со мной.

— Ты оставляешь меня, — плакала я. — Как я без тебя?

— Ты будешь жить дальше, — Влад слабо пожал плечами. — Это всего лишь я. И я всего лишь уйду из твоей жизни. Это нормально.

Его слова обидели меня до самой глубины души. Я убрала руки и со злобой посмотрела на него. Мне хотелось возненавидеть его за то, что он только что сказал.

— Никогда не смей так говорить, — я медленно помотала головой. — Ты много значишь для меня, Влад, и это правда! Ты знаешь об этом! Ты знаешь, что я люблю тебя! Я... не смогу без тебя.

— Ты преувеличиваешь, — напряженная улыбка коснулась его губ. — Рано или поздно я бы все равно ушел.

— Не продолжай, — оборвала я его. — Пожалуйста, не уезжай! Я умоляю тебя, не оставляй меня!

Сейчас мне хотелось, чтобы он увидел меня, хоть я и выглядела жалко. Я хотела, чтобы он понял, как я не хочу отпускать его.

Влад ответил на мою мольбу беспощадным молчанием.

— Скажи, если я что-то делаю не так, то...

— Остановись, — Влад протянул руку и дотронулся до моего плеча. Я вздрогнула, борясь с желанием крепко обнять его. — Дело не в тебе. Просто так нужно, и все. Это... сложно объяснить.

— А ты попытайся! — потребовала я отчаянно.

— Не буду, — его брови сошлись у переносицы. Он убрал руку с моего плеча и опустил ее.

Я вздохнула пару раз.

— Ты ворвался в мою жизнь, перевернул ее с ног на голову, а теперь хочешь просто уйти?!

— Мне тоже будет нелегко, Алина. Но я должен, — впервые за весь разговор боль прорвалась в его голосе, и причинила мне еще больше мук. — Мы должны. Так надо. Так будет лучше.

— Для кого? — вскрикнула я. — Для тебя? Для меня?

— Я не могу это исправить, — Влад стиснул зубы. — Я ничего не могу изменить.

И я сдалась.

Вот он — конец.

Влад больше не сказал мне ни слова.

Он просто ушел.

Развернулся и ушел. От меня. От того, что между нами было. Он оставил меня позади, как и все наши разговоры. Я больше не увижу его, и он не услышит моего голоса.

Стоя на краю своих мыслей, задержав дыхание настолько сильно, что было слышно, как сердце замедляет свой бег, я расставалась с тем, кого боялась потерять. Я знала, что никогда не повторится то, что было, никогда не вернусь туда, где счастье раздирало мою грудную клетку, никогда не прикоснусь к тому, кто ушел.

Обняв себя руками, я смотрела вслед отдаляющейся фигуре и чувствовала, как осколки сердца безжалостно резали душу.

Теперь мир казался мне другим.

Набрав полную грудь, я поняла, что воздух пуст. Он стал таким же, как и все вокруг.

Сказать, на что похожа жизнь? На американские горки. Моя, по крайней мере, точно. Сплошные взлеты и спуски... К сожалению, спусков больше. Падать так больно. А еще больно терять тех, к кому ты привык, и кого ты любил.

Люди уходят. Их опасно подпускать к себе. Привязавшись, мы уже не способны отпустить. Чем ближе они к сердцу, тем тяжелее потом будет переносить их уход.

Глава восемнадцатая

Я чувствовала себя брошенной, одинокой, покинутой... можно перебирать бесконечно эти глупые эпитеты. Ничто из этого не отразит то, что я на самом деле чувствовала. Эти ощущения душили меня, не давали покоя ни днем, ни ночью. Я не знала, куда мне деться от этой безысходности.

Прошла целая неделя. Или две. День для меня равнялся теперь двум. Здорово, правда?

Каждое утро, когда я с ужасом распахивала глаза, мне с огромным трудом удавалось верить, что мною прожит еще один день... невероятно долгий, бесконечный день. Когда я осознавала это, мое разобранное на части сердце начинало биться с бешеной скоростью; слезы накатывались на глаза, и я не пыталась их сдерживать.

Влад.

Я вспоминала его каждый день. Я ужасно скучала по нему. Я звонила, я писала смс-ки. Он действительно ушел. Ушел. Если в прошлый раз, когда он так исчез после моего дня рождения, я знала, что мы обязательно встретимся, то сейчас он был наглухо отрезан от меня многотонной бетонной стеной расстояния.

Я будто оказалась в своем самом худшем кошмаре. И каждый раз я надеялась проснуться в своей комнате, увидеть солнце, а потом услышать голос Влада.

Но я не просыпалась, и Влада больше не было. Удивительно, как жизнь жестоко играет с судьбами людей. Сначала дарит им счастье, а потом безжалостно отнимает. Это нечестно.

Мой кошмар, длившийся с того момента, как Влад ушел от меня в парке, продолжался до сих пор.

Очередное утро выдалось для меня таким же унылым, как и предыдущие, не смотря на то, что в окна проникали слабые солнечные лучи. Все пробуждалось, встречая новый день... все, кроме меня.

Несмотря на все свое нежелание что-либо делать, я заставила себя сделать глубокий вдох и встать с кровати. Надо продолжать жить дальше, как бы тяжело ни было.

Расставание. Брр. От одного слова меня бросило в яростный жар. Оно неизбежно, я

понимала это, так как никогда не пыталась строить воздушных иллюзий о том, что любовь вечна (хотя мне бы хотелось так считать, как и любой другой девочке). Но я не думала, что встречу с этим лицом к лицу так скоро. Мне не хватило времени, чтобы насладиться этим чувством.

Любовь такая противоречивая. Сначала дает тебе, потом забирает, причиняет боль и сравнивает с землей, уничтожая окончательно. Наверно, если бы меня слышали взрослые, то они сказали бы, что я еще ничего не понимаю, потому что молода. Но я понимаю. Я знаю, что чувствовала, когда Влад был со мной, и что чувствую сейчас, когда его нет.

Я стала призраком. Самым настоящим призраком, без желаний и эмоций.

И, да. Время вовсе не лечит людей, оно делает их пустотой.

В гостинной меня ждал папа.

— Ты должна взять себя в руки, Алина, — сказал он мне, когда я стояла у окна и смотрела на Большую Невку. — Ты не первая, кто расстается, и не последняя. Я знаю, что тебе нелегко оттого, что Влад уехал. Но, дочка, это еще не конец света.

Я понимала. Но попробуйте объяснить это сердцу?

— Осталась неделя до каникул, — продолжил папа. — Доучись, чтобы не было проблем. А потом, если хочешь, можем куда-нибудь уехать. Я, ты и Юля. Я возьму отпуск на работе. Поедем на море, или на какой-нибудь горнолыжный курорт... Я сделаю все, что захочешь!

Я ничего не хотела. Я не хотела никуда уезжать. Я не хотела видеть море, и солнце, и вообще весь мир.

— Все нормально, пап, — сказала я, глядя в одну точку.

— Ничего не нормально, Алина! — воскликнул он с обжигающей болью в голосе.

Я обняла себя руками и глубоко вздохнула.

— Все будет нормально, — сообщила я. — У меня все будет хорошо, — я вспомнила слова, которые Влад сказал в мой день рождения. — У нас, — ответила ему тогда я и сейчас повторила. — Я опаздываю в школу, пап.

Когда я повернулась к нему лицом, он вздохнул, тревожно глядя на меня.

— Ты пойдешь с классом отмечать Новый Год? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Не вижу смысла.

Папа нахмурился.

— Ты вообще в чем-нибудь видишь смысл?

Это провокационный вопрос, и я не собиралась отвечать на него.

— До вечера, — сказала я и направилась в прихожую.

Папа не стал меня догонять и пытаться продолжить разговор.

В последний учебный день Виолетта подошла ко мне после того, как закончился шестой урок.

— Какие планы? — спросила она у меня.

— Никаких, — ответила я.

На самом деле, они были. Я снова собиралась закрыться в своей комнате и слушать весь день диск Влада. Я знала наизусть все песни, которые он записал для меня. Я не забывала его.

— Тогда сходишь со мной сегодня прогуляться по магазинам? — предложила Виолетта.
— Хочу выбрать платье на Новый Год.

— Я... — я собиралась придумать какую-нибудь отговорку, но не стала. — Да. Хорошо. Я пойду с тобой, — ответила я.

Подруга просияла.

— Правда? Честно говоря, я не ожидала, что ты согласишься.

Я пожала плечами и попыталась улыбнуться.

— Где встретимся?

Мы встретились в четыре часа у торгово-развлекательного центра РИО.

— Привет, — сказала Виолетта.

— Привет, — сказала я.

И мы стали заходить во все отделы с одеждой. Виолетта не особо разговаривала со мной, потому что в последнее время я вообще мало общалась. Но сегодня я старалась завести беседу, чтобы не испортить ей прогулку, и самой отвлечься.

— Поедешь куда-нибудь на каникулы? — спросила я.

Виолетта расцвела, видимо, она все-таки не думала, что я буду разговаривать.

— Да, — бодро кивнула она. — Мы собираемся ехать в Болгарию, покататься на лыжах.

— Здорово! А куда собирается Стас?

— Планирует остаться в Питере, — голос Виолетты стал грустным. — Так что все зимние каникулы мы с ним не будем видеться. А ты? У тебя какие планы?

— Тоже останусь здесь.

— Разве тебе не хочется поехать, например, к морю, отдохнуть?

Я пожала плечами.

— На твоём месте я бы цеплялась за любую возможность, лишь бы выбраться отсюда, где все напоминает о нём, — пробормотала Виолетта. Я напряглась. Я старалась не говорить на эту тему, но избежать разговоров о Владе, похоже, все же не получится. — Извини меня. Я не хотела. Я просто беспокоюсь.

— Все нормально.

— Ты страдаешь, и я не могу смотреть на это.

— По-моему, я держусь молодцом, — усмехнулась я.

— Да, — серьезно кивнула Виолетта. — Если бы мы со Стасом расстались, и он уехал навсегда в другой город, я бы сошла с ума.

Я и так схожу с ума, только внутри.

— Одно дело, если бы Влад остался в Санкт-Петербурге, — сказала Виолетта. — Вы бы все равно встречались в школе, ты бы не так терзалась оттого, что не можешь видеть его. И совсем другое, когда он просто уехал, раз и навсегда отрезав себя от тебя, — она вздохнула. — Это так плохо. Но есть и плюсы.

Я не удержалась и фыркнула.

— Ты быстрее забудешь его, — пояснила она.

— Если бы все было так просто, как на словах, — прошептала я.

— Ты знаешь, Алина. Если что, ты можешь обратиться ко мне за поддержкой. Я рядом. Мне хотелось улыбнуться ей, но губы не слушались.

— Да. Я знаю. Спасибо за это.

Прогулка по торговому центру растянулась на неопределенное количество времени. Мы с Виолеттой решили устроить себе небольшой перерыв и зашли в суши-кафе. Когда нам принесли наш заказ, Виолетте позвонил Стас, и она стала болтать с ним, а я ковырялась в роллах с лососем.

Я сидела лицом к выходу из кафе, поэтому видела всех, кто проходил мимо. И я заметила знакомую фигуру. Мне хватило одной сотой доли секунды, чтобы узнать этого человека. Мама Влада. Наталья Андреевна. Это были ее светлые волосы, которые она всегда собирала на затылке большой черной заколкой. Это была ее светлый пуховик.

Если она здесь, то, получается, и Влад тоже? Может, они никуда не уехали, или вернулись?

— Я сейчас, — быстро сказала я Виолетте и соскочила с места.

— Ты куда? — крикнула она мне, но я не повернулась.

Я выбежала из суши-кафе и стала прыгать на месте. На меня смотрели, как на невменяемую. Где Наталья Андреевна? Неужели я потеряла ее из виду? Нет. Мне нужно ее найти!

Я сканировала толпу, и люди, как назло, шли на меня.

Ищи. Ищи. Ищи.

— Наталья Андреевна! — крикнула я, когда заметила ее светлую макушку.

Женщина меня не услышала.

Тогда я побежала к ней. Я стала расталкивать всех, кто попадался мне на пути, и за это на меня кричали. Но мне было все равно. Я должна была добраться до мамы Влада.

Женщина завернула налево. Только бы не упустить ее! Я побежала за ней, дважды споткнулась и чуть не упала.

— Наталья Андреевна! — снова закричала я.

Женщина остановилась, и я заликовала в душе.

— Постойте! — уже без сил произнесла я.

Мама Влада увидела меня. Ее лицо вытянулось от удивления.

— Алина?

Я подбежала к ней и растерянно улыбнулась, тяжело дыша.

— Здравствуйте, Наталья Андреевна, — пробормотала я. Когда я отдышалась, то спросила: — Вы не уехали? Влад тоже здесь?

Женщина, казалось, еще больше удивилась.

— Мы никуда не уезжали, — сказала она. — Ты, наверное, что-то путаешь.

Слова застряли где-то в горле. Я смотрела на нее с широко открытыми глазами и пыталась понять, что она только что мне сообщила.

— Как это не уезжали? — спросила я. — Но Влад сказал, что вы собираетесь обратно, в Лугу.

Наталья Андреевна нахмурилась и поджала губы.

— Так он ничего не сказал тебе?

— Что он должен был сказать мне? — я начинала дрожать.

— Он... — у женщины зазвонил телефон, и в этот момент я прокляла весь мир. — Извини, — она достала из сумки мобильник и ответила на звонок. — Да. Я скоро буду. Не скучай, — и улыбнулась.

Она говорила с Владом? И где он вообще? Почему он соврал мне о том, что собирался уезжать с матерью из Питера? Если он разлюбил меня, так почему не сказал об этом прямо?! Зачем все так усложнять?

К глазам подкатили слезы, но я не стала рыдать раньше времени.

Наталья Андреевна убрала телефон в сумку и посмотрела на меня.

— Я сейчас очень спешу, Алина, — сказала она. — Ты можешь прийти сегодня к нам вечером? Где-нибудь в семь? Я буду там. Надо забрать оставшиеся вещи...

Они куда-то переехали?

Я совсем запуталась.

— Хорошо, — бессознательно кивнула я. — Я приду.

Женщина робко улыбнулась и ушла, оставив мне добрую дюжину вопросов.

Я вернулась к суши-кафе, где оставила Виолетту. Она металась у входа и выискивала кого-то в толпе. Меня, скорее всего.

— Вот ты где! — воскликнула девушка и бросилась ко мне. — Ты куда убегала?

— Увидела кое-кого, — туманно отозвалась я.

Я видела его маму. Он в Питере. Он здесь. Он никуда не уехал. Я могу увидеть его. Боже, сделай так, что это произошло как можно скорее.

— Ты купила себе все, что хотела? — спросила я у Виолетты.

Она неопределенно кивнула.

— Мы можем пойти домой?

Она снова кивнула.

— Мне больно на тебя смотреть, Алина, — повторила она.

Теперь кивнула я.

Глава девятнадцатая

Я не могла найти себе места, и как только наступило шесть часов, я убежала из дома, села на автобус, чтобы не тревожить Павла лишней раз, и поехала к дому Влада. Я приехала раньше, чем должна была, поэтому мне пришлось ждать Наталью Андреевну у подъезда.

Я гадала, что она мне скажет. Влад зачем-то соврал мне. Надеюсь, на то были серьезные причины, потому что он знал, как я ненавидела ложь во всех ее проявлениях. Даже если она во благо. Ложь — это ложь.

Я вздрогнула, когда услышала за спиной чьи-то шаги. Это оказалась мама Влада.

— Здравствуйте еще раз, — с глупой улыбкой на лице сказала я.

— Долго ждешь? — спросила она. — Извини, я немного задержалась у Влада.

Я перестала улыбаться. Мне стало интересно, что произошло с моим выражением лица, потому что у Натальи Андреевны оно тоже изменилось.

— Пойдем, — женщина опустила взгляд к ногам и подошла к двери.

Когда мы зашли в их квартиру, я удивилась. Почти вся мебель отсутствовала, но кое-что из мелочей осталось. И за этими вещами вернулась Наталья Андреевна. Она их заберет и

больше не появится здесь. И Влад тоже.

— Вы переезжаете? — спросила я, хотя это было очевидно.

— Да, — мама Влада прошла вперед и сказала мне через плечо: — Проходи. Обувь можешь не снимать. Подожди меня на кухне. Я приду к тебе через пару минут.

— Хорошо.

Я сделала так, как она сказала. Когда Наталья Андреевна зашла на кухню, мы молчали целую минуту. Ни я, ни она не решались заговорить. Я просто не знала, с чего начать. А женщина будто боялась этого разговора.

— Значит, вы никуда не уехали? — я набралась смелости и задала свой первый вопрос. — И не собирались?

Наталья Андреевна опустила глаза к полу и вздохнула.

— Нет, — ответила она. — И я не понимаю, почему Влад так сказал тебе.

Я тоже, но очень хотела понять. Было бы лучше, если бы сейчас на месте его мамы стоял он, и я бы разговаривала с ним.

— Он сказал, что все расскажет тебе, — донесся до меня тихий голос женщины.

— О чем он должен был рассказать? — тут же спросила я.

Наталья Андреевна закрыла глаза и издала судорожный вздох.

— Он умирает, Алина, — произнесла она.

Два слова.

Достаточно всего двух слов, чтобы окончательно выбить почву из-под ног человека. Достаточно для того, чтобы разрушить все, во что он верил и надеялся, чего желал, а что ненавидел. Этого достаточно, чтобы разрушить целый мир.

— Он умирает, — шепотом повторила женщина, будто собиралась добить меня.

— То есть? — я надеялась, что Наталья Андреевна услышала меня, потому что я не могла говорить громче. — В смысле... как? Как это... умирает?

— Он умирает, — снова произнесла она, но ее лицо выглядело так, словно она не слышала меня. — Влад болен. У него рак.

Сколько раз мне казалось, что мой мир рушился, и каждый раз я чувствовала себя разбитой. Но сейчас... сейчас я ощутила нечто другое, более сильное и темное, расплзающееся по венам, словно яд. Я почувствовала себя так, словно эти слова были предназначены мне. Что у меня рак, а не у Влада. Нет... то, что зародилось у меня в груди, было в тысячу раз сильнее боли.

— Что? — беззвучно произнесла я.

Она сморгнула слезы.

Я не хотела слышать этого снова. Я не хотела ничего понимать. Я пожалела о том, что сегодня встретила Наталью Андреевну и пришла сюда. Я не хотела чувствовать такую боль. Она так стремительно уничтожала все светлое, что было у меня в душе.

Смерть. Я боялась даже мыслей об этом.

— Мой мальчик болен, — Наталья Андреевна затряслась в рыданиях.

Уголок моего сознания твердил мне, чтобы я подошла к ней и обняла, потому что я тоже нуждалась в этом.

У Влада рак.

— Я не могу остановить это, — женщина громко всхлипнула.

Рак. Рак. Рак. Рак. Рак. Какое глупо название для болезни-убийцы.

Влад смертельно болен.

— Почему? — это слово само слетело с моих губ.

Почему он? Почему сейчас? Почему вообще? Влад ведь так молод! Неужели, его скоро не станет?

— Мне так жаль, — это все, что я могла сказать.

Я заставила себя подойти к Наталье Андреевне и обнять ее. Она обняла меня в ответ, и мы вместе стали рыдать.

Я больше не верила в Бога.

Мы смогли успокоиться только через полчаса.

— Мы узнали об этом, когда Владу исполнилось восемь, — сказала Наталья Андреевна, прогуливаясь по пустой комнате сына. — Ему поставили диагноз: меланома сетчатки обоих глаз. Тогда я сразу для себя сказала, что не станут жить без моего мальчика. Длительное лечение не помогло, и ему сделали операцию, — она остановилась у окна. Я поняла. Ему удалили глаза, потому что это был единственный способ избавиться от опухоли.

Очередная ложь.

Влад сказал, что потерял зрение в результате аварии. Но все дело в раке.

— Я свыклась с тем, что сын больше никогда не сможет увидеть. Главное, он жив, — Наталья Андреевна отошла от окна и подошла к тому месту, где стояла кровать. Теперь ее не было. Ничего не было, кроме воспоминаний, одновременно уничтожающих и помогающих жить. — Но рак вернулся. Мы узнали об этом месяц назад. Влад стал плохо себя чувствовать. Глубоко в душе я понимала, с чем связано его ухудшенное самочувствие, но старалась не думать об этом. Однако с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Однажды ночью я проснулась от ужасного крика.

Я вздрогнула, представив эту картину.

— У Влада был сильный жар, — после паузы продолжила Наталья Андреевна. — Я вызвала скорую, и его отвезли в больницу. Один день он провел в реанимации. Рак вернулся, и болезнь прогрессирует с новой силой. Моего сына уже не спасти, Алина, — женщина застыла у западной стены, где когда-то стояли стеллажи с книгами.

— Ничего нельзя сделать? — спросила я.

— Ничего, — подтвердила она.

Я не понимала. В голове творился настоящий кавардак, и совсем не было ни сил, ни желания, ни времени, чтобы наводить порядок.

— Но... — я оборвала себя, так как не знала, что сказать.

Влад умирал. Парня, изменившего мою жизнь, убивала какая-то опухоль. Он не просто уходил, он уходил навсегда. Он собирался бесследно исчезнуть и оставить этот мир. Свою маму. Меня.

Лучше бы он действительно уехал в другой город. Лучше бы я больше никогда его не увидела, но была уверена, что его жизни ничего не угрожает. Но судьба всегда ставит нас на худший путь.

— Где он сейчас? — хриплым голосом спросила я.

Наталья Андреевна вздрогнула, словно очнулась, и посмотрела на меня. Ее глаза были красными от слез. Мои, я уверена, тоже.

— В детском Хосписе, — ответила она. — Это здесь, в Санкт-Петербурге.

Я кивнула. Хорошо. Мы находились в одном городе, значит, я могла навестить его... Нет. Я бы сделала это, даже если бы он находился на другом конце мира.

— Почему вы переехали? — я медленно оглядела комнату, в которой до сих пор витал запах Влада.

— Нужны деньги на его лечение. Я продала эту квартиру и купила небольшую однокомнатную поближе к Хоспису, — пояснила Наталья Андреевна.

Я снова кивнула.

— Мне жаль, — я была уверена, что прошептала это тихо, однако слова разлетелись громким эхом по комнате.

— Мне тоже. Я вынуждена столкнуться со смертью снова, — женщина обратила взгляд к потолку, плотая слезы. — Мой муж, отец Влада, тоже умер. И тоже был болен раком, — она горько усмехнулась. — Это словно проклятие. Я вынуждена терять всех, кого люблю.

Значит, отец Влада не погиб в аварии? Это тоже была ложь?

Я не могла представить боль, которую испытывала Наталья Андреевна. Пережить смерть любимого мужа, и скоро встретиться со смертью единственного сына...

По телу прошла дрожь. Я обняла себя руками, так как внезапно стало холодно.

— Вы можете дать мне адрес Хосписа? — попросила я. — Я бы хотела навестить его. Влада.

Женщина опустила голову и развернулась ко мне всем телом.

— Конечно, — она улыбнулась.

И как у нее еще хватает сил держаться на ногах?

— Думаете, он будет рад меня увидеть? — глухо спросила я.

— Почему он должен быть не рад?

Я пожалала плечами, и по щеке скатилась слеза, которую я тут же смахнула.

— Ну, он же не сказал мне о том, что... болен, — я не смогла сказать «умирает». Это жуткое слово. — Значит, он не хотел, чтобы я знала об этом. И, возможно, не захочет меня видеть... — мой голос сорвался, и я стиснула зубы от боли.

Наталья Андреевна подошла ко мне и положила руки на мои плечи.

— Влад скучает по тебе, — сказала она, и мне захотелось взвыть. — Каждый день. Я навещаю его каждый день и вижу, как ему плохо без тебя, хоть он и старается держаться.

— Но почему он тогда не рассказал мне? — я заплакала, больше не могла сдерживаться. — Почему решил просто уйти?

— Может, потому, что беспокоился о тебе? — Наталья Андреевна снова улыбнулась. — Может, он не хотел, чтобы ты страдала из-за него так, как страдаю я? — ее губы плотно сжались.

— Он всегда начинал сердиться, когда я заботилась о нем, — проговорила я.

— Да, — тихо рассмеялась его мама. — Он такой. Самоотверженный до мозга костей. Мой сын будет страдать, но никогда не позволит страдать другим. Он всегда старался помогать людям.

Я всхлипнула, зажмурилась глазами.

— Он помог мне, — прошептала я.

— И мне, — сказала Наталья Андреевна. — Он помогает мне каждый день тем, что дышит.

— Как вы живете с мыслью, что его не... станет?

Ее руки на моих плечах похолодели.

— Я думаю об этом каждую секунду, Алина. Я проклинаю судьбу за то, что она так жестоко обошлась с жизнью моего сына. И сколько бы боли ни испытывало мое сердце, оно еще бьется, потому что бьется сердце моего сына. Я верю, что Влад будет в лучшем мире. Его душа заслужила покой, потому что столько страдать просто невозможно...

— Я ненавижу его, — сказала я.

— Кого?

— Бога.

— Не надо винить его. Он дает нам жизнь, он ее и забирает. У каждого свой срок пребывания в этом мире.

Я покачала головой.

— Вы знаете, сколько у него еще есть времени? — спросила я, посмотрев на Наталью Андреевну.

— Никто не знает. Но я думаю, его хватит, чтобы попрощаться.

Прощаться с Владом.

Я думала, что до этого жила в кошмаре. Но нет. Именно сейчас я попала в него. Но ужаснее всего то, что это происходит по-настоящему. Я не проснусь. И Влад тоже. Он не будет здоровым, потому что той, другой, реальности не существует.

Есть только этот жестокий мир, который всегда отнимает у нас самых любимых.

Больше нет радости. Боль вытеснила все чувства. От кончиков пальцев ног до макушки головы я чувствовала ее.

Бесконечное небо теперь казалось чужим, как и все вокруг.

Миллионы крупных снежинок, опускаясь и кружась, делили со мной печаль. Они падали мне под ноги, словно заново прокладывая путь, словно прося изменить дорогу, очищая ее от прошлого. Я ступала по ним, то ли в будущее, то ли в пропасть. Я не знала, чем закончится этот эпизод, но я не сбивалась со своего пути, не сбавляла шаг.

На улице, вместе со временем, утих ветер, он ушел, оставив меня одну под снежными слезами плачущего неба. В густом снегопаде я видела кадры своего прошлого, той жизни, где я уже не буду, где меня уже не будет. Я помнила каждое мгновение, каждое дыхание, я помнила все чувства, с которыми мне жить теперь до конца своих дней. Теперь боль мой друг. Теперь это мой крест. Я буду нести его всюду. Я буду молчать о нем.

Владу шестнадцать, и только Бог знает, что он пережил, и сейчас переживает. Я совершенно не знала, что должен чувствовать умирающий человек. Знал ли Влад все это время, что болезнь вернется к нему? Если да, то это еще раз подтверждает, что он самый стойкий и смелый человек из всех, кого я когда-либо знала. Я бы не смогла жить с мыслью, что мои дни сочтены.

Я должна была увидеть его так скоро, как это только вообще возможно. Я бы ринулась в этот Хоспис прямо сейчас, в два часа ночи, и перерыла бы все здание в его поисках, а когда нашла бы, то крепко обняла и сказала, что рядом и не уйду.

Я нуждалась в нем, как в новом глотке воздуха. Я знала, что он так же нуждался во мне.

Он любит меня, и я его тоже. Мы должны быть вместе. Я должна быть рядом с ним сейчас, когда нужна ему. А я нужна. Знаю, чувствую, что нужна.

Каково это — любить того, кто умирает?

Отвратительно. Но не потому, что этот человек болен. Ужас в том, что однажды его просто не станет. Он уйдет. А ты останешься один со своими чувствами, которыми уже не с кем будет делиться. И эти чувства превратятся в боль, которая будет преследовать всю жизнь, день за днем, из месяца в месяц, из года в год. Даже в старости ты будешь вспоминать об этом человеке, изменившем твою жизнь, не без щемящей тоски в сердце.

Я не готова потерять Влада сейчас. И потом. Я хочу быть с ним до того момента, пока он не уйдет. Еще не пришло время прощаться. Еще рано.

Моя жизнь снова оказалась в руинах, и я не смогу восстановить свой мир самостоятельно, без Влада.

Он нужен мне.

Он нужен мне.

Он нужен мне.

Я так его люблю.

Пусть об этом знают все ангелы небес и Бог. Я не оставлю его. Я буду бороться, быть с ним, поддерживать его, помогать ему, как он в свое время помог мне, появившись в моей жизни. Он не представляет, и никто не знает, как много он значит для меня. Он моя целая отдельная вселенная.

Если жизнь — это игра, и по ее правилам я должна позволить Владу уйти, то я выбываю из нее. Я посылаю ее к чертям в ад. Я создам свою игру и свои правила.

— Все будет хорошо, — прошептала я, глядя на большую луну. — У нас все будет хорошо. Мы справимся... Мы справимся.

Глава двадцатая

«Бог не обещал дней без боли, смеха без слез, солнца без дождя... Но Он обещал дать силу на каждый день, утешить плачущих и осветить путь идущим»

Детский Хоспис Санкт-Петербурга.

Я сжала кулаки до боли и не могла пошевелиться. Я стояла у двухэтажного вытянутого здания кремового оттенка. В моих руках был пакет с фруктами, которые я купила Владу. Как он отреагирует, когда увидит меня? Я попросила Наталью Андреевну не говорить ему о том, что я все знаю. Будет ли он рад? А что, если прогонит?.. Тогда я все равно не уйду. Я буду идти до конца.

Сейчас два часа дня. Остался день до Нового Года. Снег крупными хлопьями падал на землю, легкий ветер дул в спину, будто подталкивая меня.

— Хватит уже стоять, — сказала я себе и сделала решительный вдох.

Я не представляла, что скажу Владу, когда увижу его. Не исключено, что я разрыдаюсь и брошусь бежать прочь, или кинусь к нему на шею.

Я медленно шла вперед и когда, наконец, дошла до здания Хосписа, остановилась. Я видела, как на площадке играли детишки, у которых не было шанса вырасти и состариться. Был ли Влад среди них?

Я направилась туда.

На полпути меня окликнула невысокая светловолосая женщина.

— Куда вы, девушка?

Я остановилась и посмотрела на нее.

— Здравствуйте, — сказала я. — Я пришла к Владу. Владу Авдееву.

— Вы его родственница? — спросила она.

— Эмм, нет. Я его подруга.

Женщина кивнула.

— Он с остальными ребятами сейчас на прогулке. Ты можешь пройти к ним.

— Хорошо. Спасибо.

Я направилась к площадке, и мое сердце болезненно сжалось в груди, когда я услышала детский смех. Это смеялась девочка. Она сидела в инвалидном кресле. На вид ей было не больше одиннадцати лет. У нее было милое личико и очень бледная кожа. Интересно, понимает ли она, что умирает? Если да, то как может смеяться?

Самым младшим пациентом Хосписа, которого я увидела, пока шла, был маленький мальчик трех-четырёх лет. С ним у качелей сидела молодая женщина и что-то ему рассказывала. Это его мама? Или воспитательница?

Достигнув своей цели, я остановилась и стала всматриваться в лица детей. Они с ответным любопытством смотрели на меня. Неожиданно мое внимание привлекла темная фигура парня. Он был отдельно от остальных. Стоял у дерева. Так же я увидела трость.

Это был Влад.

Я чуть ли не ринулась к нему, а когда подошла близко, остановилась. В висках пульсировал страх. Влад стоял ко мне спиной.

— Привет, — отважилась и произнесла я.

Он не шелохнулся, а я терялась в догадках, узнал ли он мой голос. Надеюсь, что узнал. Его я никогда не забывала.

— Алина, — на выдохе сказал Влад и медленно развернулся ко мне.

Я застыла.

Он похудел, цвет его лица был болезненно-бледным, щеки опали. Из-под шапки не торчали волосы. Он подстригся? Одно осталось неизменным. Очки. Они скрывали его неживые глаза.

— Да, — я скованно кивнула. — Это я.

Его губы раскрылись, и я услышала, как он шумно втянул в себя зимний воздух.

— Как ты узнала, что я здесь? — спросил он и сам же ответил: — Мама.

Я снова кивнула. Он, конечно же, этого не видел.

— Она тебе сказала, — это был не вопрос.

— Да, — ответила я. — Сказала... Но не ты.

Влад поднял голову. На его лице застыл вопрос.

— Ты должен был сказать мне о том, что... — я не сумела договорить.

— Должен сказать что? Что я умираю? — на первый взгляд могло показаться, будто Влад улыбнулся. Но это была не улыбка, а проявление боли. — И как ты себе это представляешь? Я бы не смог тебе этого сказать, Алина. Не смог... Ты можешь злиться на меня, ненавидеть, но даже если бы у меня появилась возможность отмотать время назад, я бы все равно не признался о том, что умираю.

Я сжала губы от муки.

— Но ты должен был, — прошептала я.

— Я знаю. Но я не так силен, как ты думаешь.

Это шутка? Да сильнее духом человека я не знала!

— Почему ты сказал, что уезжаешь? — я сделала небольшой шаг вперед, и Влад напрягся, когда снег захрустел под моими ногами. Я остановилась.

— Хотел, чтобы ты считала, что это конец, — честно признался он.

— Но это не конец.

— Конец, Алина, — его голос стал твердым и холодным. — Разве ты не поняла, что все кончено! Я умираю! Уже ничего не будет!

Перед тем, как ехать к Владу в Хоспис, я уговаривала себя целый день не плакать перед ним. Но сейчас понимаю, что не смогу сдержать обещание, которое дала.

— Не конец, — повторила я тихо и уверенно. — Еще есть время.

— Откуда тебе знать? — Влад стукнул тростью по снегу. На его лице вспыхнул гнев. — Может, я умру завтра? Или послезавтра? Или прямо сейчас, у тебя на глазах? Ты не можешь этого знать. И никто не может, — он хриплый звук, похожий на стон, и перенес вес тела на трость. — Хочешь знать, почему я сказал, что уезжаю с мамой обратно в Лугу? Потому что я не хотел причинять тебе боль своими страданиями.

— Какая глупость! — воскликнула я.

— Не перебивай. Пожалуйста. Мне и так сложно.

— Прости.

— Помнишь, я неважно чувствовал себя? Ты еще думала, что я простудился. Так вот. Это была не простуда, — Влад горько ухмыльнулся. — Ко мне вернулся старый добрый друг-убийца. Столько лет тишины, и в один прекрасный день все мои мечты рухнули. Ты не представляешь, как сложно мириться с этим, Алина.

Он прав. Я не представляла.

— Мой мир рухнул, — Влад прерывисто вздохнул. — Снова. Только сейчас я понимаю, как это ужасно.

Я стиснула зубы и прикусила язык, стараясь не дать крику вырваться наружу.

— Моя мама не понимала, почему я, ее ребенок, заболел, — продолжил он. — Но все дело, я думаю, в наследственности. Врачи тоже так считали. У моего отца был рак. Поэтому я винил его, — Влад медленно поднял голову. — Винил в том, что из-за него потерял возможность видеть этот мир! Я потерял все! — он закричал, схватившись свободной рукой за шапку. Тогда он резко сорвал ее, и я не сумела сдержать ужаса, когда увидела лысую голову. О. Мой. Бог. — Я винил его все это время, но он не был виноват, ведь он тоже заболел не по своей воле, — шапка выпала из его руки. — В этом никто не виноват. Просто так сложилось.

Глаза жгло, и я из последних сил старалась не плакать.

— Папа покончил с собой, — заявил Влад, и я испугалась сильнее. — Он не выдержал всего, что свалилось на нашу семью. Он напился и ехал по встречной полосе, где и столкнулся с грузовиком. Не все, что я говорил, было ложью. Мама чуть не сошла с ума тогда, и я поклялся, что сделаю все для того, чтобы жить. Я ходил на всякие лечебные курсы и терапии, чтобы появилось больше шансов на то, что рак никогда не вернется.

Влад переступил с ноги на ногу и взял трость в правую руку, снова навалившись на нее.

— Я хотел жить, как все. Я хотел ходить в нормальную школу, дружить с нормальными людьми. Знаешь, я обвинял тебя в том, что ты претворяешься и носишь маски, пытаешься быть другой. Но на самом деле я такой же, как ты. Я лгал себе все это время, убеждая в том,

что такой, как все. Но я другой. Я всегда был другим. Я такой идиот, Алина.

— Ты не идиот, — сказала я, и была в ужасе оттого, как прозвучал мой голос. — Не называй себя так.

— Я занимался самообманом. Поэтому да, я идиот. Самый большой идиот в мире.

— Идиот бы не помог мне, — я сократила расстояние между нами, сделав еще один шаг. — Он бы не показал, кто я есть. Идиоты не читают Ницше.

Влад скривил губы в усмешке.

— Не очень сильный аргумент, — сказал он. — Но спасибо, что пытаешься утешить меня. Как будто мне и мамы недостаточно...

— Я вовсе не пытаюсь утешить тебя. Я пытаюсь сказать, что ты невероятно умный, невероятно добрый человек. Ты... просто невероятный! Жаль, что ты не осознаешь этого. Ты настоящее чудо.

— Это не так... Я разваливающееся, слепое и медленно погибающее тело. Вот, кто я.

Я поморщилось.

— Перестань так говорить!

Губы Влада дрожали. Он громко сглотнул и сжал переносицу указательным и большим пальцами.

— Если ты не понимаешь, насколько ты уникален, тогда ты точно слеп, — сказала я.

Он не ответил.

— Я всего лишь хотел жить, — произнес он. — Разве это так много? Просто жить? Я не прошу вернуть зрение, я прошу всего лишь возможность дышать еще несколько десятилетий. Я хочу умереть в старости, как все. Я не могу видеть, но я слышу. В мире столько звуков, которые я еще не слышал. Ох, Боже, — Влад согнулся пополам.

Я испугалась.

— Тебе плохо? — я осознала, что подбежала к нему, когда уже стояла рядом, и моя рука лежала на его спине.

— Нет, — едва слышно отозвался он. — Порядок. Порядок.

Влад медленно выпрямился, и я вблизи посмотрела на него.

— Я скучала, — прошептала я.

Его скулы напряглись.

— Не говори мне этого, — попросил он.

— Почему?

— Потому что я не хочу страдать сильнее. Я и так не находил себе места, когда оставил тебя одну в парке. Мне было тяжело уходить, Алина. Клянусь Господом-Богом, я хотел развернуться и рассказать все. Но я не мог. Я думал, что поступаю правильно. Я хотел уберечь тебя от боли.

— В любви нельзя быть эгоистом. А ты поступил, как эгоист. Страдал в одиночку, без меня.

Влад расслабленно улыбнулся.

— Странное мышление.

— У меня был хороший учитель, — пробормотала я. — Ты предпочел справляться с горем один, вместо того, чтобы разделить свое нелегкое бремя со мной. Это неправильно.

— Ты не должна быть сейчас здесь и говорить мне все это.

— Но я здесь, и я говорю.

— Алина, — он издал измученный вздох, — ты не можешь меня любить. Больше не

можешь.

— Ошибаешься. Еще как могу.

— Я умираю.

Острый нож вонзился в сердце, и я почувствовала прилив адской боли.

— Я с тобой.

— Уже нет, — Влад покачал головой и отступил назад.

Боль в груди усилилась.

— Я люблю тебя, — сказала я.

— Не волнуйся, это пройдет, — ответил он.

— Я люблю тебя! — повторила я громко.

— Так перестань любить! — прокричал Влад.

— Я не могу! — из глаз хлынули слезы. — Я. Не. Могу... Думаешь, это так просто?

Взять и разлюбить тебя?! Ты не понимаешь, как трудно быть к тебе равнодушной! Ты не понимаешь, как это здорово — любить тебя, быть частью твоей жизни! Ты не понимаешь...

— я стала жадно хватать воздух ртом. — Ты изменил меня.

— Я помог тебе стать собой, — тихо произнес он.

— Я никогда не откажусь от своих чувств, Влад, — я сделала шаг к нему и взяла его за руку. У него были такие холодные пальцы. — Ты просил не забывать тебя, а сейчас требуешь разлюбить... Как тебя понимать?

— Помнить — не значит любить.

Я замотала головой.

— Ты дал мне диск со своей любимой музыкой... Ты сделал все, чтобы я продолжала любить тебя!

— Тебя что, совсем не пугает то, что я нежилец? — его лицо исказила гримаса отвращения.

— Это пугает, — не стала отрицать я. — Это смертельно пугает, — я крепче сжала его руку. — Если бы на твоём месте был кто-нибудь другой, я бы убежала как можно дальше отсюда, потому что я ненавижу смерть и все, что с ней связано. Но я не оставлю тебя, Влад. Никогда. Ты можешь наговорить мне кучу плохих слов, можешь сказать, что не любишь меня и что не желаешь видеть рядом с собой. Я все равно никуда не уйду.

— Я никогда не скажу этого, — Влад опустил голову.

— Жизнь не справедлива по отношению к нам. Но теперь я, по крайней мере, знаю, с чем столкнулась на этот раз. У меня никогда не было привычки отступать, знаешь ли. Я всегда... почти всегда добивалась своего. Я — Алина Воронова. Что-то из моего образа, которым я прикрывалась, является частью меня настоящей.

— Да, — с улыбкой проговорил он.

— Ты знаешь меня, как никто другой. И я знаю тебя. Влад, ты открыл для меня новый мир. Ты научил меня любить, хотя до встречи с тобой я не особо верила в это чувство. Ты помог мне разобраться со всеми проблемами, которые были в моей жизни. Ты научил меня, что никогда не нужно сдаваться и всегда оставаться самим собой. Ты Человек с большой буквы. Мы больше не расстанемся, — я притянула его к себе и крепко обняла. — Никогда не расстанемся. Неважно, сколько у нас осталось времени. Каждая секунда с тобой дороже золота. Поэтому давай начнем жить. Давай любить друг друга так, будто это наш последний день.

Влад обнял меня одной рукой, а второй все еще опирался на трость.

— Это будет тяжело, — сказал он мне в плечо.

— Мы справимся.

— С каждым днем я буду отдаляться и, в конце концов, уйду.

Я крепко зажмурила глаза.

— Тогда я отпущу тебя, — сказала я.

— Алина, — выдохнул Влад. — Мне так жаль, — он содрогнулся.

— Тшщ, — я погладила его по лысой голове. Это было непривычное ощущение. — Мы в порядке, верно? Мы в порядке.

— Я умираю, — плакал он.

— Я знаю.

— Я не хочу уходить.

— Я знаю.

— Обещай, что никогда не забудешь меня.

— Обещаю, Влад.

— И не забудешь все, что я тебе говорил. Ты никогда больше не оденешь на лицо маску и будешь собой.

Я отстранилась, чтобы посмотреть на него.

— Не прощайся со мной сейчас, — попросила я. — Все только начинается.

— Начало конца?

Я пожала плечами.

— Давай просто будем жить одним днем, — предложила я. — И не думать о том, что нас будет ждать завтра.

Влад улыбнулся.

— Ты такая смелая. Спасибо, что не оставляешь меня. Мне бы ужасно тебя не хватало.

— Я буду рядом до последнего, — поклялась я.

Влад убрал руку с моей спины и погладил меня по щеке.

— Не плачь, — он вытер пальцем слезы.

— Не буду.

А вот сейчас я солгала. Я знала, что пролью еще немало слез.

— Теперь настала моя очередь лечить тебя своими моральями и философскими размышлениями о бесконечном, — пробормотала я, улыбаясь. — Уверена, ты прочитал немало книг, чтобы впечатлить меня своими глубокими познаниями?

Влад тоже улыбнулся.

— Я могу одолжить тебе парочку сейчас. Будем промывать друг другу мозги вместе.

Я сипло рассмеялась.

— Помнишь, ты обещал говорить, что любишь меня, каждый день? — спросила я.

Влад кивнул.

— Ты задолжал признаний почти за месяц. Я требую возмещения.

— Прямо сейчас? — его бровь взметнулась вверх.

— У нас ведь есть время сегодня, верно?

— Есть, — подтвердил он.

— Тогда начинай.

Влад поцеловал меня в лоб, и я закрыла глаза, прижавшись к нему. Я чувствовала себя в безопасности. Мое сердце больше не болело.

— Я люблю тебя, — начал он.

И я слушала его.

Мы сидели на скамейке, был вечер, снежинки кружились над нашими головами и не спешили падать.

— Как думаешь, рай один для всех? — спросила я.

— Не знаю.

— Я бы хотела, чтобы это было так. Чтобы после смерти все могли встретиться со своими родными. И я с тобой.

Влад улыбнулся.

— Тебе долго придется ждать. Я рассчитываю, что ты умрешь в глубокой старости, в своей постели, и тебя будут окружать твои дети и внуки.

Я сделала вдох.

— Это идеальная смерть. А ты? Ты знаешь, как умрешь? Тебе говорили, как это будет?

— Я просто усну. Боли не будет.

— Это хорошо.

— Да. Это хорошо.

— А каким ты хотел видеть рай, если бы у каждого человека он был свой?

— Там я бы мог видеть, — не раздумывая, ответил Влад. — Я бы хотел видеть рай в лице этого мира со всеми его деталями. Я бы хотел видеть день и ночь, солнце и луну. Я бы хотел видеть звезды. Думаю, я мог бы смотреть на них вечно. А еще, в моем раю обязательно должен быть Эйнштейн. Мама. И ты.

— Ты не знаешь, какая у меня внешность.

— После смерти я надеюсь хотя бы денег провести на земле в качестве призрака, чтобы запечатлеть в памяти то, что хотел бы обязательно видеть в своем раю. Ты была бы первой в списке этого. Поэтому не плачь, когда меня не станет. Вдруг, я все-таки стану приведением. Я не хочу видеть твои слезы.

— Я не смогу.

— Просто дай обещание, даже если не сдержишь его.

— Хорошо. Я обещаю, что не буду плакать день после того, как ты уйдешь.

— И ты будешь улыбаться.

— Ты переоцениваешь мои силы.

— Пообещай. Мне необходимо это сейчас, пока я жив.

Я посмотрела на него.

— Я буду улыбаться, — сказала я. — Я не буду плакать.

Влад медленно кивнул.

— Спасибо.

Его рука накрыла мою ладонь и мягко сжала.

— Мне уже нравится мой рай. Но я хочу жить, хотя меня заставляют проходить ужасные болезненные процедуры, от которых жуть как хочется повеситься. Жизнь — это вечная война. И я буду бороться, потому что оно того стоит.

— Я буду помогать тебе.

— Вместе до последнего.

Наши пальцы переплелись.

— Вместе до последнего, — подтвердила я.

Эпилог

Мне шестнадцать, но я люблю. Я знаю, что люблю. Я чувствую это. Пусть это не такая любовь, как у взрослых, но я ощущаю ее в своем сердце. И совершенно неважно, когда она придет: в десять лет, двадцать, или сорок... Она придет, обязательно придет и изменит тебя.

Она изменила меня. Сделала лучше.

Люди скажут, что слышать от шестнадцатилетней девочки о том, что она повзрослела, крайне глупо. Но я отвечу им, что это правда. Моя жизнь перевернулась вверх дном, когда я познакомилась с Владом.

Он научил меня видеть мир изнутри. Я помогала видеть ему мир снаружи. Мы были идеальным дополнением друг к другу. Он погибнет без меня, а я без него. Мы вместе, и мне кажется, что так и должно было быть всегда. Возможно, это предначертано судьбой? Но даже если судьба здесь не причастна, я все равно буду с ним. Вопреки всему.

Пока у нас есть время.

Пока у нас есть мы, все будет прекрасно.

Прекрасно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net